

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Арчибальд
Кронин

ДАМА
С БУКЕТОМ
ГВОЗДИК

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Арчибальд Кронин

Дама с букетом гвоздик

«Азбука-Аттикус»

1933, 1936, 1939, 1940,

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кронин А. Д.

Дама с букетом гвоздик / А. Д. Кронин — «Азбука-Аттикус»,
1933, 1936, 1939, 1940, — (Иностранная литература. Большие
книги)

ISBN 978-5-389-24716-1

За миниатюру Гольбейна, известную как «Дама с букетом гвоздик», разворачивается настоящее сражение на лондонском аукционе. Кэтрин Лоример удается обойти соперников, однако вместо триумфа она чувствует тревогу и опустошенность. Затея с миниатюрой – это огромная авантюра, и если она не удастся, Кэтрин окажется на грани разорения. К тому же Кэтрин одинока: самый дорогой ей человек, племянница, вскоре выйдет замуж и покинет ее. Портрет красивой, но несчастной женщины завораживает новую владелицу... Но не случится ли так, что она сама повторит судьбу гольбейновской модели? Помимо романа «Дама с букетом гвоздик», в сборник вошли три повести известного писателя – «Ночные бдения», «Зачарованный снег» и «Женщина земли». Все произведения публикуются на русском языке впервые.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24716-1

© Кронин А. Д., 1933, 1936, 1939,
1940,
© Азбука-Аттикус, 1933, 1936, 1939,
1940,

Содержание

Дама с букетом гвоздик	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	50
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	62
Глава 12	66
Глава 13	70
Глава 14	74
Глава 15	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Арчибальд Кронин

Дама с букетом гвоздик

© А. С. Киланова, перевод, 2023

© И. Ю. Куберский, перевод, 2023

© Э. А. Несимова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Дама с букетом гвоздик

Глава 1

Именно она, миниатюра Гольбейна, собрала дождливым ноябрьским днем антикваров в «Верноне», поскольку на аукционе не было ничего сравнимого с ней ни по стоимости, ни по значимости. Несколько неожиданно присланная семьей Неллер из Роксонского аббатства, миниатюра была широко известна как «Дама с букетом гвоздик». Это исключительное по своей изысканности произведение представляло собой крошечный портрет мадемуазель де Керси, дочери посла при дворе Генриха Восьмого, написанный около 1532 года, вскоре после возвращения Гольбейна в Лондон из Базеля – в период творческого расцвета мастера.

Длинная галерея была переполнена, когда ровно в половине пятого миниатюру выставили на продажу. Из уважения к собравшимся, в котором угадывалась легкая ирония, торги были начаты с двух тысяч гиней, цена тут же выросла до пяти тысяч, на мгновение замерла, затем устремилась к семи, поколебалась, после чего с паузами, свидетельствовавшими об убытии конкурентов, дошла до девяти тысяч четырехсот гиней, когда не осталось никого, кроме двух сильных соперников. Здесь она остановилась.

– Девять тысяч четыреста гиней.

Учтивый и бдительный аукционист, занимавший высокую красную трибуну, – волосы тщательно расчесаны на прямой пробор, в темный галстук аккуратно воткнута жемчужная булавка – внушительно повторил цифру, не отрывая взгляда от бесстрастного лица Бернарда Рубина, смотревшего куда-то в сторону. Похоже, что нынешняя ставка была его пределом. И все-таки в конце концов его прищуренный глаз, едва различимый под жестким краем шляпы-котелка, с каким-то кислым упрямством моргнул, и аукционист сразу же пробормотал:

– Девять тысяч пятьсот гиней.

В следующий миг с противоположной стороны помещения был подан почти незаметный знак.

– Девять тысяч шестьсот, – невозмутимо заметил аукционист.

– Девять тысяч семьсот! – Рубин мрачно двинулся дальше, но снова кто-то бросил ему вызов.

– Девять тысяч восемьсот гиней, – объявил аукционист и повернулся в сторону Рубина.

Но Рубин со всей очевидностью выбыл из игры, он и так уже превысил лимит, и теперь всем своим видом стоически отмежевывался от происходящего. Если что-то и вывело старого Бернарда Рубина на первое место в торговле антиквариатом, так это способность вовремя останавливаться.

– Девять тысяч восемьсот гиней, – повторил аукционист, обводя взглядом переполненный зал.

Тишина.

– В последний раз: девять тысяч восемьсот гиней.

Опять тишина, зловещая и бесповоротная, прерванная резким стуком молотка.

– Продано за девять тысяч восемьсот гиней... мисс Лоример.

Кэтрин Лоример незаметно поднялась со своего места за длинным столом и направилась к открытым двойным дверям в конце просторного зала. Несколько человек, вежливо расступившись перед ней, пробормотали поздравления, но, если не считать ее слабой улыбки, она, казалось, не обратила на них внимания. На самом деле в тот момент ей было бы трудно вести себя как-то иначе, поскольку, несмотря на обретенную с опытом выдержку, она чувствовала, как болезненно колотится сердце от напряжения, пережитого в эти последние бесконечные

секунды. Ей приглянулась эта миниатюра, но еще одна ставка от Рубина означала бы конец ее планам.

Спустившись по ступенькам, старый Бернارد присоединился к ней и заковылял рядом в загадочном молчании. Его машина, черно-серебристая модель «континенталь», огромная и дорогая – Бернارد не преминул сообщить всем о ее цене, – стояла у края тротуара. На выходе Кэтрин и Рубин остановились, встреченные шумом и пестротой улицы, запруженной транспортом, и городским гулом Лондона, из-за чего аукционный зал казался чем-то отстраненным и совершенно ненастоящим.

– Нам не по пути? – спросил Рубин.

Так он обычно предлагал ее подвезти.

Было уже около пяти, и Кэтрин, поддавшись внезапному порыву, решила не возвращаться к делам, а отправиться домой. Она кивнула, затем, из-за дождя и тумана, слегка поежилась и быстро шагнула к машине.

На Кинг-стрит было почти не проехать, а на Пикадилли, забитой омнибусами и такси, вообще пришлось стоять. Когда машина двинулась, остановилась и снова двинулась в сторону Керзон-стрит, полуприкрытые глаза Рубина из-под резко очерченных семитских бровей со странной ироничной пронизательностью обратились на Кэтрин.

– Вы дали слишком много, мисс Лоример, – сказал он наконец.

– А вы не слишком ли много на себя берете, мистер Рубин?

Рубин тихо рассмеялся:

– Может быть, может быть! – Он позволил себе роскошь легко согласиться, сделав паузу, чтобы полюбоваться идеальным бриллиантом на мизинце левой руки. – Наверное, у вас все очень хорошо, если вы можете забираться так высоко. А, мисс Лоример?

– О, не так уж плохо. – Тон Кэтрин был совершенно непринужденным.

– А, ну что ж, это прекрасно! Это чудесно! Особенно когда остальные из нас, занятых в торговле, переживают тяжелые времена. Ни денег, ни клиентов, нигде никакой активности. Но вы... вы можете позволить себе заплатить десять тысяч за крохотную вещицу Гольбейна. Вот так просто! Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Губы Кэтрин приоткрылись, чтобы что-то произнести, но снова сомкнулись. Вместо этого она улыбнулась слабой сдержанной улыбкой, которая, казалось, придавала ей еще большую замкнутость, и откинулась на спинку сиденья в своем углу, глядя прямо перед собой. Выражение решимости и хладнокровия, всегда отличавших ее, усилилось, но, как ни странно, под этим видимым спокойствием, похоже, скрывалась страстная импульсивная натура, которую приходилось обуздывать. В темной же глубине ее глаз мерцали яркие точки света, словно предвосхищая красочную, насыщенную жизнь. Но в основном выражение ее лица было печальным, а на широком лбу пролегла морщинка, словно в прошлом Кэтрин испытала минуты отчаяния и замешательства. Черты ее бледного лица, каштановые волосы и теплые карие глаза были прекрасны, а зубы были такими белыми, что придавали свежесть даже малейшей ее улыбке. Ей было не больше тридцати пяти. И все же из-за этой ее невозмутимой твердости, этого самоконтроля, этой ее отрешенности – будто она созерцает вдали какой-то абстрактный объект – ее сторонились, а иногда даже опасались.

Она была в простом темном шерстяном платье, явно выбранном в спешке, наугад, и в недорогой шляпке, немного съехавшей на затылок и не соответствующей платью. Было очевидно, что Кэтрин равнодушна к своей одежде. Лишь ее туфли ручной работы из тонкой кожи свидетельствовали о том, что она в какой-то мере гордится своими стройными, красивыми ногами.

– Конечно, – с хитрецей заметил Рубин, – если вы хотите получить прибыль, скажем верные десять процентов, и побыстрее, наличными...

Кэтрин решительно покачала головой.

– Спасибо, мистер Рубин. Но если я расстанусь с этим Гольбейном, то за настоящие деньги.

– Настоящие деньги. Их больше не существует. По крайней мере, здесь. Нет-нет! – Рубин ухмыльнулся, пародируя популярную песню: – «Здесь вы это не найдете».

– Возможно, что не найду. – Кэтрин повернулась к нему. – А теперь послушайте, мистер Рубин, и перестаньте ерничать. В следующем месяце я везу миниатюру в Нью-Йорк. И там я продам ее Брандту. Сейчас он в Аргентине, но вернется двенадцатого декабря. Он скупает Гольбейна. Он готов купить его у меня за двадцать тысяч фунтов.

– Ах, Брандт, так вот в чем дело, – отозвался Рубин с внезапными нотками уважения. – Что ж, вы умная женщина, моя дорогая, но, честное слово, на вашем месте я бы не стал рисковать!

– Я могу себе это позволить, – любезно ответила Катрин.

– Вот именно, – закивал Рубин, словно китайский мандарин. – Вот именно, моя дорогая, вам виднее, что к чему.

Он бросил на нее еще один вопрошающий взгляд, полный невольного пиетета, но на ее черты уже снова легла тень напускной суровости, что окончательно закрыло тему разговора. В машине воцарилась тишина, которая длилась до тех пор, пока Рубин, словно желая внести поправку в неловкое молчание, не заметил:

– Ваша маленькая племянница, актриса Нэнси Шервуд, как у нее дела?

Кэтрин тут же снова повернулась к нему, на ее лице отразился живой интерес.

– Превосходно, мистер Рубин. Она только что обручилась.

– Так-так. Кто этот счастливчик?

Губы Кэтрин дрогнули.

– Я узнаю это сегодня вечером. Я приглашена на вечеринку – познакомиться с ним, если вам угодно. Теперь это происходит каким-то невероятным образом. Совсем не так, как в нашей молодости.

– Но ваша молодость сейчас, моя дорогая, – ловко вставил Рубин.

– О, чушь! Вы знаете, что я имею в виду. Только представьте – Нэнси едет на две недели в Ниццу отдохнуть перед своим новым спектаклем и возвращается, таща за собой будущего мужа, словно новую сумочку.

– Ну, сейчас такие вещи делаются довольно быстро, – усмехнулся Рубин. – Но за ними по-прежнему стоят старые идеи.

Когда машина свернула на Керзон-стрит и остановилась напротив дома Кэтрин, Рубин сделал последний лукавый выпад в ее сторону:

– Похоже, Гольбейн все-таки может пригодиться! – Он похлопал ее по руке, когда она поднялась, чтобы выйти из машины. – Если вы не продаете, тогда почему бы не преподнести его в качестве свадебного подарка?

В ушах Кэтрин еще звенел его мягкий смешок, когда она направилась к своим апартаментам – одной из офисных квартир, недавно появившихся здесь. Роскошь и почти барочное величие этого здания с кондиционерами претили ее вкусу, но она находила это место не только удобным для своего дела, но и престижным, что было неизбежной необходимостью в ее профессии. Швейцар впустил ее и проводил до лифта, а другой, с такими же галунами, поднялся с ней на шестой этаж и подобострастно выпустил ее там.

Ввиду своего происхождения и непритязательности привычек, Кэтрин никогда не переставала удивляться самой себе в подобных ситуациях и часто действительно получала втайне детское удовольствие от вида таких разнообразных вещей, как автоматические почтовые ящики или лакейская форма с галунами, однако в этот вечер ее внимание было поглощено другим. Нахмурившись, она размышляла над недавними репликами Рубина, спрашивая себя,

не знал ли на самом деле старый лис о ее финансовых трудностях, и с непроизвольным вздохом допуская, что если даже и не знал, то явно предчувствовал худшее.

Как только она оказалась у своей двери, мышцы ее лица расслабились, и оно сразу стало усталым и измученным. Она позволила себе признать, что у нее был ужасный день, с беспокойным и невыгодным клиентом в начале, почти без обеда в середине и с этой безумной схваткой за миниатюру в конце. У нее ужасно болела голова, а во всем теле ощущались пустота и слабость. Одним нервным движением она сорвала шляпку и швырнула ее вместе с перчатками и сумкой на диван. Затем она отправилась в маленькую кухоньку, чтобы поставить чай и, набравшись решимости, сварить себе яйцо.

Пятнадцать минут спустя, когда она сидела на холодной цинковой скамейке в крошечной кухоньке перед пустой чашкой и яичной скорлупой, ее пронзила абсурдность происходящего. Она платила четыреста фунтов в год за аренду только этого места и еще шестьсот за свои офисные помещения. Она только что потратила десять тысяч на миниатюру. А ужин обошелся ей примерно в четыре пенса. Она засмеялась и не могла остановиться, пока у нее не выступили слезы, но это были горькие слезы, и дай она им волю, так, пожалуй, не выдержала бы и расплакалась.

Вернувшись в гостиную – тихое помещение, скупое, но уютно обставленное несколькими со вкусом подобранными вещами, – Кэтрин сбросила туфли, свернулась калачиком в кресле и закурила сигарету. Она курила редко, только когда была очень счастлива или очень несчастна, а этим вечером она чувствовала безграничную опустошенность. В последнее время дела шли отвратительно. С торговлей антиквариатом было не лучше: приливы и отливы. Она, как и все остальные, вознеслась на вершину в период бума, а теперь почти безнадежно барахталась внизу. Конечно, она боролась и в конце концов победила бы. Были предприняты все возможные меры для экономии расходов. Она не могла избежать обязательств по аренде на Керзон-стрит и Кинг-стрит, но отказалась от своей машины и свела личные траты к минимуму. Однако на душе было тяжело и горько.

Она решила пока не разбираться в нюансах своего финансового положения. Для этого будет достаточно времени в понедельник, когда она снова заглянет в банк к мистеру Фаррару.

Кроме того, этим вечером для ее меланхолии были более серьезные личные причины. Она чувствовала себя отчаянно одинокой. В глазах ее родственников и друзей, да и в глазах всего мира, она олицетворяла нечто великое – успех. Ее мысли вернулись к началу пути, и она увидела свой дом на две семьи в Талс-Хилле, себя шестнадцатилетней, только что окончившей муниципальную школу, а далее – робкой маленькой машинисткой в конторах «Твисс и Уордроп», «Хаус фернишинг», «Дак корт», «Хай-Холборн». Кэтрин допустили на этот оптовый склад мишуры, потому что ее отец был знаком с одним из деловых партнеров, а именно с мистером Твиссом, таким же рьяным нонконформистом, как и он сам; и все же она – несмотря на то что была «своей» – вздрагивала от одного слова мистера Твисса и трепетала, когда мистер Уордроп хмурился.

С тех пор ее жизнь изменилась. Теперь она владела «Антикой» на Кинг-стрит и в Сент-Джеймсе, а также на Парк-авеню в Нью-Йорке, славилась своим вкусом и оформительским даром, считалась специалистом по реконструкции эпохи, бижутерии, изобразительному искусству, да и вообще была, возможно, самой известной в мире женщиной-антикваром. Как это случилось? Это случилось, мрачно размышляла она, потому что она сама этого захотела, потому что она твердо решила сделать карьеру, безоглядно жертвуя всем, безжалостно закаляя свое юное робкое сердце невероятными трудностями и беззастенчивостью. Она хотела любой ценой стать кем-то. Что ж, она этого добилась. Она реализовала свои амбиции, но, боже, каким пустым оказалось это ее тщеславие!

У ее локтя зазвонил телефон. Кэтрин машинально, усталым движением подняла трубку, поскольку одним из осложнений ее жизни стала необходимость постоянно пребывать во власти этого устройства.

Это была мать, звонившая из Уимблдона, с уютной виллы, в которой Кэтрин поселила ее пять лет назад.

– Наконец-то, Кэтрин. – В голосе старой миссис Лоример слышались скорбь и долготерпение. – Что ж, на этот раз мне, как ни странно, повезло. Похоже, в эти дни мне никак до тебя не дозвониться. Похоже, у тебя никогда не бывает минутки поговорить со своей бедной старой матерью. Никогда, никогда!

– Разве я не звонила тебе вчера вечером, мама? – набравшись терпения, спросила Кэтрин.

– Ну и что, если и звонила? – раздраженно ответила пожилая леди. – Алло, алло! Ты меня слышишь?

– Да, мама, я тебя слышу.

– Хорошо, тогда не вешай трубку. Мне нужно многое тебе сказать. Просто подожди минутку. Я записала это на клочке бумаги. А теперь, где мои очки? Господи, они на мне! Итак, первое – ты приедешь ко мне на эти выходные с Нэнси и ее новым молодым человеком?

– Да, мы приедем.

– Отлично, моя дорогая. А теперь слушай! Я хочу, чтобы вы привезли мне кое-что из мелочей: шерстяных ниток, миндаль в сахаре, шоколадный торт и какой-нибудь новый хороший роман. Не забудь, Кэтрин, особенно про миндаль в сахаре – ну, какой ты покупаешь мне в «Фортнуме». О, и пока я не забыла, заодно можешь купить там и пасту из анчоусов. Я люблю намазывать ее на тосты. Почему-то с анчоусами так уютно пить чай у камина зимним вечерком. И послушай, Кэтрин, ты слышишь меня, дорогая? Мне нужна для новой шали трехниточная серая шерсть, если я случайно упустила это.

Кэтрин, терпеливо слушавшая ее, теперь слабо улыбнулась:

– Хорошо, мама. Я выполню твои приказы.

– Ну уж и приказы! – В старческом голосе зазвучали нотки обиды. – Ты укоряешь меня за то, что я прошу о каких-то простых вещах первой необходимости! Ну как же можно, Кэтрин, так выговаривать своей бедной старой матери, это выше человеческого понимания. Если бы твой отец был жив...

Услышав знакомое обращение к смерти, Кэтрин быстро взяла себя в руки. Она поспешно сказала:

– Успокойся, мама. Ты же знаешь, я ничего такого не имела в виду.

Пауза.

– Ты не сердись на меня?

– Конечно нет, мама.

– Что ж. – В трубке раздался тихий вздох умиротворения. – Ну тогда все в порядке. Ты меня слышишь? Алло, алло, эта наглая девица на телефонной станции снова собирается нас прервать. Спокойной ночи. Да благословит тебя Бог, моя дорогая. И не забудь миндаль в сахаре.

Покачав головой, Кэтрин положила трубку. Хотя ее дорогая мама жила более комфортно, чем когда-либо в своей жизни, имея собственный дом и все, что ей требовалось, тем не менее у нее было постоянное чувство, что с ней дурно обращаются. Ей нравилось быть обиженной. Подчас она не знала в этом никакой меры.

Но сейчас, торопливо глянув на часы, Кэтрин решительно выбросила из головы все свои тревоги. Встав, она пошла в ванную и открыла краны. Хотя ей совсем не хотелось выходить из дома этим вечером, ничто в мире не заставило бы ее огорчить Нэнси. Она быстро разделась, небрежно разбросав вещи, и шагнула в ванну.

Приходя в себя в чистой и теплой, без ароматизаторов воде, она подумала о своей племяннице, и хмурое выражение на ее лице инстинктивно исчезло, а губы изогнулись в нежной улыбке. Она обожала Нэнси, дочь своей старшей сестры Грейс, которая против воли матери вышла замуж за Джо Шервуда, счастливо прожила с ним пятнадцать лет, а затем оправдала забытые пророчества и дурные предчувствия, мгновенно и бесславно погибнув вместе с ним в автомобильной катастрофе на Грейт-Уэст-роуд. С того трагического дня Кэтрин взяла на себя все заботы о Нэнси – тогда долговязой четырнадцатилетней девочке: проявляла к ней всеобщее внимание, дала завершить образование, позже помогла ей учиться в Школе драматического искусства, даже снисходительно уступив двенадцать месяцев назад ее настоятельному желанию пойти на сцену. Тем не менее, несмотря на этот подвиг преданного служения, Кэтрин была резка с теми, кто намекал, что она избаловала свою племянницу. Самая чудесная и самая дорогая девочка на свете, Нэнси ни в чем не знала отказа.

Кэтрин казалось странным думать о ней как о взрослой сейчас, когда она вернулась с Ривьеры и невозмутимо объявила о своей помолвке. И все же это было хорошо; что может быть лучше – быстро все устроить, наслаждаться с мужем и детьми самым прекрасным, что только есть в жизни. Вот чего она желала Нэнси, и сейчас по какой-то странной причине она желала этого более, чем когда-либо.

Встав, Кэтрин быстро растерлась грубым полотенцем, так что ее тонкая белая кожа засияла в ответ. Подсознательно она не могла не испытывать благодарность за свое здоровое тело, без которого она никогда бы не выдержала тягот и ударов последних нескольких лет.

Она одевалась медленнее, чем обычно, выбрав платье, которое купила во время своего последнего визита в Париж. Обычно одежда не имела большого значения для Кэтрин. Она честно признавалась себе, что у нее нет ни повода, ни времени для блестящего оперения, и часто она действительно выглядела совершенно непрезентабельно, что обычно с улыбкой принималось за каприз богатой, успешной женщины. Но этим вечером, собираясь с силами, она почувствовала, что ради Нэнси у нее должен быть достойный вид.

В половине девятого, глядя в маленькое зеркало «Воксхолл» на туалетном столике, она была уже готова и, рассматривая свое отражение, решила, что, несмотря на беспокойный день, выглядит вполне прилично. Под глазами наметилось несколько морщинок, но цвет лица, лишенного всякого макияжа, был свежим и приятным. А нежный цвет губ, контрастирующий с белизной зубов, свидетельствовал о чистой и энергичной крови.

Снаружи дождь прекратился, и тротуары, высушенные пронизывающим ветром, приглашали к бодрящей прогулке. В такие вечера Кэтрин ничего так не любила, как выбирать для маршрута улицы потише, подставляя себя легкому ветру, когда щеки покалывало от ее собственных быстрых шагов. Но теперь, ради приличия и помня, что на ней вечерние туфли, она устояла перед таким искушением. Она взяла такси до Адельфи, где на верхнем этаже старого «Адам-хауса», неподалеку от Джон-стрит, у Нэнси были свои апартаменты.

В здании, нижние этажи которого были отданы в основном под юридические конторы, не было лифта; и когда Кэтрин поднималась по истертым каменным ступеням, вдоль высоких оштукатуренных стен, к ней пришло безошибочное предвкушение маленького вечернего праздника. Действительно, когда ей открыли дверь и предоставили ее заботам толковой горничной Нэнси и приглашаемого в таких случаях слуги, помещение внутри было заполнено толпами гостей, сигаретным дымом и галдежом.

Как только Кэтрин оказалась в гостиной, Нэнси, вскинув руку, подошла к ней и поцеловала.

– О, Кэтрин, – сказала она, – как это чудесно – снова тебя видеть. Я страшно соскучилась. Кэтрин улыбнулась:

– Тогда почему ты не приехала раньше? Ты ведь в среду вернулась.

– Знаю, дорогая, я ужасно хотела, но, господи, ты не представляешь, как я закрутилась с репетицией нового спектакля, с одеждой, с Крисом и со всем прочим.

– Я вижу.

Кэтрин с нежностью смотрела на племянницу, отмечая, насколько та хороша. Хотя Нэнси было всего двадцать четыре года, она обладала законченной, своего рода стандартной красотой. Чудесная, довольно упругая кожа лица, высокие скулы, слегка раскосые голубые глаза и тонко подведенные брови. Ее вымытые до блеска великолепные волосы светились как золото. Губы у нее были тонкие и алые, потому что Нэнси не жалела на них губной помады. Ее стройная фигура, исполненная ленивой грации, излучала странную энергию, чуть ли не электрическую.

– Что ж, – сказала Кэтрин с напускной суровостью, – я думала, ты обручена со своим театром.

Нэнси рассмеялась:

– Так оно и есть, дорогая. Но это не мешает мне к тому же обручиться с Крисом.

– Я понимаю, – улыбнулась Кэтрин и огляделась вокруг. – А где Крис?

– Даю тебе возможность поискать его, дорогая!

– Что?

– Это будет забавно. Ты всегда так теряешься среди моих друзей, дорогая. Бьюсь об заклад, ты не сможешь его найти.

– Вообще-то, если он джентльмен, – губы Кэтрин смешливо изогнулись, – думаю, он сам должен найти меня!

В этот момент торопливо прибыли еще несколько человек, и Нэнси, состроив гримаску в сторону Кэтрин, растворилась среди них. Кэтрин подошла к шведскому столу и заняла стратегическую позицию у блюда, на котором лежали канапе с икрой. Ей хватало мудрости не оказаться в центре вечеринки и независимости, дабы не сетовать, что ей не нашлось иной компании, чем сэндвичи. Манеры Кэтрин были отмечены уверенностью, но не столько благодаря светским условностям многочисленных контактов – хотя было и это, – сколько благодаря ее абсолютно естественной простоте. Кроме того, хотя вечеринки ее забавляли, Нэнси была права: из друзей своей племянницы Кэтрин мало кого знала. Среди знакомых ей были Дэвид Алмонер, молодой актер, игравший в пьесах Шекспира, и его жена Нина Джордж, пианистка; Арнольд Ригби, светский фотограф; Джон Херрис, режиссер драмы в Би-би-си, и Тони Ульрик, чья книга юмористических стихов «Либи́до-лимерики» с его собственными иллюстрациями имела известный успех, хотя Кэтрин находила ее гадкой и бездарной. Но в основном лица были ей незнакомы. Она выпила бокал шампанского и попробовала икры. Шведский стол был превосходным. Подсознательно она одобряла сей факт, поскольку в иные времена ей приходилось за это платить.

Вечеринка набирала обороты. Вошел Дэвид Чешэм, автор «Света в Аркадии», пьесы, в которой должна была сыграть Нэнси, а мгновение спустя – Сэм Бертрам, сам знаменитый Берти, – более знаменитого, чем он, продюсера не существовало. Оба были с восторгом встречены Нэнси. Бертрам интимно, дружески махнул Кэтрин, дав понять, что он скоро присоединится к ней. Она одарила его ответной улыбкой. Берти она знала уже несколько лет, часто помогала ему с оформлением спектаклей, очень любила его грубоватую, в стиле английского севера, сердечность.

Гул усилился. На этом фоне Ульрик декламировал одно из своих стихотворений, сопровождаемое нарочито нелепым аккомпанементом на фортепиано в исполнении Нины Джордж. Кэтрин уже начала слегка уставать от всего этого, когда вдруг услышала рядом с собой чей-то голос, который благодаря своему спокойствию и американской проникновенности прозвучал четко и внятно:

– Похоже, что вы и я – единственные здесь здравомыслящие существа.

Она удивленно обернулась. Высокий, с довольно бледным лицом мужчина, стоявший рядом в небрежной позе, сунув руки в карманы, ответил на ее недоумение умным взглядом. На вид ему было около тридцати пяти, черноволосый, с тонкими и выразительными чертами лица. Его странно удлиненную верхнюю губу пересекал тонкой ниточкой белый шрам, который каким-то образом придавал его облику выражение упрямства и хладнокровия. Скрытая самоуверенность, ощущаемая за его репликой, неприятно задела Кэтрин.

– Вам обязательно меня включать в свою компанию? – спросила она, слегка приподняв брови.

– Ну, – протянул он, – думаю, что необязательно, если вы против.

– Тогда оставим только вас, как единственного представителя мудрого и многострадального человечества.

Он беззвучно рассмеялся, и только в морщинках возле глаз обозначалось спокойное и ненавязчивое оживление.

– Вы, бесспорно, меня уели, мисс Лоример. Думаю, остроумия у вас даже больше, чем говорила Нэнси, а она предупреждала, что вам лучше на язык не попадаться.

Кэтрин откровенно уставилась на него с открытым ртом:

– То есть вы хотите сказать, что...

– Конечно! – Он кивнул и суховаато улыбнулся. – Я Крис Мэдден. Пожалуйста, не смотрите на меня так разочарованно. Я знаю, что недостаточно хорош для Нэнси, но, поверьте мне, мисс Лоример, я буду очень стараться.

Кэтрин машинально пожалала протянутую ей твердую руку, одновременно пытаюсь вернуть самообладание.

– Это совершенно абсурдно с моей стороны – быть столь мало информированной, – сказала она. – Но я вряд ли могла предположить, что Нэнси выйдет замуж за американца.

– А почему нет? – отозвался он своим ровным, рассудительным тоном. – И я, со своей стороны, никогда не предполагал жениться на англичанке.

Колкость оказалась болезненной, и Кэтрин, почувствовав, что заслужила ее, залилась ярким, несвойственным ей румянцем. Она быстро взглянула на Криса, но он продолжал, будто не замечая ее конфуза:

– Видите ли, подобные вещи происходят не так, как мы планируем. И когда мы с Нэнси встретились в Ницце – господи, я никогда этого не забуду – при ярком солнечном свете – не чета, мисс Лоример, здешним туманам, – у меня при виде ее перехватило дыхание. – Он замолчал, словно спохватившись, затем, обретя прежнюю сдержанность, добавил: – Так или иначе, я думаю, нас обоих просто обожгло, как это случается с людьми со времен Адама и Евы.

– Звучит довольно идиллически.

Его объяснение, пусть даже искреннее, прозвучало настолько неубедительно, что вынудило Кэтрин заговорить без всяких экивоков, чуть ли не враждебно. Возможно, она испытывала нечто вроде ревности. Она слегка сжала губы, и ее взгляд снова прошелся по нему, на сей раз более строго и придирчиво, отметив, что его выходной костюм явно не с Сэвил-роу и его далеко не шикарная рубашка не раз побывала в стирке. Ее глаза сузились. Все ее инстинкты встали на защиту Нэнси.

– А что вы делали в Ницце, мистер Мэдден?

– Ну, просто так получилось, что у меня был отпуск, первый за долгое время. Я был в Риме, Флоренции и Вене. Потом мне пришлось в голову снова увидеть Францию. Я был там во время войны – семнадцать лет назад. Вроде это большой срок, но, боже мой, когда я попал туда, мне показалось, что прошло всего ничего.

– И в самом деле, – сказала Кэтрин без энтузиазма. – Время всегда обманчиво. Вы планируете провести его в основном здесь, мистер Мэдден?

– Это зависит от Нэнси, мисс Лоример. Я хочу, чтобы мы поженились как можно скорее. Но она связана с театром. У нее в голове эта новая пьеса. Премьера в Манчестере через неделю, и из-за репетиций и прочего она довольно занята. Думаю, все это пройдет. Во всяком случае, я решил немного побыть здесь, пока она не закончит с этой пьесой, а затем убедить ее вернуться со мной в Америку.

– Все это выглядит довольно неожиданно, вам не кажется, мистер Мэдден? – Кэтрин одарила его ледяной улыбкой. – Мы здесь очень любим Нэнси. Я сама крайне привязана к ней...

– О, я знаю, – перебил он. – Нэнси рассказывала мне, мисс Лоример. Вы для нее просто все.

– Как бы вы это ни называли, но счастье Нэнси много что значит для меня. При таких обстоятельствах вполне естественно, что я хотела бы узнать хоть что-нибудь о человеке, за которого она собирается замуж.

Его лицо изменилось, и на место живой открытости явилась маска суровой, замкнутой и знающей себе цену зрелости. Он перевел на нее спокойный взгляд и ответил:

– Я вас понимаю.

Последовала пауза. Она отвела глаза, сознавая, что обидела его своей бестактностью, и, как это ни парадоксально, втайне расстроенная собственной нетерпимостью. И все же, сердито сказала она себе, как могло быть иначе? Она была недовольна Нэнси, оттого что та почти ничего ей не рассказала. Она ожидала кого-то совсем другого, кого-то с очевидным прошлым и определенной предысторией. Этот незнакомец, этот долговязый американец, случайно навязавший ей свое знакомство, вызывал если не антипатию, то по крайней мере явное недоверие, которое ради Нэнси она должна была развеять. Погруженная в эти мысли, Кэтрин в нерешительности стояла рядом с ним, когда подошла Нэнси и лучезарно улыбнулась им обоим.

– Я рада, что вы познакомились. Что ты о нем думаешь, Кэтрин, теперь, когда узнала самое худшее? Разве он не ужасен?

Мэдден взглянул на Нэнси – его лицо вдруг снова ожило.

– Боюсь, она действительно считает меня ужасным. Беда в том, Нэнси, что я не ожидал увидеть мисс Лоример такой молодой и красивой, как и она не ожидала встретить такого шалопая, как я. По правде говоря, мы совсем не поладили.

– Она очень заносчива, – сказала Нэнси, – но если узнать ее получше, то на самом деле она не так уж плоха.

Кэтрин натянуто улыбнулась – она чувствовала, что ее нервы до нелепости напряжены.

Нэнси продолжила:

– Нет, серьезно, Кэтрин, дорогая, я хочу, чтобы ты поближе узнала Криса. Возможно, ты так не считаешь, но чем больше его узнаешь, тем он кажется лучше. Тебе это станет ясно, когда мы поедем в Уимблдон на выходные.

Кэтрин ответила с несвойственным ей сарказмом:

– Буду ждать с нетерпением.

– По крайней мере, тебя предупредили, – рассмеялась Нэнси. – А теперь пойдем – немножко развеемся.

Но у Кэтрин не очень-то это получалось, хотя она изо всех сил пыталась избавиться от своих тайных опасений. И когда час спустя она отправилась домой, странное чувство растерянности и смятения ее так и не покинуло.

Глава 2

Наступила суббота – с холодным ветром, который неожиданно пронесся по перекресткам, хлесткий и грозный. На самом деле в эти последние три дня погода была настолько скверной, что Нэнси слегла с простудой. Температура у нее поднялась на два градуса выше нормы, ей было строго запрещено вставать. Но она настояла на том, чтобы Мэдден выполнил все предварительные договоренности и хотя бы на один вечер поехал в Уимблдон. В Лондоне от него не было никакого проку, – во всяком случае, она не хотела, чтобы он слонялся по ее квартире.

Кэтрин, совсем не в восторге от такого поворота событий, отодвинула поездку на как можно более поздний час. Было почти четыре, когда она позвонила Мэддену из своего офиса сказать, что освободилась. Он, по-видимому, ждал ее звонка, потому что почти сразу же приехал на Кинг-стрит. Здесь Кэтрин занимала первые два этажа узкого, с вогнутым фасадом здания, уходящего вглубь мощеного двора, попасть в которое можно было лишь через старую каменную арку с каретными тумбами и почтенным газовым фонарем. Идеальный фон для такого бизнеса, как у нее, и она заботливо поддерживала его. Снаружи был искусно выдержан георгианский стиль. Здесь не было ни витрины, ни вывески – лишь маленькая латунная табличка с названием «Антика, лтд.» на рифленой перемычке двери; однако сквозь опаловые окна можно было разглядеть приглушенный интерьер обшитого панелями помещения, с множеством богатых и мягких тонов, от блестящей патины ореховой мебели времен королевы Анны до тусклого блеска парчи восемнадцатого века.

Этажом выше, куда вела широкая лестница с выемчатой балюстрадой и изящной резьбой на стойках перил, располагался кабинет Кэтрин – длинная светлая комната с большим письменным столом посередине, открытым камином, сейфом в углу, прекрасным керманским ковром на полу и различными образцами декора и цвета, развешанными по стенам. Кэтрин уделяла большое внимание подготовке таких образцов и их практическому применению при реставрации старых домов. Своей уникальной репутацией она была обязана именно этой экспертной работе, и в прошлом, благодаря крупным и прибыльным заказам, она побывала в ряде главных загородных мест Англии. Она не была простой *marchande de meubles*¹ и не собиралась обременять себя складом, полным товаров, – запасы у нее имелись, но небольшие. Она предпочитала покупать выборочно и только тогда, когда перед ней стояла определенная цель. Ее козырем было умение покупать и продавать. Именно чутье на правильное назначение предмета искусства побудило ее приобрести миниатюру Гольбейна, дабы перепродать ее в знаменитую коллекцию Брандта в Нью-Йорке.

Когда часы на лакированной подставке, стоявшие на каминной полке, пробили четыре раза, в кабинет вошел Мэдден. Кэтрин тут же встала и протянула ему руку. После вчерашнего она анализировала свои впечатления и, движимая врожденным чувством справедливости, попыталась преодолеть свою неприязнь к Мэддену, дать ему еще один шанс.

– Как Нэнси? – спросила она.

– Так себе, – ответил он. – Должна оставаться в постели. У нее все еще жар. Она хотела, чтобы я сам поехал.

Кэтрин кивнула:

– Она позвонила мне. Боюсь, я заставила вас ждать.

– Все в порядке, мисс Лоример. – Он одарил ее своей неторопливой улыбкой. – Мне столько приходится ждать Нэнси в театре, что я привык. Для меня это ново, когда время только мое, когда я не занят чем-то каждую секунду. Думаю, мне это скоро понравится. По крайней мере допускаю такой вариант.

¹ Продавщица мебели (*фр.*). – Здесь и далее примеч. перев.

Пока она натягивала перчатки, он разглядывал кабинет со спокойным и ненавязчивым одобрением.

– Милое у вас тут местечко. Если это не нагло с моей стороны, то должен признаться, что мне очень нравятся ваши вещи, особенно этот прекрасный ковер.

– Да, – сказала Кэтрин и, придумав объяснение подоступнее, вежливо продолжила: – Это Персия, восемнадцатый век. Вероятно, человеку потребовалось лет десять, чтобы соткать такое. И все цвета тут – это старые растительные красители.

– Разумеется, – просто кивнул он. – Это настоящий Керман-Лавар, не так ли?

Кэтрин бросила на него изумленный взгляд, совершенно потрясенная его осведомленностью. То, что он определил не только провинцию, но и конкретное место происхождения старинного ковра, выдавало в нем знатока.

– Значит, вы разбираетесь в антиквариате? – спросила она, не скрывая удивления.

– Нет, честно говоря, тут я полный профан, – простодушно признался он. – По крайней мере, если судить по вашим стандартам. Но меня интересуют подобные вещи, и я пытался набраться знаний о них. Я много читал, а в свое нынешнее пребывание в Европе обошел большинство галерей. Я просто балдею от вещей, которые наша американская культура почти не замечает, таких как персидские ковры и итальянская мебель – и да, французский салат, если хотите! – Он улыбнулся. – Сам я настоящий дока по части приготовления французских салатов.

– Понятно, – сказала Кэтрин.

Но на самом деле она была еще более сбита с толку новыми гранями его, теперь это стало ясно, необычной и подозрительной личности. В ее голове роились разные противоречивые мысли, и, чуть ожесточившись, она молча спустилась с ним по лестнице. На улице их ждал синий ландолет.

– Надеюсь, у вас нет возражений, – поспешил заметить он. – Нэнси сказала мне, что вы отказались от машины, поэтому мне пригнали эту.

– Она ваша?

– Ну нет, – ответил он, как будто удивленный. – Я взял напрокат.

Кэтрин невольно поджала губы.

– Вид абсолютно роскошный, – иронично пробормотала она.

Она тут же пожалела, что произнесла эти слова, но он не обратил на них внимания, как будто не слышал.

Машина катила плавно, и водитель знал маршрут. Они проехали через Сент-Джеймский парк, мимо Виктории и вдоль набережной, где дымчатый закат отбрасывал красивый желтоватый отблеск на поверхность многоводной реки. С непокрытой головой, зажав мягкую шляпу между колен, Мэдден чуть наклонился вперед на своем сиденье, нетерпеливо и сосредоточенно глядя в меняющуюся панораму.

– Мне все это ужасно интересно, – заметил он наконец. – Никакого сравнения с Кливлендом. Я правда западаю на все это.

– Похоже, вы западаете, как вы выразились, на целый ряд вещей, мистер Мэдден.

Он не сразу ответил.

– Да, полагаю, я кажусь вам довольно примитивным, но факт в том, что последние пятнадцать лет я был по уши в бизнесе, едва имея возможность дышать, не говоря уже о том, чтобы смотреть. Когда после войны умер мой старик, мне было довольно тяжело какое-то время. И когда дела пошли на лад, я должен был вести их дальше. Вы не представляете, мисс Лоример, как работа может захватить человека и лишить его шанса увидеть такой закат, как этот, и... ну, если можно так выразиться, шанса познакомиться с такой девушкой, как Нэнси.

– Возможно, это я действительно понимаю. – В Кэтрин вспыхнула искра дружеской симпатии, но она погасила ее, добавив: – Я надеюсь, вы не будете разочарованы шансами, которые вам предоставят эти выходные.

– О нет, мне нравится встречаться с людьми. Особенно с друзьями Нэнси и, – добавил он с вежливой непосредственностью, – с вами!

Кэтрин довольно вяло улыбнулась:

– Вот тут-то я и чувствую, что должна предупредить вас. Вы можете счесть нас с мамой чрезвычайно скучными. Мы принадлежим к очень среднему классу, мистер Мэдден, и мы ужасные провинциалки. Пусть вас не вводит в заблуждение гламур, связанный с моей работой. Как бизнес-леди мне случается встречаться с разными важными людьми, но не забывайте, что я начинала машинисткой за пятнадцать шиллингов в неделю. И приносила обед в бумажном пакете. Поверьте, я и сейчас не изменилась.

– Нет? – Повернувшись, он убедился, что она говорит серьезно, а затем со строгим видом кивнул. – Что ж, наконец вы начинаете расти в моих глазах.

Ей ничего не оставалось, как рассмеяться, потому что его ответ задел ее самолюбие. «По крайней мере, – подумала она, – у него есть спасительное чувство юмора». Однако в глубине души она все еще была полна сомнений. Он тоже отметил это с присущей ему необычайной восприимчивостью и чуть погодя тихо произнес:

– Вы многого обо мне не знаете, верно, мисс Лоример? Думаю, это вас беспокоит.

По какой-то причине она покраснела.

– Пожалуйста, поймите меня правильно, – искренне сказала она. – Я думаю не о том, что и так очевидно. Для меня важен сам человек – человек, который собирается жениться на Нэнси.

Повисла тишина. Странно тронутый попыткой Кэтрин найти с ним общий язык, что подразумевалось в ее словах, он с трудом преодолел искушение объяснить раз и навсегда свою позицию, по крайней мере определить те очевидные вещи, которые ее волновали. Он понял, что с самого начала она категорически ошиблась на его счет. Это случалось довольно часто из-за его обычной простоты, непритязательности и небрежности в одежде, что теперь его не столько раздражало, сколько забавляло. Он ненавидел, и так было всегда, показуху. Модная одежда, шикарные рестораны, отели класса люкс, все доспехи и атрибуты современной роскоши не имели для него никакого значения. Например, он добирался до Европы на грузовом пароходе и скитался по континенту с меньшими претензиями, чем обычный турист, останавливаясь в захолустных гостиницах, путешествуя третьим классом ради общения с простыми людьми, часто довольствуясь лишь сэндвичем и стаканом вина.

Возможно, причиной такого аскетизма отчасти было его прошлое, а особенно его мать, Сьюзен Эммет, женщина из Вермонта, наделенная, при всей своей нежной натуре, спартанским чувством долга. Его отец, уроженец Вирджинии, тоже отличался искренностью, прямой и полным отсутствием свойственной южанам лени. Худощавый, долговязый бородатый мужчина с глубоко посаженными глазами и едким юмором, Сет Мэдден был мелким, но сметливым торговцем, основавшим в Кливленде компанию по производству и розничной продаже специальной марки пастообразного клея, который он назвал «Фиксфаст»². Заводик, хотя и приносил достаточно стабильный доход, никогда не был сверхприбыльным, однако со смертью Сета в 1917 году, когда Крис был на войне, бизнес пришел в упадок. Дела были в жалком состоянии, когда молодой Мэдден, только что вернувшийся в Кливленд после демобилизации, занялся ими. Решив, несмотря ни на что, возродить и расширить производство, он с головой ушел в работу.

Это было пятнадцать лет назад. Какие огромные перемены произошли за эти годы! Чтобы поверить в это чудо, следовало своими глазами увидеть разницу между тогда и сейчас. Мэдден никогда не суетился и не хвастался, но за его спокойной манерой руководить скрывалась жесткая воля. Он стал выпускать новую, быстротвердеющую вишневую камедь. Успех был мгновенным.

² Быстросохнущий (англ.).

венным. Бизнес рос как на дрожжах. Мэдден начал аккуратно скупать более мелкие компании в клеевой промышленности заодно с их патентами, чтобы ликвидировать устаревшие заводы и централизовать все в Кливленде. Капитал материнской компании удвоился, утроился, а затем стал исчисляться миллионами. Мэдден разбогател, превзойдя даже самые смелые мечты своего детства. Но деньги для него мало что значили, за исключением тех случаев, когда он тратил их на свою мать, к которой был искренне привязан. В 1929 году он купил ей небольшой, но добротный дом в колониальном стиле в Грейсвилле, ее родной деревне в Вермонте.

Мэдден, президент «Интернэшнл адгезивс» – международной корпорации по производству адгезивных материалов, – был одним из самых известных людей в Кливленде. И все же он сохранил и простоту, и всю свою спокойную, непритязательную лаконичность. Ему было тридцать пять, и он почти пятнадцать лет трудился как раб. Теперь, когда он был на вершине, он почувствовал, что пришло время остановиться. Прошлой весной он оторвал себя от письменного стола и сбежал отдыхать в Европу.

Что-то из этого прошлого промелькнуло в голове Мэддена, когда он сидел рядом с Кэтрин, и снова у него возникло искушение рассказать об этом. Но он передумал, тем более что они уже оказались в «Бичвуде»³ – такое истинно деревенское название миссис Лоример присвоила своему дому. Было уже почти пять часов, и аккуратные очертания маленькой виллы почти терялись в стущающихся сумерках. Мэдден отпустил машину и, со своей сумкой и пакетами Кэтрин, последовал за ней по короткой дорожке между низкими кустами бирючины к дому. Они вошли в гостиную, где, нетерпеливо раскачиваясь в кресле у камина, сидела миссис Лоример собственной персоной.

– Как же вы припозднились! – тут же с раздражением и без малейшего намека на приветствие воскликнула она. – Еще минута – и чай пошел бы насмарку!

Это была невысокая полноватая женщина лет семидесяти, с беспокойным птичьим взглядом и воинственной осанкой. На ней было черное шелковое платье, поскольку она не выходила из траура вот уже девять лет после смерти своего мужа. Ее без малейших признаков седины волосы были прикрыты белой кружевной шапочкой, что, вдобавок к ее возрасту, манерам и общему виду – в частности, щекам, обвисшим мешочками, – придавало ей заметное сходство с покойной королевой Викторией. На данный факт, который миссис Лоример некогда не преминула с гордостью признать, и опиралось ее тайное самоутверждение. Однако в настоящий момент она не самоутверждалась, а истово взыскивала. Едва удостоив Мэддена равнодушным кивком, миссис Лоример сразу же атаковала свою дочь градом вопросов, касающихся выполнения ее поручений и недомогания Нэнси. Только после исчерпывающего отчета Кэтрин она встала и решительно направилась в столовую.

Здесь квадратный стол из красного дерева был накрыт для обильной, но необычной трапезы – то есть не для чайной церемонии, не для обеда или ужина, а странным образом для всего вместе. Там были хлеб, как черный, так и белый, изящно нарезанный и намазанный маслом, кекс двух видов, тонкие ломтики сыра с сельдереем по бокам и маленький серебряный бочонок с печеньем. В центре, под люстрой, возле хрустального блюда с тушеным черносливом мелко подрагивало розоватое бланманже. Наконец субтильная горничная Пегги положила во главе стола большой горячий рыбный пирог, от которого шел пар, а за ним последовал величественный чайный сервиз на огромном подносе. Чинно усевшись, старая миссис Лоример разлила чай и раздала пирог. Она взяла себе добрый кусок, при этом держа руку так, чтобы замаскировать его размеры, проверила вилкой, критически склонив голову набок, и, слегка расслабив лицевые мышцы, выразила одобрение. Только после этого она нашла время взглянуть на Мэддена. И все же, хоть и припозднившись, ее пристальный взгляд был острым. А ее замечание – еще острее.

³ «Бук» (англ.).

– Итак, вы собираетесь жениться на Нэнси. Что ж, молодой человек, предупреждаю, у вас будет полно хлопот.

Он невозмутимо ответил:

– Мы с Нэнси справимся, миссис Лоример.

– Возможно, – строго заявила пожилая леди. – Но придется приложить немалое и долгое усилие. И да помогут вам Небеса, молодой человек, если вы спасуете.

Это было первое из серии замечаний, пословиц, цитат и афоризмов, прямо предназначенных Мэддену. От старой леди, строгой пуританки и эгоистки до мозга костей, всегда исходила опасность, но теперь, вдохновленная крепким чаем и моральной стороной затронутой темы, миссис Лоример была неуправима.

Кэтрин знала свою мать и научилась терпеть любые ее прихоти. Делая вид, что ест отвратительный рыбный пирог, который с детства ненавидела, она пристально наблюдала за Мэдденом, пока он был под обстрелом ее матери. Признаться, его спокойный добрый нрав или, точнее, – она быстро поправила себя – его безупречное владение собой поразило ее. Конечно, он играл, иначе бы безнадежно запутался в этих хитросплетениях слов и обычаев. Но если и так, это выглядело увлекательно. Он слушал с видимым интересом, ел с видимым удовольствием.

К моменту, когда с черносливом было покончено, Кэтрин поняла, что Мэдден, хотел он того или нет, завоевывает сердце ее матери. Когда они вернулись в гостиную, где в камине был снова разожжен огонь, теперь отбрасывавший приветный свет на ковер из медвежьей шкуры, викторианскую мебель, фарфор и маленькие безделушки на шифоньере, миссис Лоример удовлетворенно вздохнула.

– Садитесь в это кресло, мистер Мэдден, – указала она. – Вам будет в нем удобно. Оно принадлежало моему дорогому мужу, и, заметьте, я мало кому позволяю его занимать. Можете посмотреть, как мы с Кэтрин разложим пасьянс.

Этот пасьянс для двоих, о котором она говорила, – неожиданная уступка ее неконформистским принципам – был после обожаемого радио самой большой страстью старой леди.

Она упрямо и безжалостно заставляла Кэтрин раскладывать с ней пасьянс во время визитов дочери на выходные. Мэдден вопросительно взглянул на Кэтрин и, возможно все поняв по ее лицу, убежденно сказал:

– Ваша дочь выглядит ужасно усталой, миссис Лоример. Как насчет того, чтобы сыграть со мной?

– Хм! Кэтрин всегда устает, когда приходится что-то сделать для своей старой матери.

– Нет, но я бы хотел сыграть, – сказал Мэдден. – И позвольте заметить, что я довольно силен в этой игре.

– О, неужели и правда силен? – отозвалась миссис Лоример, предвкушая битву. – Мне это нравится! Что ж, поехали, и я задам вам хорошую трепку.

Она взглянула на часы:

– У нас есть добрых полчаса. В восемь по радио идет великолепная пьеса – «Черная жемчужина». Мы должны ее послушать!

Они сели за покрытый зеленым сукном стол перед камином, а Кэтрин, радуясь передышке, устроилась на диване и с растущим интересом стала наблюдать за игрой. По долгому опыту она знала, что если только Мэдден не полностью отрицательный персонаж, то его ждут проблемы, и довольно серьезные.

Начала миссис Лоример неплохо. Ей выпало снятие колоды, и она сдала хорошую карту. Очки были аккуратно надеты на ее нос, а пакет с сахарным миндалем удобно покоился под рукой. Она выиграла подряд несколько сдач и, удовлетворенно вздохнув, откинулась на спинку стула, а Мэдден тем временем сносил всего по несколько карт и проигрывал. Миссис Лоример снова выиграла подряд несколько сдач, и ее везение продолжалось еще какое-то время. Но

потом ей вдруг перестало фартить, и Мэдден, уверенно выиграв несколько сдач, вырвался в лидеры.

В этот момент, как и ожидала Кэтрин, ее мать начала жульничать. На самом деле у старой леди была одна ужасная слабость. Она не могла вынести проигрыш. Никогда, никогда. Во что бы то ни стало и любой ценой она должна была побеждать. Будет ли после этого пятно на ее совести, не имело значения – факт оставался фактом: вместо того чтобы страдать от позора поражения, она беспардонно и безоглядно шла на обман.

Мэдден, конечно, сразу заметил жульничество, а Кэтрин в ожидании развязки не отрывала темных глаз от игроков. Если бы Мэдден запротестовал, случился бы скандал; если бы он ничего не сказал, он бы оказался притворщиком. Но Мэдден, похоже, придерживался другой тактики. С торжественным видом он начал подыгрывать старой леди, сначала незаметно, а затем все очевиднее, возвращая ей хорошие карты вместо плохих, глупо проваливая свои сдачи и вообще подстрекая ее ко все более и более явному мошенничеству. Поначалу миссис Лоример посмеивалась и принимала «божьи дары», но постепенно выражение ее лица стало меняться. Она бросила на Мэддена пару недоверчивых взглядов, а затем внезапно, когда была на волосок от выигрыша, запнулась, смутилась и покраснела.

– Что это вы так смотрите на меня? – запальчиво спросила она.

– Ну и ну, миссис Лоример, – с серьезным видом ответил Мэдден, – я просто восхищался вашей игрой. Я объездил все Штаты, всю Европу и так далее, и нигде раньше не видал такой игры.

– Что-что? – воскликнула она.

– Да, мэм. – В его голосе появились нотки южанина. – Это самая убойная игра в карты, какую я только видел с тех пор, как родился.

Ее поблескивающие глаза чуть не вылезли из орбит. Она сделала долгий, воинственный вдох и выпрямилась, готовая уничтожить Мэддена. А затем, совершенно неожиданно, засмеялась. Она безудержно смеялась, рассыпав карты и уронив пакет с миндалем. Кэтрин никогда раньше не видела, чтобы она так смеялась.

– О боже, о боже! – выдохнула она наконец. – Смешнее не придумаешь. «Самая убойная игра в карты» – ты слышала, Кэтрин? С тех пор, как он родился...

– Ну почему же, действительно, мэм, – продолжал он. – Я уверен, что...

Но она, безвольно раскачиваясь в кресле и обессилив от смеха, со слезами, катящимися по щекам, едва могла поднять руку, дабы он замолчал.

– Не надо, – сквозь одышку выговорила она, – сейчас умру. Это слишком смешно, мой дорогой юноша. «Самая убойная игра в карты» – а я все время обманывала вас!

Это было великолепно, – возможно, стены этой душной маленькой гостиной не слышали лучшей шутки. Но когда все закончилось, пожилая леди, вздрогнув, опомнилась.

– О господи! – вытирая слезы, заявила она, взглянув на часы. – Как бы не пропустить пьесу по радио!

С неожиданным для ее лет проворством она подскочила к радиоприемнику и включила его.

Секундная неопределенность, затем приемник ожил. Пьеса уже началась. Звучал голос девушки.

Мэдден быстро взглянул на Кэтрин и наткнулся на встречный взгляд. В то же мгновение глаза старой миссис Лоример широко раскрылись, перебегая с Кэтрин на Мэддена. Девушка продолжала говорить.

– Этого не может быть, – внезапно сказал Мэдден.

Ну конечно, этого не могло быть. Нэнси лежала в постели с высокой температурой. Нэнси ни словом не обмолвилась о радио. Нэнси была больна и не могла встать.

– Ну, я вам скажу! – воскликнула старая леди с неподдельным изумлением.

– Видимо, это какая-то ошибка, – растерянно сказала Кэтрин.
Но ошибки не было. Голос, так отчетливо доносившийся из эфира, был голосом Нэнси.

Глава 3

Весь тот день Нэнси пробыла в постели, голова у нее раскалывалась, руки и ноги ломило. Она терпеть не могла лежать и оттого была еще более взвинчена. Ее не слишком беспокоило «Солнце в Аркадии», поскольку с пьесой все шло хорошо и на выходные не было назначено ни одной репетиции, но ее натура возмущалась даже этим временным вмешательством болезни в ее отлично организованную маленькую личную жизнь. Нэнси действительно был свойствен некоторый эгоизм, который порой являлся причиной ее раздражительности, когда все шло не так, как ей хотелось. Возможно, хотя Кэтрин это отрицала, любовь окружающих слегка испортила Нэнси. Слишком многое, чем ее одаривали, она принимала как должное. Объясняя эту черту Нэнси, кто-то сказал, что ей еще предстоит повзрослеть.

Сегодня, однако, она бы возразила, что вела себя безупречно. Каждые четыре часа она добросовестно принимала хинин, а кроме того, соблюдала диету, ограниченную горячими жидкостями, которыми ее щедро снабжала миссис Бакстер, ежедневно приходящая горничная. До полудня, обложившись подушками, Нэнси написала несколько писем, которые долгое время откладывала. Выполнив свой долг, она предалась приятным мыслям о Мэддене, пока не заснула примерно на час. Потом взяла книгу, лежавшую возле кровати, и попыталась сосредоточиться на ней.

Книга эта была неожиданным выбором для столь откровенно больного существа, которому было бы разумнее отвлечься какой-нибудь стремительной детективной историей или, скажем, безобидно-пустоватой повестушкой. Ибо это были пьесы Уильяма Шекспира. Беглый взгляд на окружающие книжные полки многое объяснял. Почти целиком они были заняты пьесами, в основном теми, которые можно было считать классикой: Марлоу, Конгрив, Ибсен, Мольер, Шеридан, Шоу. И к тому же пьесы перемежались биографиями известных драматургов. Для легкомысленной молодой актрисы современной сцены это была удивительная библиотека.

Однако вид спальни Нэнси вызвал бы еще большее удивление. Там не было никакой мишуры. Никаких экзотических чехлов для телефонов или разодетых кукол. Комната была аскетичной, как монашеская келья, и с таким же строгим убранством. На комодке только две фотографии – одна Мэддена, другая Кэтрин, – а на стене, выкрашенной в простой белый цвет, единственная картина – большой и выразительный портрет знаменитой Элеоноры Дузе. Этот портрет одной из величайших актрис, которых когда-либо знал мир, несомненно, был ключом к разгадке того, что представляла собой комната Нэнси, и к еще большей разгадке – самой Нэнси.

Сердце Нэнси всецело принадлежало театру. Это была не обычная ушибленность сценой, а глубокая и жгучая потребность выражать себя посредством яркого, пульсирующего актерского искусства. Откуда взялась эта страсть, Нэнси не знала, разве только она унаследовала ее от какого-нибудь единокровного предка своего беспечного отца. Но это было так начиная с самого раннего детства.

К несчастью для Нэнси, у нее не получалось выразить это овладевшее ею желание с должной убедительностью. Несколько ее близких друзей действительно отмечали ее честолюбие и тягу к серьезным драматическим занятиям, но это еще не означало, что они верили в ее будущий успех как актрисы. Однако важные для нее люди, такие как Кэтрин, а теперь и Мэдден, были настроены просто улыбаться ее будоражащим душу стремлениям. Они не могли или не умели воспринимать Нэнси всерьез.

В этом Нэнси отчасти сама была виновата. Она была очень молода, со всеми причудами юности, включая неуверенность в себе. Ее склонность как раздражаться, так и капризничать не располагала к вере в постоянство ее идеалов. У нее также была привычка дерзить и в раз-

говорах прибегать к прописным истинам, подчас слишком избитым для современной светской элиты. То есть она была сложной натурой, вроде раскаивающихся качелей: вверх – вниз, и неясно было, в какой из этих позиций она окажется в итоге.

Если бы Нэнси показали подобный анализ ее характера, она бы сильно встревожилась, поскольку в глубине души была восприимчивой и искренней. Однако до сих пор никто этого для нее не делал. Да и она сама в данный момент вряд ли была способна анализировать себя. Она была слишком занята Шекспиром, погруженная, несмотря на пульсирующую боль в висках, в изучение «Короля Лира». Сначала она видела себя Гонерильей, затем Реганой и, наконец, стройной Корделией.

Дочитав пьесу, Нэнси отложила книгу. Она чувствовала усталость. Время шло. День перетек в вечер. Ее ежедневная помощница ушла, пообещав снова заглянуть к ней в девять вечера, дабы убедиться, что все в порядке. Нэнси немного подремала, снова предалась мыслям о Мэддене, компенсируя свое нынешнее недомогание счастливыми картинками будущего. И тут, прорвав паутину ее абстракций, раздался телефонный звонок.

Нэнси взяла трубку и узнала голос Джона Херриса, прежде чем он успел представиться. У нее была особая чуткость к голосам. И Херрис, судя по его тону, явно испытал облегчение оттого, что дозвонился.

– Послушай, Нэнси, – заявил он не без напора, – я ужасно рад, что застал тебя. Да, я в Би-би-си, и я в самом ужасном положении. Понимаешь, этим вечером у нас эфир с «Черной жемчужиной». Это очень важная трансляция, начало в восемь, пиковый час и все такое. Слушай, Нэнси! Сильвия Берк меня подвела. Она заболела. Понимаешь? И я узнаю об этом всего за четыре часа до эфира. Вот почему ты мне нужна, Нэнси. Я хочу, чтобы ты исполнила эту роль. А теперь поторопись, будь хорошей девочкой. И мы вместе пробежимся по сценарию.

– Но, Джон, – возразила Нэнси, – я... я не знаю, смогу ли приехать!

– Что? Ты в своем уме? Разве ты не понимаешь, что это твой шанс? Заменить саму Сильвию Берк. И пара миллионов слушателей – твои.

Чувствуя головокружение, Нэнси прижала руку к горячему лбу. То, что сказал Херрис, было абсолютной правдой. Сильвия Берк была, пожалуй, сегодня самой главной комедийной актрисой. Это был прекрасный повод повысить собственную значимость: твое имя прозвучит перед огромной аудиторией, которая настроилась на то, чтобы услышать звезду.

– Что у Сильвии? – тихо спросила она.

– Грипп, – отрезал Херрис. – Температура сто градусов⁴. Ей категорически запрещено двигаться.

В любой другой момент Нэнси рассмеялась бы.

– Тебя смущает сценарий? – напирал Херрис. – Просто нужно прочесть его.

– Нет-нет, сценарий меня вовсе не смущает, – ответила Нэнси, потянувшись за термометром в стакане, рядом с ее кроватью. – Просто подождите минутку, пожалуйста.

Она сунула термометр под язык и подержала его так шестьдесят мучительных секунд. В результате он показал сто один градус. Ее сердце глухо упало. Ехать на студию она не могла. Это невозможно. Она не должна так рисковать. Это чистое безумие.

– Ну? – не вытерпел Херрис, едва сдерживая раздражение. – Мне что, весь вечер ждать? Что с тобой не так, Нэнси? Я думал, у тебя с головой все в порядке. Ты едешь или нет?

Губы Нэнси раскрылись, чтобы сказать: «Нет», когда внезапно ее взгляд упал на портрет Дузе, словно для вдохновения висевший перед ней на стене. Дузе, ее идеал, великая Дузе, которая когда-то – с ума сойти! – играла с *tic douloueux*⁵, чтобы не разочаровать публику. Что-то вдруг подкатило к горлу Нэнси – прилив смелости и вдохновения.

⁴ По Фаренгейту. Примерно 37,8 градуса по Цельсию.

⁵ Невралгия тройничного нерва (*фр.*).

– Конечно, я приеду, Джон, – неожиданно для себя произнесла она. – Я чувствую себя не так хорошо, как хотелось бы. Но я буду у тебя через полчаса.

Под взрыв его благодарности Нэнси положила трубку. Она словно совершенно потеряла рассудок. Она ужасно заболит, подхватит какое-нибудь жуткое осложнение, если поедет в Биби-си. Кэтрин страшно расстроится, а Крис – ну разве она не сказала, что слишком больна, чтобы ехать с ним в Уимблдон? Душа ее заняла, но ненадолго. Крис любит ее. Он не рассердится. Он поймет.

Собрав всю свою решимость, Нэнси встала. Она чувствовала сильную дрожь, но заставила себя одеться. Надела свою самую теплую одежду, шубу, и, подумав, обернула шею толстым шарфом. Приняла большую дозу лекарства и вызвала такси. Затем, глядя на себя в зеркало, она медленно, как будто была на сцене, покачала головой и выключила свет.

Глава 4

Конечно, можно было допустить нечто из ряда вон выходящее: что бедную Нэнси настоящему заколотит от волнения, что она упадет в обморок у микрофона, к ужасу миллионов поклонников, или же что, возвращаясь из студии в снежную бурю, заболит двусторонней пневмонией и скончается под завывания скрипок примерно двадцать четыре часа спустя.

Но нет – она выступила на должном уровне, учитывая краткость подготовки и некоторый туман в голове, – и вернулась в квартиру под шквал упреков из «Бичвуда». Мэдден был уже в машине и направлялся к ней.

На следующее утро ничего неожиданного не произошло. Вопреки общепринятой формуле трагедии, Нэнси стало лучше, намного лучше. Температура оказалась нормальной, и в понедельник она, бросив всего один робкий взгляд на портрет Дузе, смогла вернуться на репетицию «Лунного света в Аркадии».

Тем временем Кэтрин тоже вернулась к работе. Она сидела в своем кабинете, задумчиво подперев подбородок ладонями, а перед ней на столе в футляре на темно-зеленом бархате лежала миниатюра Гольбейна, которую мистер Сагден, один из партнеров «Вернона», лично доставил ей этим утром. Кэтрин полностью сосредоточилась на миниатюре.

Это была прекрасная вещь, исполненная изящества и сумрачного мастерства. Люси де Керси стояла у двухъярусного столика, покрытого куском красной парчи, с мандолиной и несколькими открытыми книгами. На ней было темно-бордовое платье с отделкой из меха горностая, а в руке она держала букет белых гвоздик. Она была красива какой-то таинственной, почти загадочной красотой – бледная, стройная, мудрая. Особенно ее карие глаза, глубокие и сияющие, казалось, излучали бесконечное понимание и смотрели на Кэтрин, как живые. Настолько интимным, настолько доверительным был этот взгляд, что он нес некий смысл, некое послание для Кэтрин, мягко увлекая ее сквозь размытые арки лет в неисчислимое прошлое. Завороженная, Кэтрин поймала себя на том, что не может оторвать взгляда от Люси де Керси, поддаваясь обаянию этой красивой, но печальной личности.

Судьба Люси, неотделимая от миниатюры и самой истории, была хорошо известна Кэтрин. Молодая француженка приехала из Парижа со своим отцом, графом де Керси, ко двору Генриха Восьмого, отчасти для того, чтобы бывать при дворе, но главным образом для того, чтобы позировать Гольбейну, который тогда вернулся из Швейцарии после серьезных финансовых трудностей и поселился в Лондоне. Во Франции у Люси остался жених – Пьер де Ноайлес. Это была не формальная помолвка, а расцвет редкой любви. Итак, портрет был написан – тот самый, что сейчас висит в Королевской картинной галерее в Гааге.

А потом, спохватившись, Люси попросила Гольбейна написать миниатюру, намереваясь подарить ее де Ноайлесу. Она получилась даже более изысканной, чем основная работа, и весной того же года Люси вернулась с графом в Париж.

Во Франции их встретило известие о смерти де Ноайлеса, убитого на дуэли за два дня до их возвращения. Миниатюра стала не более чем трагическим напоминанием о потере. Люси так и не вышла замуж. С разбитым сердцем она приняла свою судьбу. Посвятив свою жизнь добрым делам, она умерла в возрасте тридцати семи лет в монастыре.

Стук в дверь резко вернул Кэтрин в настоящее. Мгновение она сидела неподвижно, затем, передернув плечами, сказала:

– Войдите!

Вошел мистер Уолтерс, ее старший помощник. С длинным коричневым свертком в руках он остановился у стола, глядя через ее плечо на миниатюру.

– Очень славно, мисс Лоример, – произнес он наконец сдержанным, уважительным тоном. – Действительно, очень славно.

Мистер Уолтерс всегда был почтителен и всегда держался с достоинством. Это был годящийся ей в отцы джентльмен лет шестидесяти, утонченный и опрятный, чуть ли не в клерикальном, с высоким жестким воротником, костюме, делавшем его похожим на прихожанина Высокой епископальной церкви. Даже его походка была полна благоговения: казалось, ступая, он едва касался ковра. Уолтерс работал у Кэтрин уже много лет, и она наизусть знала его слабости, в том числе ненасытное пристрастие к крепкому чаю и готической эпохе. Он был настолько надежен и стабилен, что казался неким самостоятельным ведомством, и его преданность профессии антиквара поистине впечатляла, несмотря на ужасающую жестокость торговых сделок. Кэтрин иногда забавляло, как он пугался, когда она кричала ему с верхней площадки лестницы: «Поторопитесь, пожалуйста, мистер Уолтерс», – но в общем и целом она дорожила им.

– Маленький шедевр, – восхищенно продолжал мистер Уолтерс. – Удивительно, не правда ли, что детализация не ослабляет эффекта выразительности.

– Весьма удивительно, – сухо заметила Кэтрин.

– И это так типично для бедняги Гольбейна, хм! Странно называть его беднягой. Однако я всегда думаю о нем с сочувствием, ведь он умер от чумы. В тысяча пятьсот сорок третьем, не так ли? Мм, да. Ему было всего сорок шесть. До этого он пережил потрясение в Базеле, когда лишился всех своих денег. Тем не менее он, должно быть, наслаждался, когда писал этот портрет Люси. Она прекрасна. Знаете ли, мисс Лоример, простите меня за невольное замечание, но она немного похожа на вас!

– Чушь!

– О нет, мисс Лоример, смею вам возразить. Я вижу явное сходство. Эти глаза, они точь-в-точь как у вас. – Он сделал паузу. – Я полагаю, вы знаете ее историю.

– Да-да, каждый коллекционер это знает, – не особо церемонясь, сказала Кэтрин. – Давайте не будем снова это ворошить. Бедняжка!

Ее тон озадачил его.

– Конечно, не будем, мисс Лоример. Я просто подумал, что это может быть интересно...

Кэтрин повернулась к нему с вымученной улыбкой:

– Будет намного интереснее, когда мы продадим миниатюру. Нам нужны деньги, Уолтерс. И вы это знаете. Скажите, от Ансен есть что-нибудь?

– Да, мисс Лоример, – потупился Уолтерс. – Леди Ансен звонила сегодня утром. – Его голос прозвучал с болезненной озабоченностью. – Она решила отказаться от ремонта.

– Что? – Глаза Кэтрин вспыхнули внезапным гневом. – Но в пятницу она сказала нам, что мы можем продолжать.

– Я знаю, мисс Лоример. – Голова Уолтерса поникла. – Она вернулась к этой теме. Она... она сказала, что в настоящее время для нее это довольно трудно.

– Трудно! – мрачно повторила Кэтрин. С огромным усилием она подавила свой гнев. Временами она позволяла себе вспылить, но сейчас в этом не было особого смысла.

– Извините, мисс Лоример, – сказал Уолтерс. – Я сделал все возможное, чтобы убедить ее.

– Знаю, знаю. И конечно, вы тут ни при чем, Уолтерс. Я вас не виню. Леди Ансен права. Сейчас очень трудно. Трудно всем. Трудно нам! – Кэтрин вздохнула, и ее взгляд вернулся к миниатюре. – Мы должны довольно скоро закончить с этим Гольбейном, и довольно успешно.

– Вы имеете в виду мистера Брандта, мисс Лоример?

– Да, Брандта. Он хочет заполучить миниатюру в свою коллекцию. Я знаю, что так и будет. Если бы он не был в Аргентине, то никогда бы не пропустил Гольбейна на аукционе. Он бы предложил за это до двадцати тысяч, Уолтерс. И это цена, которую я собираюсь выставить ему.

– Да, мисс Лоример. – Голос Уолтерса зазвучал тише. – Вы хорошо продали мистеру Брандту те изделия из фарфора. Приятный джентльмен. Превосходный вкус. И такой богатый.

– Да! Он богат! – мрачно ответила Кэтрин.

– Вы сами поедете, мисс Лоример?

– Да, сама. Посмотрите расписание рейсов на начало следующего месяца. Я думаю, что «Пиндарик» отправляется примерно седьмого числа. Это хороший пароход. И что еще более важно, Уолтерс, они предоставят мне хорошую каюту по минимальным расценкам.

Уолтерс снова уставился в пол.

– Неужели все так плохо, мисс Лоример? Я думал... Да, конечно, я знал... но не совсем понимал... – Он сделал паузу, затем с поразительным драматическим эффектом выпрямился. – Могу ли я как-нибудь помочь вам, мисс Лоример, – может, своей долей или еще чем-нибудь...

Лицо Кэтрин просветлело. Она улыбнулась – искренне, ласково:

– Только этого и не хватало, Уолтерс! Седовласый компаньон предлагает сбережения всей своей жизни, чтобы погасить наш кредит. Нет-нет, все не так плохо! Мы уже сталкивались с подобным. И на сей раз мы снова справимся. А теперь не хлопайте глазами так, как будто внизу судебные приставы. Идите и займитесь делом.

– Да, мисс Лоример, – пяясь, пробормотал Уолтерс. В дверях он вспомнил о пакете в своей руке. – О, я забыл, мисс Лоример. Это вам пришло.

Он вернулся, положил пакет на стол и на цыпочках благоговейно вышел. Дверь за ним беззвучно закрылась.

Освободившись от необходимости бодриться – возможно, когда-нибудь ей придется выложить перед Уолтерсом всю серьезность своего положения, – Кэтрин позволила себе снова погрузиться в печаль. Она равнодушно взяла пакет и несколько минут возилась с узлами, так как ненавидела безжалостно разрезать ленточку, тем более такую красивую, трехцветную, как эта. Наконец она развязала ее и сняла крышку. Тут ее глаза широко раскрылись, и в них вспыхнул настоящий восторг. Коробка была полна великолепных двухцветных гвоздик. Еще не взглянув на визитку, она догадалась, что они от Мэддена: по дороге в «Бичвуд», когда они проезжали мимо сада, она призналась ему, что гвоздики – ее любимые цветы. Кэтрин взяла его визитку – довольно простую, как она отметила. Ее глаза остановились на изящных буквах: *Крис Мэдден, Кливленд, Огайо*, прежде чем перейти к сообщению ниже.

В благодарность за прерванные выходные – и за Нэнси, – написал он.

Она не выдержала и рассмеялась, оттого что он невозмутимо признал право собственности на ее племянницу. И все же было приятно получить такие великолепные цветы. Уже целую вечность никто не присылал ей цветов, тем более любимых. Это было умно с его стороны – запомнить ее случайное замечание. Поставив гвоздики в старую вустерскую вазу – ее тусклое золото и коричневый тон подчеркнули их прекрасную текстуру, – она подумала, улыбнувшись самой себе: «Я не должна позволять ему так себя обхаживать».

Когда она поставила вазу перед собой на стол, насыщенный аромат наполнил комнату. С довольной улыбкой Кэтрин взяла миниатюру и заперла ее в сейф. Затем, вернувшись и сев за стол, она, уже с другим выражением лица, занялась болезненным деловым вопросом: взяла карандаш и начала подсчитывать в блокноте долги.

Кэтрин действительно заплатила десять тысяч за миниатюру, но сделала это почти исключительно на заемные деньги – наличных у нее было не более четырех тысяч. Однако ее давно знали в банке «Сити и саутерн кантриз», и мистер Фаррар из Сент-Джеймского отделения банка, полный беспредельного доверия и дружеских чувств, выдал ей недостающие шесть тысяч фунтов стерлингов под долговые обязательства и гарантии ее бизнеса. На самом деле ссуда была выдана на основании ее безукоризненной репутации, а не активов.

До сих пор она твердо стояла на ногах, но платежи, которые обрушились на нее в начале года, были слишком ужасными, чтобы их удалось осмыслить. Арендная плата и коммунальные расходы, налоги и сверхналоги, горькое напоминание о ее тучных годах на сумму в две тысячи фунтов стерлингов; счета за ткани, материалы и другие товары, добавляющие еще восемь сотен к общему счету. Но в дальнейших подробностях не было необходимости; цифра уже была ей

известна. Долговые обязательства, которые она должна была выполнить в январе, составили примерно пять тысяч фунтов стерлингов. Именно этот зловещий и непреложный факт толкнул ее на отчаянную авантюру с Гольбейном. И теперь, вдруг осознав, что надо поторопиться, она увидела, как важно довести свое намерение до успешного финала. Тогда все будет хорошо. Она сможет выполнить свои обязательства, погасить задолженность банку, начать все сначала с комфортным балансом и перспективой наступления лучших времен. Она должна продать миниатюру – должна, должна!

Придя к такому выводу, Кэтрин пристально посмотрела на свои цифры, затем принялась за письмо Бреге, своему администратору в Нью-Йорке, чтобы сообщить ему, когда ее ожидать и как установить предварительный контакт с Брандтом. Это было важное письмо, и хотя пишущая машинка мисс Миллс в данный момент многозначительно молчала, Кэтрин написала письмо сама – тонким, четким почерком, который каким-то образом характеризовал ее.

Только она закончила, как раздался стук в дверь и появилась мисс Миллс собственной персоной, женщина средних лет в очках. На ее чопорном лице играла тщетно скрываемая неуместная лукавая улыбка, которая сразу же подсказала Кэтрин причину появления данной мисс.

– Это мистер Аптон, – пробормотала мисс Миллс. – Он говорит, что у него назначена встреча с вами, мисс Лоример.

– На обед, видимо?

– Ну, видимо, да, мисс Лоример.

Кэтрин наблюдала за зардевшейся Миллс со странным сочувствием. Чарли Аптон был, конечно, импозантной фигурой, но Кэтрин всегда поражало и угнетало его воздействие именно на эту старую деву мисс Миллс, у которой его появление почему-то вызывало смутный, но истинно женский трепет. Мужчина, печально размышляла Кэтрин, все еще что-то значил в убогой, бесцветной жизни нашей мисс Миллс.

– Что ж, отлично, – кивнула она. – Тогда пусть заходит.

Мгновение спустя появился Чарли Аптон.

– Знаешь, Чарли, – торопливо заговорила она, дабы упредить его болтовню. – Когда-нибудь я заставлю тебя пригласить мисс Миллс на обед. Она, вероятно, тут же умрет от разрыва сердца. Но, полагаю, решит, что оно того стоит.

Чарли Аптон приятно и непринужденно улыбнулся, что вполне соответствовало гарде-нии в его петлице.

– Божьи мельницы⁶ печатают медленно, – беспечно заметил он, – но чрезвычайно хорошо! Судя по ее виду, она неплохо сохранилась.

– Боже мой! – воскликнула Кэтрин. – Она еще не старая. Она просто растворилась в делах и в своем дурацком женском клубе, в молоке и булочках, в беготне к метро и покупке себе новой грелки. Если бы не ее еженедельная порция кино, не Кларк Гейбл и не ты, Чарли, она бы, наверное, вообще была вне игры. Она – классический пример наемной служащей, деловой женщины. Подтверди, Чарли, что до тебя дошло, о чем я говорю.

Чарли рассмеялся:

– Похоже, ты сегодня выступаешь в моем духе. Обычно ты так занята Большим Бизнесом, что мне и слова не вставить.

Кэтрин пристально посмотрела на него. Он выглядел именно таким, каким и был на самом деле, – спокойным, добродушным мужчиной, не слишком наделенным лишними мозговыми извилинами, пожалуй, чересчур ухоженным и чересчур наряженным, но в целом симпатичным и искренним. Несомненным преимуществом Чарли было то, что он никогда не при-творялся тем, кем не был, никогда не настаивал на том, что вакуум заполнен. Ему было сорок

⁶ Игра слов. Фамилию Mills можно перевести с английского как «мельницы».

пять, хотя он казался моложе, и за всю свою жизнь он ни разу не смухлевал. Его отец начинал со службы в бирмингемской адвокатской конторе, закончил колледж, получил степень юриста, хорошо зарекомендовал себя на практике и быстрыми стратегическими шагами поднялся до совладельца небольшой провинциальной газеты, которую он возглавлял в течение пяти лет. Сосредоточив свои амбиции на прессе, он расширял, объединял, распродал, а затем снова покупал печатные издания в Лондоне. Его успех продолжался до тех пор, пока наконец он не стал единоличным владельцем «Сандэй сёчлайт», невероятно популярной воскресной газеты, предпочитающей полицейскую тематику и бракоразводные процессы при тираже в пять с половиной миллионов экземпляров.

После смерти старика Чарли обнаружил, что денег у него больше, чем он когда-либо надеялся потратить, а тратить Чарли умел. У него было место в совете директоров газеты, которое он редко занимал, хотя на ежегодном банкете и балу сотрудников неизменно становился ведущей фигурой. Во все прочее он не вмешивался. И все же он делал это элегантно. Он состоял в полудюжине клубов и имел множество друзей, иногда охотился и постреливал в тире, наслаждался обедом и хорошей беседой после него, хлопал по спине многих славных парней, поддерживал себя в форме, проводил часы со своим портным по костюмам, портным по рубашкам и со своим сапожником, а целые дни – в турецких банях, одалживал деньги направо и налево, но дураком не был. Короче говоря, фраза, которую так часто произносят в адрес ладной, хорошо воспитанной, но немного туповатой лошади, вполне подходила Чарли – у него был добрый норов.

Восемь лет назад он познакомился с Кэтрин Лоример на благотворительном балу и, по его собственному классическому выражению, будто рехнулся. Спустя неделю он сделал ей предложение и с тех пор время от времени принуждал Кэтрин к мучительной необходимости снова отказывать ему. В промежутках, конечно, Чарли получал некоторое утешение с дамами из кордебалета, но это были пустые, мало что значащие эпизоды, и, к его чести, Чарли никогда их не скрывал. При таком раскладе его преданность Кэтрин расцвела, как великолепный цветок в довольно запущенном саду. Чарли столь искренне был привязан к Кэтрин и столь истово продолжал лелеять надежду на конечный успех, что представлялось настоящим кошунством разочаровывать его.

На самом деле в последнее время Кэтрин испытывала странный страх перед самой собой. Она не любила Чарли и еще в начале своей карьеры решительно отказалась от идеи брака. Но в глубине ее души таилось некое смутное представление о том, что его привязанность к ней, при огромной прочности его положения, может однажды подтолкнуть ее к какому-нибудь проявлению слабости – возможно, к просьбе о помощи или даже к психологически более тонкой и гораздо более вероятной необходимости принять его как убежище, защиту от изматывающих требований, которые предъявляет ей жизнь. То, что она, Кэтрин Лоример, так жестко строившая свою карьеру, пришла к примитивному и абсурдному признанию доминирования мужчины, интеллектуально уступающего ей, расстраивало ее не более, чем ночной кошмар. И все же иногда она нервничала из-за этого, особенно когда Чарли садился рядом с ней или брал ее за руку. В такие моменты ей приходилось хмурить брови и смотреть на него волчицей. И именно так она смотрела на него сейчас.

– Ты еще не объяснил, – заявила она, – по какому праву ты врываешься ко мне в такое время?

– Сейчас самое подходящее время. Я пришел пригласить тебя на обед.

Она решительно помотала головой.

– Я слишком занята.

– Ты всегда слишком занята, Кэтрин. Но ты пойдешь со мной.

– Нет, я не пойду.

– Пойдешь. Я заказал столик в посольстве.

– Послушай, Чарли, – строго возразила она. – Я уже и раньше говорила тебе, что мне нужно работать. Как, по-твоему, я смогу честно заработать себе на жизнь, если ты вторгаешься и ломаешь мой распорядок?

Он непринужденно рассмеялся:

– Тебе необязательно честно зарабатывать себе на жизнь. Ты самая преуспевающая женщина в Вест-Энде. Ты сейчас во всех газетах с этим Гольбейном.

– Только не говори мне, что я в «Сандэй сёчлайт»!

– Пока нет, но будешь и там. Но вернемся к нашей теме: я заказал обед.

– Что именно заказал?

– Ну, мне уж положено знать, что ты любишь на обед. *Sole a lá bonne femme*⁷, салат «Флорида» и сырное суфле.

Против такого ей было не устоять. Ее губы невольно дрогнули, и хмурый взгляд смягчился. Она тут же вскочила из-за стола.

– Тогда иду, – заявила она, – но мне нужно вернуться сюда, за этот стол, через час. Понимаешь? Ровно в два часа дня! И я иду только из-за суфле, а не из-за тебя.

Чарли снова рассмеялся, наблюдая, как она надевает шляпу и набрасывает на плечи короткую меховую накидку.

– Не важно, раз идешь!

Спускаясь за ней по лестнице, он добавил:

– И кстати, после сырного суфле, Кэтрин, я хочу тебя кое о чем спросить. Видишь ли, у меня давно накопело – я хотел бы снова сделать тебе предложение.

⁷ Морской язык по-домашнему (*фр.*).

Глава 5

В субботу, в последний день ноября, Нэнси уехала в Манчестер вместе с остальными актерами, занятыми в «Лунном свете в Аркадии», и Мэдден, как и было условлено, сопровождал компанию. Премьера была назначена на следующий понедельник в Королевском театре, и, поскольку любая из пьес Чешэма становилась новостью номер один, труппе были устроены довольно эффектные проводы с Сент-Панкраса. Нэнси была в самом веселом расположении духа. Ей достались охапки цветов, центральное место на двух групповых фотографиях со вспышкой и еще одно фото с самим Дэвидом Чешэмом. Кэтрин, зная о пристрастии Нэнси к некоторой публичности, заранее предупредила ряд новостных агентств.

Мэдден, она не могла не признать, вел себя хорошо, держась хоть и рядом, но ненавязчиво, и был по-своему внимателен к Нэнси в присутствии ему практичном, недемонстративном стиле. У Кэтрин было время только перекинуться с ним парой слов перед отправлением поезда – обычные пожелания, чтобы он позаботился о Нэнси, – и все же она отправилась домой, испытывая к нему бо́льшую благосклонность, чем прежде.

Во вторник утром она с нетерпением взялась за газеты. Как и следовало ожидать, в лондонской прессе нашлось не много информации, хотя в основном отзывы о новой пьесе оказались благоприятные. Но каждая манчестерская ежедневная газета содержала полный отчет о премьере, и общий тон был вежливо-хвалебным. С трепетом и гордостью Кэтрин наткнулась на заметку, в которой высоко оценили игру Нэнси. Лично Кэтрин, видевшая Нэнси во всех вариантах ее выступлений, не сомневалась в таланте племянницы. Нэнси была очень хороша. Она преуспела именно в воплощениях современных молодых героинь, поскольку могла без усилий создавать жесткие блестящие образы, усталое безразличие юной души к своему времени, сочетая при этом точность оценок и иронию. Таким образом у нее получались не просто психологические портреты, но и сатира на них.

Несмотря на подлинный восторг от успехов Нэнси на сцене и гордость за нее, Кэтрин по-прежнему относилась к карьере племянницы с легкой снисходительностью. Она не могла заставить себя быть серьезной, когда Нэнси с неподдельной страстью говорила о своей профессии и преданности драматическому искусству. Драма, думала Кэтрин, внутренне улыбаясь, – это нечто такое широкое и неопределенное, тогда как Нэнси такая subtilная и конкретная и так настойчиво стремится к счастью, что сопоставлять эти две данности не имело никакого смысла. Тем не менее это не мешало Кэтрин радоваться нынешнему успеху Нэнси. Она надеялась, что постановка будет иметь долгую жизнь, когда дойдет до Вест-Энда. По крайней мере, размышляла она, еще будет время, чтобы ситуация с Мэдденом разрешилась сама собой.

В течение следующих двух дней Кэтрин готовилась к отъезду, и ее голова была занята делами более неотложными, чем этот спектакль. Но в пятницу она получила самое неожиданное напоминание о нем. Сразу после полудня зазвонил телефон, и в трубке она услышала голос Мэддена.

– Вы все еще на севере? – спросила она, когда ее первое удивление прошло.

– Нет, – ответил он. – Я здесь, в своем отеле. Вчера мне пришлось вернуться в Лондон.

Срочное дело. Тяжело было срываться, но, увы, пришлось.

– Как там спектакль?

– О, хорошо, хорошо, – ответил он чуть более поспешно, чем можно было ожидать. – От Нэнси все абсолютно в восторге. Я хочу рассказать вам все об этом. Скажите, мисс Лоример, вы примете мое приглашение на обед?

Кэтрин задумалась. У нее не предполагалось деловых встреч. И все же ей не хотелось быть обязанной Мэддену. Она сказала:

– Нет! Это я вас приглашаю на обед.

– Хорошо, – без возражений согласился он. – Ваша воля. Только давайте пойдём куда-нибудь в тихое место. Скажем, в одну из тех закусовых на Флит-стрит, о которых я так много слышал.

Примерно час спустя Кэтрин, в соответствии с пожеланием Мэддена, оказалась за столиком напротив него в одной из гостеприимных закусовых «Чеширского сыра», в обстановке веселой суеты и слушая его рассказ о поездке на север. Он говорил очень тепло. Премьера прошла хорошо, они играли для широкой публики, и Нэнси, в частности, была великолепна. И все же Кэтрин, которая слушала Мэддена без комментариев, не сводя глаз с его смуглого подвижного лица, уловила нотки сомнения в паузах между словами и некоторую отстраненность от предмета разговора.

– Они ужимают отдельные сцены, – заключил он. – И изменяют конец второго акта. Это должно пойти спектаклю на пользу, когда он появится здесь.

– Но, по-вашему, спектакль в общем-то не очень, – напрямик сказала Кэтрин.

– Ну да, – честно признался он. – Для Нэнси он не слишком хорош.

Это был самый красноречивый ответ, который он только мог дать, о чем он и не подозревал. Кэтрин промолчала, но слова Мэддена, произнесенные с искренней простотой, проникли в самое ее сердце и развеяли последние предубеждения против него. В тот же момент она решила, что Мэдден ей нравится и что отныне она будет принимать его безоговорочно.

– Вы сильно влюблены в Нэнси? – спросила она.

– Конечно, мисс Лоример, – твердо ответил он. – И именно поэтому я хочу сегодня поговорить с вами.

Последовала пауза, затем, принявшись машинально крошить булочку, Кэтрин произнесла:

– Полагаю, я вам показалась довольно занудной. Я бы даже сказала, подозрительной. Но представьте, я тоже люблю Нэнси – ужасно люблю. Она действительно значит для меня все на свете. – Кэтрин быстро взглянула на Мэддена, и на ее щеках появился слабый румянец. – Уж простите мне такую сентиментальность и старомодность, – продолжала она чуть ли не извиняющимся тоном, – но я всего лишь пытаюсь объяснить. Мне так хочется, чтобы Нэнси была счастлива, и, хотя в современном, ужасно циничном мире никто так не считает, я знаю, что единственный способ сделать ее счастливой – это выдать замуж за достойного человека, мужчину, который любит ее, который отведет ее от этих глупых театральных дел и создаст настоящий дом, и – ой-ой-ой... – она смущенно помолчала, – я опять за свое. Но я ничего не могу с этим поделать. Старомодно это или нет, но именно так я отношусь к Нэнси.

– Поверьте мне, – ответил он очень серьезно, – это именно то, что я должен был вам сказать. Да, я чертовски рад, что вы действительно так считаете, потому что я чувствую то же самое. Нэнси – отличная маленькая актриса, но... хм, мне невыносимо видеть, как ей приходится кривляться в этих дурацких пьесах и фокусничать, как она это делала в Би-би-си. Насколько я понимаю, это просто пустая трата времени. О, я знаю, что она хочет сыграть Шекспира. Но разве об этом не мечтает каждая молодая актриса? И честно говоря, когда мы поженемся, я бы предпочел, чтобы она играла Джульетту дома, хотя, наверное, я не Ромео.

Кэтрин улыбнулась такой фразе, выражающей все, что она, пожалуй, и сама попыталась бы сказать.

– Тогда мы действительно понимаем друг друга. Мы друзья. И Бог вам с Нэнси в помощь.

– Для меня это настоящий прорыв, мисс Лоример. И раз уж мы затронули эту тему, то, если... если вы не возражаете, думаю, мне лучше так к этому и относиться.

– Вы можете относиться к этому как считаете нужным. Если при этом не будете винить меня за то, что я такой дракон.

– Ну, если вы дракон, – протянул он, – то тогда самый милый из всех на свете.

Они оба рассмеялись, и напряжение, которое незаметно росло в течение этих последних нескольких минут, внезапно ослабло. Последовало молчание. Мэдден, словно почувствовав, что на трудную тему сказано предостаточно, больше не делал никаких попыток продолжить ее. Вместо этого он оглядел старое помещение, где на потемневших от времени стенах висело множество реликвий прошлого.

– Я всегда хотел побывать здесь, – заметил он. – Полагаю, для вас это звучит очень банально и по-американски. Но это правда. Мне будет приятно вспоминать о обеде в «Чеширском сыре».

– Еда хорошая, – согласилась она.

Он улыбнулся:

– О, знаете, дело не в этом, мисс Лоример, – извините, я хотел сказать – Кэтрин. Конечно, этот пирог восхитителен, но я думаю о Сэмюэле Джонсоне, Босуэлле и Голдсмите⁸. Как они приходили сюда, разговаривали, писали и пили эль под этими старыми стропилами. И к тому же тут ничего не изменилось. Официанты все еще бегают в фартуках и орут в раздаточное окно, как будто только что прибыл дилижанс с пассажирами. О, возможно, для вас все это выглядит довольно допотопным, но я люблю всякую старину, и, думаю, мне ее всегда будет не хватать.

Кэтрин передалось его состояние.

– В Лондоне есть на что посмотреть, если вам интересно, – сказала она.

Он кивнул и взял сельдерей из старинного стеклянного блюда, стоявшего на клетчатой скатерти.

– Да, я знаю. Я был почти все время с Нэнси и не имел возможности оглядеться вокруг. Вряд ли она будет бродить по музеям. – Он снова улыбнулся, затем стал серьезным. – Но я рассчитываю сегодня что-то увидеть. Здесь в городе много интересных мест, если только я не заблужусь.

Он был настолько искренен в своих намерениях, что Кэтрин расчувствовалась. Она подумала, что, кроме нее, он, вероятно, не знает в Лондоне ни души, и тут же представила себе, как он спрашивает дорогу у полицейских и довольно растерянно блуждает в сумерках возле судебных иннов⁹. Поддавшись порыву, она воскликнула:

– А что, если вы позволите мне показать вам окрестности? Я знаю их не хуже других.

Его лицо необычайно просветлело.

– О, это было бы прекрасно, если вам это не в тягость. Но у вас слишком много дел.

– Думаю, что смогу выкроить время. – Ее губы сами собой сложились в улыбку. – Это не настолько в тягость, как вам представляется.

Было половина третьего, когда они вышли на Флит-стрит и, оставив позади собор Святого Павла, купол которого горделиво возносился в небо, направились к Стрэнд. Кэтрин уже много лет не была в этой части города, и, как и предполагала, отвечая Мэддену, прогулка по этим тротуарам, знавшим торопливые шаги ее юности, вызвала у нее необычайный трепет. Когда они проходили мимо Королевского суда, она узнала знакомые места – церковь Сент-Клемент-Дейнс, свою станцию метро, чайную, куда она заглядывала на обед – обычно булочка с сосиской и какао, – и перед ней тут же с ностальгической волной, от которой защемило сердце, всплыла вся панорама тех первых дней. Как мало – несмотря на прогресс и пробки из захваченных автомобилей, которые теперь запрудили улицы, – как мало все это изменилось!

Избегая общепринятых туристских маршрутов, она показала Мэддену окрестности судебных иннов, сторожку, которую строил Бен Джонсон¹⁰, часовню, где до сих пор каждую

⁸ Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – английский литературный критик, лексикограф и поэт; Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель и мемуарист; Оливер Голдсмит (1728–1774) – английский прозаик, поэт и драматург.

⁹ Судебные инновы – четыре юридические корпорации, или палаты, куда должен вступить каждый барристер (адвокат высшей категории) Англии и Уэльса.

¹⁰ Бенджамин Джонсон (1572–1637) – английский поэт, драматург, актер и теоретик драмы. В юности работал каменщи-

ночь звонит колокол, объявляющий комендантский час. Затем они прошли через церковь Сент-Мэри-ле-Стрэнд, в которую юная Кэтрин часто забредала в обеденный перерыв. Мэдден, по его словам, влюбился в эту церковь. Но Кэтрин не стала там задерживаться. Ее мысли и шаги, казалось, невольно устремились вглубь Холборна, и далее, чувствуя легкое стеснение в груди, она направилась во дворик Степл-Инн. На мгновение они окунулись в суматоху грохочущей улицы, а затем оказались в тихой заводи, за освященным веками фасадом, где на вязе над ними мирно чирикали воробьи. Лишь они и несколько голубей, которые что-то лениво поклевывали между булыжниками, нарушали тишину, показавшуюся без гула машин абсолютной.

– Это чудесно, – медленно произнес Мэдден, когда они сели на скамейку. – Самое сердце Лондона. Я где-то читал об этом месте – да, о нем говорится в «Эдвине Друде»¹¹, верно? Тут просто замечательно. И как хорошо здесь мечтать!

– И мне так раньше казалось, – ответила Кэтрин.

Он пристально посмотрел на нее, пораженный ее странным тоном.

С минуту он молчал, затем, более аккуратно, чем обычно, подбирая слова, сказал:

– Я заметил – невольно, – что все эти места вокруг что-то значат для вас. Нет настроения рассказать?

– На самом деле нечего рассказывать. – Она заставила себя улыбнуться. – Когда мне было семнадцать или восемнадцать, я работала тут неподалеку. Иногда приходила сюда в свободное время и сидела на этой самой скамейке. Видите ли, это просто обычная сентиментальная чепуха. Почему я должна навязывать ее вам?

– Потому что я этого хочу, – настойчиво сказал он. – Мне интересно услышать, как вы начинали. Думаю, я бы понял. Мне самому пришлось несладко, когда я делал первые шаги в карьере.

Она не могла понять причину собственной слабости, свою уступчивость, вызванную каким-то странным воспоминанием об этом месте, и все же она безотчетно принялась воссоздавать как для себя, так и для него сентиментальные образы своей девичьей поры. Небо над ними было тихим, теплым и низким. День выдался на редкость мягким. У их ног, что-то поклевывая, с важным видом расхаживали голуби. Извне доносился приглушенный гул города, похожий на отдаленный шум прибой.

Поначалу она слегка запинаясь, но то, с каким вниманием он ее слушал, казалось, придало ее словам цвет и форму. Она начинала машинисткой в фирме «Твисс и Уордроп». Семья жила довольно скромно, бедность скрывалась под тонким слоем провинциальной обстоятельности, и ее отец, сочетавший в себе качества неудачливого агента по найму жилья и одновременно ярого проповедника, правда без духовного сана, нашел Кэтрин эту работу. Тяжелый, ожесточенный человек с неподвижным хмурым взглядом и ледяной улыбкой, он почти не испытывал к дочери теплых чувств и не надеялся на ее продвижение по службе, какой бы жалкой ни была ее должность. Твисс, конгрегационалист, как и отец Кэтрин, считал, что сделал семье «одолжение».

Возможно, именно это повлияло на Кэтрин в начале ее пути и закалило ее юную чувствительную душу. Она еще им покажет – отцу и всем остальным. Так зародилось ее огромное честолюбие. В черных хлопчатобумажных чулках и куцей юбке она мчалась на работу и с работы, полуголодная, но энергичная и бдительная. Огромный пульсирующий Лондон был ее неизменным стимулом. Широко раскрытыми глазами следила она за демонстрацией богатства и роскоши. Поздно возвращаясь из убогого офиса, стояла под дождем у Ковент-Гардена, чтобы увидеть, как подъезжают известные личности. И между тем с головой ушла в машино-

КОМ.

¹¹ «Тайна Эдвина Друда» – последний, неоконченный роман Чарльза Диккенса.

пись, стенографию, бухгалтерию. Она заслужила похвальные отзывы мистера Твисса и даже взыскательного мистера Уордропа. Ей несколько раз повышали жалование, пока она не стала зарабатывать невероятную сумму – целых два фунта пять шиллингов в неделю. Ее отец воспринял эту новость с презрительным недоверием.

А потом, спустя четыре года, когда ей было всего двадцать два, Кэтрин выпала возможность изменить судьбу. Старый Юджин Харт, чей антикварный магазин находился совсем рядом, на Оксфорд-стрит, однажды остановил ее там и попросил стать его личным секретарем с жалованием в двести фунтов в год. Старый еврей Юджин, смуглый, доброжелательный, известный своей практичностью, часто заглядывал в контору Твисса и Уордропа ради разных интересных сделок, связанных с реставрацией, а иногда – хотя об этом говорилось шепотом – ради подлинных антикварных творений. Он часто с невозмутимым выражением лица искоса наблюдал за Кэтрин и безошибочным инстинктом своего народа угадал ее потенциальные возможности.

Для нее было непросто покинуть магазин в Холборне, но после предложения Харта перед ней тут же открылись заманчивые перспективы. Поскольку ее обязанности больше не ограничивались письменным столом, она начала осваивать «ремесло», разбираться в старой мебели, в стилях, эпохах и производителях, с первого взгляда распознавать истинную патину старины. Вместе с Хартом она посещала всевозможные распродажи, от «Вернона» в Вест-Энде до великолепных загородных домов на севере. И вскоре, поскольку ее способности были так очевидны, а его здоровье пошатнулось, Харт позволил ей действовать в одиночку. Самостоятельно заниматься покупками было не только делом ответственным – она никогда не забудет, как дрожала, делая свою первую ставку среди множества, казалось, суровых антикваров в надвинутых на лоб шляпах! – но это придало ей также определенный статус. Кэтрин стала если не важной, то по крайней мере интересной персоной в мире антиквариата. Кроме того, она начала откладывать деньги, поскольку вскоре Харт добавил комиссионные к ее жалованию, и теперь каждый месяц она, особенно когда совершала удачную покупку, получала довольно солидную сумму. Но главное – она полюбила свою профессию, ее очарование, возможности и размах.

Три года спустя Юджин Харт умер. Кэтрин, для которой он был замечательным другом, глубоко переживала эту утрату. Когда исполнители завещания продали все активы и бизнес окончательно закрылся, она почувствовала, что готова отказаться от всей своей карьеры. И в этот момент, когда она была наиболее уязвима, возник еще один тревожный довод расстаться с любимым делом. Она познакомилась с честным, трудолюбивым, симпатичным молодым человеком – адвокатом по имени Джордж Купер, который неуклонно рос в своей собственной профессии. По воспитанию и традициям он, как и Кэтрин, принадлежал к уважаемому среднему классу, среде, в которой он родился и в которой, при надлежащей профессиональной состоятельности, несомненно, останется. Они совершали совместные прогулки, и Джордж ей очень нравился. Он, со своей стороны, был влюблен в нее. И наконец он сделал предложение руки и сердца.

Соблазн для Кэтрин был велик. Ей было двадцать пять лет, кровь в жилах бурлила, карьера, по крайней мере на время, застопорилась, а дома, где ее отец теперь превратился в старого, вечно жалующегося инвалида, жизнь часто казалась невыносимой. Как счастлива она могла бы быть в своем собственном доме, со своим мужем, своими детьми! При мысли об этом на нее накатывала волна нежных чувств. Каким трудным и одиноким казался другой путь и как маловероятно, что он приведет к успеху!

Ей было ужасно тяжело принять решение. И Джордж не без напора напоминал, чтобы она дала ему ответ. Настал день, такой же зимний, как этот, когда она должна была сделать свой выбор, этот судьбоносный выбор между карьерой и домом. Озадаченная и опечаленная, она оказалась со своими проблемами в этом старом дворе и села на скамейку под деревом, чтобы прийти к какому-то итогу. Когда она встала, уже совсем стемнело, но решение было

принято. На первом месте должна быть ее карьера. Только карьера, всегда и везде. В тот вечер она написала письмо Джорджу Куперу и одновременно подала заявку на должность помощника редактора ежемесячного журнала «Коллекционер», посвященного мебели, декору и изобразительному искусству.

Неделю спустя она уже была в штате журнала «Коллекционер», а через год стала его главным редактором. После этого она отправилась в свободный полет с «Антикой, лтд.», сама себе хозяйка в собственном бизнесе. Она поднималась все выше и выше. У Кэтрин появились выдающиеся друзья, она стала уважаемой персоной в Лондоне и Нью-Йорке. Конечно, она сталкивалась с трудностями – кто с ними не сталкивался? И все же она заработала большие деньги. И тратила их. Она смогла что-то сделать для матери, для Нэнси. Она добилась... да, она добилась успеха, если это слово что-то значит.

Когда Кэтрин закончила свой рассказ, воцарилось долгое молчание. Затем, не глядя на нее, Мэдден взял ее руку в свою, крепко пожал и отпустил.

– Я рад и польщен, что вы мне это рассказали, Кэтрин. Но, думаю, одного человека в этой истории все-таки жалко.

– Кого? – с вызовом спросила она.

– Джорджа Купера, – медленно ответил он. – Я думаю, он прекрасно понимал, кого он потерял.

Она грустно улыбнулась:

– Он не так уж много потерял. Кроме того, полагаю, он теперь женат и совершенно счастлив.

Возможно, Мэдден прочел печаль на ее лице, ту тихую меланхолию, которую всегда несут воспоминания, потому что, бросив взгляд на часы, он быстро поднялся.

– Время чаепития давно прошло. И вы явно продрогли, сидя здесь. Сейчас мы отправимся в вашу чайную, куда вы раньше ходили, и вы выпьете три чашки горячего чая.

Теперь именно он, казалось, возглавил экскурсию, потому что повел Кэтрин мимо потока машин к заведению Эй-би-си¹², которое она когда-то так хорошо знала. Внутри было тепло и светло, большой позолоченный электрический самовар на стойке шипел и исходил паром, длинные настенные зеркала отражали суетящихся официанток и маленькие группы людей, которые ели, смеялись, болтали за круглыми мраморными столиками. У всех были огромные чашки чая и горячие тосты с маслом.

– Здесь хорошо, – сказала Кэтрин. Уплетая тост, она взглянула на себя в зеркало и заправила под шляпу прядь волос, которая, как обычно, упала ей на лоб. – Боже, какой у меня испуганный вид! – Ее губы дрогнули. – Я это заслужила. Как и любая женщина, которая рассказывает историю своей жизни.

– Я ведь сам попросил, не так ли? Когда-нибудь я расскажу вам свою.

Ее улыбка стала шире.

– Только не говорите мне, что вы продавали газеты на улицах Кливленда.

Он ухмыльнулся:

– Разумеется, продавал! Только не газеты, а орешки.

– И ходили босиком?

– Все время! – Он невозмутимо доел последний тост. – Но единственное, что меня сейчас беспокоит, – это то, что мне весь вечер придется торчать одному. Вы даже не представляете, каким брошенным я себя чувствую без Нэнси. Похоже, я считаю минуты до ее возвращения в воскресенье. – Он помолчал. – А вы бы не... вы бы не могли еще немного мне посочувствовать и сходить со мной на какое-нибудь представление?

¹² Эй-би-си (сокращение от «Аэрейтед бред компани») – британская компания, управлявшая популярной сетью чайных.

Он быстро достал купленную на улице вечернюю газету и провел пальцем по театральной колонке:

- Судя по названиям, здесь есть несколько хороших вещей.
- Судя по одним названиям, этого не скажешь, – возразила Кэтрин.

Она считала, что в целом ее обязательства по отношению к нему были, по крайней мере на сегодня, исчерпаны. Ей не очень хотелось идти в театр, но она проследила за его пальцем, скользящим вниз по списку, пока он не дошел до театра «Савой», где, как она с удовольствием отметила, возрождали оперы Гилберта и Салливана¹³. В этот вечер шла «Иоланта».

- «Иоланта»! – почти непроизвольно воскликнула Кэтрин.

Он поднял на нее глаза:

- Вам нравится эта опера?

Она слегка покраснела и, помолчав, объяснила:

– Теперь это кажется наивным. Но я люблю Гилберта и Салливана. Скорее всего, потому, что в юности мне редко удавалось куда-нибудь попасть. Я любила сидеть здесь, в этой самой чайной, от всей души мечтая втиснуться в последние ряды партера или на галерку ради «Пинафора»¹⁴, или «Микадо», или «Иоланты». Но у меня были школьные задания или какие-то вечерние дела, которые надо было выполнить. Я просто не могла никуда пойти.

– Что ж, тогда пойдем сегодня вечером, – решительно заявил он и подозвал официантку со счетом.

Места им достались без труда, довольно далеко позади, что делало менее заметным тот факт, что они были не по-вечернему одеты. Оркестр настроил инструменты, затем зазвучала увертюра, занавес поднялся, и Кэтрин отдалась безмерному наслаждению.

Она действительно испытывала счастье. Кэтрин нередко доводилось бывать на премьерах шикарных ревию и современных музыкальных комедий, но ей не нравились эти быстрые безостановочные ритмы. Тут было иначе. Тут все соответствовало ее настроению. Тут было остроумно и мелодично. Устарело ли такое искусство? Она не знала, да ее это и не заботило. Рискую быть старомодной, она осмелилась открыто полюбить данное действо.

Мэддену тоже понравилось представление. Это было видно. Он почти ничего не говорил. Не давал никаких комментариев между сценами. Не докучал ей бессмысленными предложениями кофе или мороженого в антрактах. Большую часть времени он неподвижно сидел, подперев щеку ладонью и положив локоть на подлокотник кресла, а его темные глаза, веселые и заинтересованные, неотрывно смотрели на сцену. Но когда все закончилось и они вышли из зала и стояли в ожидании такси, он быстро проговорил:

– Это еще один подарок, за который я должен вас поблагодарить. – И добавил: – Нэнси действительно порадует, что вы были так добры ко мне. Я расскажу ей, как только она вернется.

- Это вы меня развлекли, – улыбнулась Кэтрин.

– О нет, – быстро ответил он. – Я плохо разбираюсь в развлечениях. И пожалуй, вопреки обыкновению, мне этим вечером было почти нечего сказать. На самом деле я все время задавался вопросом, как обстоят дела в Манчестере.

Они оба думали о Нэнси, пока ехали на Керзон-стрит. Когда такси остановилось, она предложила ему зайти и что-нибудь выпить перед возвращением в отель. Он согласился. Они поднялись на лифте и вошли в квартиру. В крошечной прихожей на подносе лежала телеграмма. Кэтрин открыла ее и прочла:

¹³ Уильям Швенк Гилберт (1836–1911) – британский писатель, поэт, либреттист и иллюстратор; Артур Сеймур Салливан (1842–1900) – британский композитор, органист, дирижер и педагог. Гилберт и Салливан сотрудничали почти 20 лет, за это время написали 14 комических опер (часто упоминаются как оперетты), которые пользовались огромной популярностью.

¹⁴ Полное название оперы – «Корабль Ее Величества „Пинафор“».

СПЕКТАКЛЬ ПОЛНЫЙ ПРОВАЛ ПРЕМЬЕРА ЛОНДОНЕ ВРЕМЕННО ОТКЛАДЫВАЕТСЯ ПРИТОМ ВЫЖАТА КАК ЛИМОН ЖДИТЕ МЕНЯ ЗАВТРА ЛЮБОВЬ СЛЕЗЫ И ПРОКЛЯТЬЯ НЭНСИ

На лице Мэддена мгновенно отразилась озабоченность. Он прикусил губу и взял телеграмму из рук Кэтрин.

– Бедный ребенок. Это просто ужасно, – пробормотал он, перечитав телеграмму. – Я не хотел, чтобы для нее именно так все кончалось!

Почти сразу же, словно забыв о том, что он ее гость, Мэдден поспешно попрощался с Кэтрин.

Глава 6

Нэнси появилась на Керзон-стрит в десять часов утра в воскресенье. Она провела в пути всю ночь, свернувшись калачиком в углу купе третьего класса, маленькая, одинокая, безутешная. Все прочие остались, чтобы с комфортом вернуться днем, но она чувствовала, что должна немедленно уехать. Провал спектакля, на который она возлагала столько надежд, ужасно расстроил ее. Пока поезд мчался сквозь темноту, на бледном лице Нэнси застыло выражение подлинного разочарования. Ее веселая маска легкомысленности, в которой она обычно представляла перед миром, исчезла. Тем, кто судил о Нэнси по ее неизменно яркой внешности, стоило бы увидеть ее в те минуты. На самом деле она выглядела очень несчастным маленьким ребенком.

И все же, еще не доехав до Лондона, она взяла себя в руки. Нэнси могла, по ее собственному выражению, выпасть в осадок, но ни за что не показала бы этого. Она привела в порядок свое лицо, немного подпорченное вагонной пылью и, возможно, случайной слезой. А позже, в квартире на Керзон-стрит, она не обошлась без маленького драматического выхода, двинувшись с протянутыми руками к Кэтрин, которая сидела в темном шелковом халате перед подносом с припозднившимся утренним кофе и горячими тостами.

– Кэтрин, дорогая! – воскликнула она, как будто с их последней встречи прошла целая вечность. – Как приятно снова тебя видеть! – Она прильнула щекой к щеке Кэтрин, откинула в сторону подушку, села рядом на диван и лучезарно улыбнулась. – Мне было чертовски скверно на севере.

Кэтрин деловито пододвинула поближе поднос:

– Только позавтракай и все мне расскажи.

– Дорогая! – Нэнси театрально передернула плечами. – Я не могу съесть ни кусочка. Я невероятно расстроена.

– Что? Ты ничего не ела с утра?

– Ничего-ничего! Только омлет или что-то в этом роде, тосты и апельсиновый сок... О, я забыла.

При таких потрясениях и обидах на весь свет ей было не до диеты.

– Мне пришлось лететь к тебе, просто лететь, чтобы все рассказать.

– Ты, конечно, виделась с Крисом.

– Да, – кивнула Нэнси. – Он был милым, удивительно милым – встретил меня на вокзале, отвез на Джон-стрит. Но я хотела увидеть тебя, Кэтрин. Я хотела поговорить с тобой наедине.

– Хорошо, – успокаивающим тоном произнесла Кэтрин. С непринужденным видом она налила в чашку кофе, добавила сахара и сливок и поставила перед потерянной Нэнси. – На самом деле я ожидала, что ты заглянешь. Но тебе не стоит терзаться насчет этой постановки.

– «Постановки»! – воскликнула Нэнси с гримасой отвращения. – Если бы это была постановка! И все же я не знаю. Возможно, это все-таки постановка или могло бы быть постановкой, если бы эта женщина, Рентон, не убила ее. Она разделала ее и выложила на плиту, как куски баранины. Эта Рентон безнадежна. Она не может играть. Она никогда не умела играть. И в любом случае она слишком стара. О, если бы только мне дали эту роль, Кэтрин! Хотя, извини, я была довольно хороша в своей собственной, я словно прожила в ней. По крайней мере, я дала этому мерзкому спектаклю шанс. О Кэтрин! Мне так хотелось блеснуть в Вест-Энде. Сейчас как раз тот момент в моей карьере, когда мне это не помешало бы.

В приступе досады Нэнси внезапно подняла чашку кофе и осушила ее.

подавив улыбку, Кэтрин изучала свою племянницу. Несмотря на тяготы ночного пути на поезде, она никогда еще не выглядела так привлекательно, как теперь, под наплывом эмоций, отчасти вызванных реальностью, а отчасти игрой, что Нэнси не слишком любила признавать.

Да, не было никаких сомнений, решила Кэтрин, что сейчас Нэнси получала удовольствие от собственных драматических эффектов. И конечно, они ей очень подходили.

– Да, пожалуй, жаль, что так вышло, – наконец сказала Кэтрин. – Но разве все это так уж важно?

– Конечно важно, – возмущенно выпрямилась Нэнси. – Что за идиотский вопрос, Кэтрин!

– Я просто подумала о нашем друге Мэддене, – мягко ответила Кэтрин.

– Дорогая, – запротестовала Нэнси. – Я понимаю, что ты имеешь в виду, и все такое. Я обожаю Криса. Но я обожаю и театр. И у меня перед собой есть какие-то обязательства, перед артистом во мне. Ты же знаешь, как я прекрасно справляюсь с любой ролью, я действительно очень быстро все схватываю. А теперь этот крах в самый важный момент! О, я знала, что это глупая постановка. Она заслуживала провала. Но в провальной ситуации оказалась я сама, и я не могла от нее убежать. Это было бы трусостью.

Она вскочила и принялась расхаживать по комнате:

– О нет, нет, Кэтрин, дорогая. Это было бы полным разочарованием. Я хочу выйти замуж за Криса, но я также должна добиться успеха. Я должна доказать себе, что я могу. О, мне нужен, нужен, нужен успех!

– Понятно, – сказала Кэтрин.

Последовала пауза. Нэнси, застывшая на месте, обернулась с новым выражением лица.

– Вот единственное, что мы можем с этим поделать, – пробормотала она теперь в иной, но не менее привлекательной манере, устремив на Кэтрин ясный и простодушный взгляд и сохраняя театральную позу в стиле Дузе, Терри¹⁵ и Бернар одновременно. – Ты должна мне помочь.

– Но как, Нэнси?

– Дорогая, не смотри на меня так, будто я сошла с ума. Ты знаешь как.

– Ты имеешь в виду, что хочешь попасть в другую постановку?

– Вот именно! – Нэнси расслабилась, вздохнула и, оказавшись рядом с пианино, села и взяла медленный, убедительный аккорд. – В данном конкретном случае, Кэтрин, – мягко заметила она, – ты можешь очень аккуратно вмешаться. Ты умеешь быть такой совершенно простой, так замечательно притягивать к себе, влиять на людей – в частности, на Сэма Бертрама.

– При чем тут Бертрам?

– При том, – Нэнси взяла другой аккорд, – что Бертрам везет в Нью-Йорк «Дилемму» – свой новый спектакль, да будет тебе известно, Кэтрин. При том, что Бертрам еще не определил состав. При том, что Бертрам собирается отдать мне действительно хорошую роль.

– О нет, Нэнси, это невозможно, – быстро проговорила Кэтрин. – Я не могу просить его.

– Ты должна, дорогая, – сказала Нэнси, нажав на правую педаль, продлевающую звучание струн. – Если только ты не хочешь, чтобы я была разбита и несчастна всю оставшуюся жизнь.

– Нет, но на самом деле... – запротестовала было Кэтрин.

– Ты должна, – повторила Нэнси. – В «Дилемме» есть роль, которая просто взывает ко мне. Небольшая, но правильная, просто абсолютно правильная. Я могла бы воскрешать мертвых с помощью этой роли, дорогая. Но это еще не все. Я хочу поехать с тобой в Америку. Я хочу поехать с Крисом. Он должен вернуться, дорогая, вернуться к своим делам. Он хочет, чтобы я поехала с ним и там вышла за него замуж. Разве ты не видишь, как было бы замечательно, если бы ты устроила меня в спектакль Бертрама? Короче, мы едем все вместе и проводим там божественное время.

Все еще ошеломленная, Кэтрин смотрела на Нэнси, осознавая, как ловко эта запутавшаяся умная маленькая племянница разыграла ее с помощью, казалось бы, несочетаемых хитрости и простосердечия. Поневоле в глазах Кэтрин заплясали веселые искорки.

¹⁵ Элли Терри (1847–1928) – английская театральная актриса, прославившаяся ролями в пьесах Шекспира.

- Похоже, ты все очень тщательно спланировала.
- Ну конечно, дорогая.
- Из этого вовсе не следует, что Бертрама так же легко уговорить, как меня.
- Но ты попроси его! – воскликнула Нэнси.

Повисла пауза, в течение которой выражение лица Кэтрин смягчилось еще больше.

- Хорошо, – сказала она наконец.
- Ты моя дорогая!

С последним прогремевшим аккордом Нэнси встала из-за пианино и обвила руками шею Кэтрин:

– О, не сомневалась, что ты согласишься. Я рассчитывала на тебя. Я так счастлива! Знаю: если ты берешься за дело, можно считать, что оно уже сделано.

Она отстранилась, глядя на Кэтрин с искренней любовью и благодарностью, снова обняла ее, затем перевела взгляд на крошечные платиновые часики на своем запястье. На ее лице сразу же отобразилось сожаление.

– А теперь мне надо лететь. Я обещала встретиться с Крисом в одиннадцать. Он такой милый, что я терпеть не могу заставлять его ждать. Сходи сегодня к Бертраму, Кэтрин, хорошо? Или завтра, если он не в городе. До свидания, дорогая, и огромное спасибо.

Когда Нэнси ушла, Кэтрин с минуту постояла, охваченная довольно противоречивыми мыслями. С одной стороны, от нее не укрылось, что Нэнси доброжелательно, но расчетливо использует ее; с другой стороны, она прекрасно понимала, что ее добровольное служение Нэнси превышает любых прихотей горячо любимой племянницы. Это правда, что она имела некоторое влияние на Бертрама и, если информация Нэнси верна, могла бы уговорить его. Хотя ее независимой натуре дорого стоило просить о чем-то, она чувствовала, что Нэнси полагается на нее. Ради этого и надлежало действовать. При этой мысли ее лоб разгладился, и импульсивным движением она направилась к телефону. Кэтрин не очень-то надеялась, что Бертрам будет в Лондоне в конце недели, но от Уинтера, его слуги, она могла по крайней мере узнать о его планах на предстоящую неделю.

И действительно, к телефону подошел Уинтер – его зычный голос нельзя было спутать ни с каким другим, – а на вопрос о Бертраме он не без некоторой таинственности и нерешительности ответил, что его хозяин дома.

– Отлично! – воскликнула Кэтрин. – Тогда передай ему, Уинтер, что я зайду повидаться с ним.

- О нет, мисс Лоример, – возразил Уинтер. – С ним нельзя повидаться.
- Но почему? У него же нет дел на сегодня.
- Не знаю, мисс Лоример. Видите ли, он... он нездоров.

Поведение Уинтера озадачило Кэтрин.

– Что с ним не так? – спросила она напрямик.

Нерешительное молчание на другом конце провода. Затем – с величественной неохотой:

– Если вам так уж нужно знать, мисс Лоример, у мистера Бертрама болят зубы.

В сообщении Уинтера о болезни было что-то настолько замогильное, что Кэтрин невольно рассмеялась. Быстро, чтобы не ранить его чувства, которые, как она знала, были в высшей степени упорядочены, она повесила трубку. Но ее намерение нанести визит никуда не делось, поскольку если уж что-то требовалось сделать для Нэнси, то лучше было сделать это немедленно.

Поэтому около трех часов дня, когда, по ее мнению, невралгия у Бертрама могла утихнуть, Кэтрин вышла из квартиры и быстрым шагом направилась в сторону Портман-сквер.

Она нажала на дверной звонок под номером 16а, и Уинтер, высокий и худой, открыв дверь, собственной персоной предстал перед Кэтрин с похоронным видом.

– Простите, мисс Лоример, – начал он, и она увидела, что он колеблется – впускать ее или нет.

Но прежде чем он успел принять решение, она проникла в холл, ободряюще улыбаясь ему:

– Все в порядке, Уинтер, я найду куда идти!

Зная привычки хозяина дома, Кэтрин направилась мимо встревоженного слуги в кабинет, где должен был сейчас находиться Бертрам.

В этом она оказалась права, но скорее случайно, чем по здравому разуму, потому что Бертрам сидел не за своим рабочим столом, а у камина, перед горкой угля, в нелепой позе воплощенного страдания – клетчатый халат, голова обмотана шотландской шалью.

– Что такое, Берти! – невольно воскликнула Кэтрин. – Неужели все и вправду так плохо?

– Еще хуже, – пробормотал он. Затем, помолчав, с трудом повернул голову и осуждающе оглядел ее. – Что, черт возьми, ты здесь забыла?

Хотя она прониклась к нему сочувствием, его теперешний растрепанный, взъерошенный вид, с опухшей щекой, настолько неотразимо напоминал героя комиксов, что Кэтрин с трудом заставила себя не рассмеяться.

– Я просто заскочила на минутку, – поспешно заявила она. – И я так рада, что пришла. Позволь как-то помочь тебе.

– Ты не сможешь, – скорбно пробормотал он. – Я не хочу, чтобы меня беспокоили. Я говорил Уинтеру.

– Уинтер тут ни при чем. И послушай, Берти...

– Не могу ничего слушать, – перебил он ее. – Дьявольская зубная боль, все лицо болит. Оставь меня в покое. Даже чтобы спасти свою жизнь, я не стал бы сейчас покупать антиквариат.

– Я пришла не для того, чтобы продать антиквариат.

– Ты пришла не просто так. Я тебя знаю. Да еще в воскресенье. Уходи, Кэтрин!

– Я не уйду, – решительно ответила она и сделала шаг к нему. – Не могу видеть, как ты страдаешь. Бред какой-то! Ты что, не обращался к зубному?

– Ненавижу зубных врачей. У меня никогда не было на них времени. Ненавижу всю их свору. Кроме того... – Он сдержанно застонал, застигнутый внезапной волной боли. Когда она утихла, он, обессиленный, откинулся на спинку кресла и пояснил: – Думаю, это абсцесс. Не вынесу укол. Ничего такого не вынесу.

– Дай его удалить, – сказала Кэтрин с некоторым удивлением. – Совсем!

Он чуть не подпрыгнул в своем кресле.

– Без укола? По живому? Удалить! О господи, неужели эта женщина думает, что я сделан из железа? Удалить! О милый Боже, прости ее!

Содрогнувшись, он повернулся спиной к Кэтрин и, едва прикасаясь к распухшей щеке, стал осторожно раскачиваться взад-вперед.

Кэтрин смотрела на него с неподдельной нежностью и заботой, допустив, возможно, немного банальную, но тем не менее верную мысль, насколько в подобных ситуациях мужчины бывают похожи на детей, особенно когда остаются без присмотра женщин.

– Позволь мне взглянуть, Берти! – воскликнула она.

– Нет уж, спасибо.

– Нет уж, позволь. Зачем так нелепо страдать – тебе это не подходит.

Она решительно двинулась к нему. Он дико глянул на нее, завращав глазами, – только они и были подвижны на застывшем лице. Но она слишком много значила для него. Скорчившись, как спаниель, которому грозит плетка, он снова застонал и сдался, открыв рот с темным пеньком коренного зуба, торчащим из воспаленной десны.

Убедившись в причине проблем, Кэтрин, заняла кресло на коврике у камина и сурово посмотрела на своего визави:

– Послушай, Берти, это безумие – оставлять такое. Ты должен немедленно разобраться с этим.

– Ты не умеешь, – слабо запротестовал он. – Ты не умеешь делать уколы.

– Эфир, – лаконично ответила Кэтрин.

Он побледнел под пледом, которым снова накрылся в инстинкте самосохранения.

– Эфир?

– Да, эфир, Берти!

Он сделал последнюю попытку увильнуть:

– Мне не подходит анестезия. С меня хватит и одной мысли о ней. Мне ни разу в жизни не делали анестезии.

– А теперь сделают, – сказала Кэтрин своим самым решительным и грозным тоном. – Я сейчас позвоню доктору Блейку, и тебе немедленно удалят этот несчастный зуб.

– Нет-нет. Не смей! Если мне дадут эфир, я навсегда потеряю сознание. Мне уже лучше... Со мной теперь абсолютно все в порядке. Ой! Ой!..

Он попытался приподняться в знак протеста, но очередная волна страдания подхватила его и снова усадила обратно в кресло, сокрушенного и отданного на ее милость.

Кэтрин посмотрела на своего старого друга сострадательным, но неумолимым взглядом. Затем она вышла из кабинета и спустилась в холл, где позвонила доктору Блейку, своему собственному стоматологу-хирургу, который жил тут же за углом на Квин-Энн-стрит, и попросила его немедленно прийти. Уинтеру, который маячил рядом беспокойной и бледной тенью, она велела принести горячей воды и чистых полотенец.

До прихода доктора Блейка Кэтрин оставалась в холле.

– Вы должны стоять на своем, доктор, – предупредила она его. – Никаких глупостей насчет того, чтобы отложить лечение.

– Ни за какие коврижки, мисс Лоример, – ответил он с улыбкой. – Я никогда не откладываю на завтра то, что надо сделать сегодня.

Наверху их несчастная жертва чуть ли не в прострации ожидала своей печальной участи и уже зашла в этом слишком далеко, чтобы выразить хотя бы слабый протест. На подготовку необходимой аппаратуры понадобилось не более минуты. Бертрам бросил взгляд на темные цилиндры и витки красных трубок и вздрогнул, как будто его обдало ледяным ветром.

– Вы собираетесь прикончить меня, – пробормотал он. – Я никогда не очухаюсь после этого.

– Чушь! – беззаботно сказал Блейк.

– Разве я... разве мне не нужно специальное кресло или что-то в этом роде, – запинаясь, сказал Бертрам.

– Ни за какие коврижки, – сказал Блейк еще более беззаботно. Казалось, это было его излюбленное выражение. Он лихо закатал правую манжету. – Просто ослабьте воротник и сядьте прямо.

Жуткая ухмылка расплзлась по лицу Бертрама.

– «Сядьте прямо», – хохотнул он. – Если бы я не умирал, я бы рассмеялся.

Тут дверь открылась, и с важным видом вошел Уинтер, держа перед собой тазик, как лекарь-аптекарь, привыкший пускать кровь. Это стало последней каплей. Бертрам крепко зажмурился. Когда Блейк надел ему на лицо резиновую маску, он разрыдался:

– Держи меня за руку, Кэтрин. И ради бога, держи крепче.

Три минуты спустя он открыл глаза и остекленевшим взглядом уставился на Блейка, который, тихонько насвистывая, укладывал свои инструменты. Уинтер и тазик исчезли, а это означало, осознал Бертрам, что все позади – и зуб, который адски болел, и весь этот кошмар. Его охватило ощущение чуда. Он оставался недвижим, пока стоматолог не ушел.

Затем он выпрямился и посмотрел на Кэтрин с медленной улыбкой, в которой не было и намека на страдание.

– Это ты, – заявил он. Затем, дабы удостовериться, что ему полегчало, он похлопал себя по щеке, снова улыбнулся и не без смущения заметил: – Чудесная штука этот эфир. Хотя я и сам не сдрейфил, верно?

– Ты был великолепен, Берти.

– Это вряд ли... О, ладно, черт возьми, это в общем-то не самое приятное, с чем приходилось сталкиваться. Не каждому по плечу. Я имею в виду анестезию и все такое.

– Да, ты чудесно справился. Это был довольно противный зуб.

В этот момент, проследив за ее взглядом, он обнаружил зуб, лежащий рядом на столе на ватном тампоне. Он поднял его и с гордостью осмотрел.

– Так! Так! А вот и большой коренной зуб с гнильцой. Лучше тут, чем там, а, Кэтрин? Слава богу, у меня хватило духу пройти через это.

Подняв глаза, он поймал на себе ее пристальный взгляд и вдруг замер, как мальчишка, застигнутый врасплох с банкой варенья у буфета. Он виновато заморгал, лицо медленно вытянулось, затем глаза заблестели, и он с неподдельным удовольствием начал смеяться. И смеялся долго.

– О господи, Кэтрин, каким же слабаком я был! И какая же ты молодчина, что заставила меня пойти на это! Если бы не ты, я бы до сих пор корчился от боли в крошечном аду!

Он протянул руку и нажал на звонок.

– А теперь нам пора выпить чаю. Я голоден. У меня зверский аппетит. Ты не поверишь, у меня за весь день не было ни крошки во рту!

Она покачала головой:

– Нет, Берти, это мне пора выпить чаю. А тебе больше подойдет добрый питательный бульон.

– Ха! Ха! Хорошая идея. Мне нужно подкрепиться. У меня такое чувство, будто я неделю ничего не ел.

Вскоре Уинтер накрыл на стол. Обернув подбородок салфеткой, Бертрам, прихлупывая, стал разделяться с миской бульона и вдруг заявил:

– Знаешь, Кэтрин, ты упустила свое призвание. Тебе следовало бы стать медсестрой или врачом. Нет, клянусь, ты должна была быть чьей-то женой. Моей, например. – Он энергично замахал ложкой. – Это идея. Выходи за меня замуж, Кэтрин, и сделай наконец из меня порядочного человека.

Она просто улыбнулась ему, не обратив никакого внимания на его слова, и он продолжил:

– Что же я могу для тебя сделать, если как муж я тебе не нужен? Только одно исключение – не пытайся мне что-то продать. Я все до последнего пенни вложил в свой новый спектакль.

Кэтрин глубоко вздохнула. Хотя она сама затронула бы данную тему, это его признание вкупе с благодарностью дало ей шанс, которым она не могла не воспользоваться.

– Я действительно хочу кое о чем попросить тебя, Берти, и это касается твоего нового спектакля. Дай моей племяннице, Нэнси Шервуд, роль в нем.

Бертрам отметил не столько содержание просьбы, сколько то, с каким напором она прозвучала. Он медленно дохлебал бульон.

– Хм, так вот оно что, – сказал он наконец. – Это она тебя настропала, Кэтрин. Хитрый маленький дьяволенок.

– Она умна, Берти, – поспешно сказала Кэтрин. – И ты знаешь, что она может играть.

– Да, – признал он. – Она довольно хороша. – Он помолчал. – И она становится все раскрепощенней. На днях я слышал отзыв о ее маленьком выступлении на Би-би-си. Вокруг полно слухов. – Он снова помолчал. – Хм! Но предположим, мы немного подождем. Через год-два у нее будет больше опыта.

– Не будет ни года, ни двух, – искренне заявила Кэтрин. – Она выйдет замуж и остепенится задолго до этого. Она хочет добиться успеха сейчас – ты же знаешь, как это бывает, Берти, – добиться какого-то успеха, почувствовать, что у тебя получилось.

Он искоса посмотрел на нее:

– О да!

– Кроме того, – быстро продолжила Кэтрин, – я хочу, чтобы она вместе со мной побывала в Америке. Это связано с ее будущим, с ее счастьем, со всем, что действительно имеет значение.

Наступила тишина. Бертрам в раздумье погладил подбородок и некоторое время медлил с ответом, но наконец принял решение:

– Ладно, Кэтрин, ради тебя я сделаю это. Для нее есть хорошая роль. Она вполне подойдет Нэнси. Ее роль. Передай, чтобы завтра зашла ко мне в офис.

Лицо Кэтрин залилось румянцем. Она встала и взяла его за обе руки.

– Спасибо, Берти! – радостно воскликнула она. – Этого я никогда не забуду.

– Все в порядке. Если подумать, Нэнси составит хорошую конкуренцию Пауле Brent, которая играет главную роль.

В его нарочито небрежной манере разговора слышалось, что он рад угодить Кэтрин.

Вскоре после этого Кэтрин ушла. Она испытывала неописуемый душевный подъем по пути домой, на Керзон-стрит, намереваясь сразу же позвонить Нэнси. Ее визит в Америку приобрел новые цвета, окрасившись живым чувством предвкушения счастья. Она всегда хотела отправиться в путешествие вместе с Нэнси. И с легким сиянием в душе Кэтрин почему-то отмечала как дополнительную радость то, что Мэдден тоже поедет с ними.

Глава 7

Утро их отъезда выдалось сырым и туманным, с редкими проблесками тускло-красного солнца, которое щурилось, как усталый глаз, на краю желтого неба.

У Чарли Аптона была сентиментальная привычка провожать Кэтрин в ее трансокеанские путешествия, поэтому, когда поезд мчался в Саутгемптон по равнинам с унылыми трубами дымоходов, в забронированном купе их было четверо.

Мэдден и Аптон, сидевшие напротив друг друга, познакомились посредством вежливой беседы о достоинствах игры в американский футбол, тогда как Нэнси, повесив шубу на крючок и положив перед собой новый дорожный несессер, взволнованно просматривала иллюстрированные еженедельники в надежде найти фотонюх о своих близких знакомых или о себе самой. Для нее было разочарованием, что Бертрам и остальные участники «Дилеммы» поплывут не вместе с ними на «Пиндарике», а двумя днями позже на «Империале», более быстром и, как не преминула указать Нэнси, более красивом судне. Но теперь она это уже пережила – по ее собственному выражению, оправилась от удара.

Кэтрин была непривычно беззаботна, ее переполнял оптимизм, и она остро осознавала тот факт, очевидный, но иногда упускаемый из виду, что жить – это хорошо. Кроме того, было приятно иметь друзей – в частности, необычайно доброго Бертрама – и уезжать вместе с Мэдденом и Нэнси. Ее мысли понеслись вперед, в будущее. В ближайшие несколько недель она продаст миниатюру Брандту, покончит со своими деловыми обязательствами и увидит, как сбудутся мечты Нэнси. Вдруг ее племянница наклонилась к ней.

– Смотри, Кэтрин, – сказала Нэнси с деланным смешком. – Они и меня сюда сунули. Как по-твоему, это хорошо?

Повернувшись, Кэтрин изучила иллюстрацию, которую протянула ей Нэнси, – недавний и очень выразительный студийный портрет. Нэнси была снята в профиль, под необычным ракурсом и в поразительном освещении – подбородок вздернут, волосы откинута назад, как у летящего Гермеса.

– Да, это ужасно здорово, – горячо признала Кэтрин. – И довольно оригинально.

– Тут дело не в тщеславии, – внезапно сказала Нэнси. – Просто я считаю, что это важно. Ну, то есть постоянно напоминать публике о себе и все такое.

Мэдден и Аптон оба восхитились фотографией, Аптон особенно отметил сходство с античным богом.

– Насчет сходства, – вмешалась Кэтрин, – очень странно, как оно получается. – Спустя мгновение она продолжила: – Например, мне говорили, что этот портрет похож на меня. Я не знаю, как такое может быть, но судите сами.

Открыв маленькую шкатулку для драгоценностей, которая лежала рядом с ней, она достала миниатюру. В неожиданно возникшей тишине Гольбейн переходил из рук в руки.

Мэдден долго смотрел на портрет, затем, глубоко вздохнув, заявил:

– Дама определенно похожа на вас, Кэтрин. И к тому же это чертовски милая вещь.

Аптон, глядя через плечо Мэддена, согласился с его мнением и добавил:

– Во сколько это обойдется какому-нибудь свихнутому американцу?

– Надеюсь, в двадцать тысяч фунтов, – улыбнулась Кэтрин.

– И я бы не сказал, что это того не стоит, – серьезно заметил Мэдден. – Тут виден настоящий класс.

Нэнси рассмеялась из своего угла.

– Похоже, ты подумываешь о том, чтобы самому приобрести это, Крис, – предположила она.

– Само собой, – любезно согласился Мэдден.

Затем он улыбнулся и вернул миниатюру Кэтрин, которая заперла ее обратно в свою шкатулку.

В этот момент Аптон посмотрел на часы – действие, обычно связанное у Чарли не столько с ходом времени, сколько с сердечной предрасположенностью к еде и напиткам.

– Как насчет того, чтобы немножко перекусить? – поинтересовался он. – Я лично более чем готов. Я заказал обед на двенадцать часов. У нас особое меню в вагоне-ресторане.

Обед, с вкусными на редкость блюдами, прошел весело. У Кэтрин все еще было приподнятое настроение, и она оживленно поддерживала беседу.

Вскоре, однако, их ждал Саутгемптон, и они без промедления отправились на морской вокзал, где по стойке смирно в белых куртках и фуражках выстроился длинный ряд стюардов, а за ними высилась черная отвесная стена «Пиндарика». Хотя тут не было ничего нового, что-то в этом обещающем приключения зрелище, в этой прелюдии к очередному пересечению великого и таинственного океана, наполнило душу Кэтрин волнением. Знакомая обстановка этому не помешала. Выйдя на пирс, она с предвкушением чего-то прекрасного вдохнула морской воздух и, нежно взяв Нэнси под руку, повела ее по крытому трапу на пароход.

В некотором смысле это было триумфальное шествие. Кэтрин так часто путешествовала на «Пиндарике», что вся команда судна знала ее и приветствовала с тем неподдельным почтением, которое было слаще меда для маленькой умненькой Нэнси, поскольку оно относилось и к ней.

– Ты, случайно, не владелица этого парохода? – спросила Нэнси, когда они шли по коридору за одним из судовых казначеев и строем стюардов.

– Если я владелица, то он твой, – ответила Кэтрин, улыбаясь.

У обеих были большие каюты на палубе «С», соединенные общей дверью. Каюта Мэддена находилась напротив, по правому борту, ближе к корме. Нэнси сразу же занялась ожидавшими их телеграммами, сообщениями и цветами, тогда как Кэтрин разговаривала с миссис Роббинс, стюардессой, которую неизменно прикрепляли к ней. Мгновение спустя появился мистер Пим, главный казначей. Это был дородный краснолицый мужчина с глазами навыкат и вдобавок с легким прищуром, что позволяло ему довольно ловко бросать вкось сверкающие взгляды.

– Так-так, – заключил он, держа руку Кэтрин в своей со счастливым видом человека, которому даровали такую привилегию. – Как замечательно, что вы снова с нами, мисс Лоример. И племянницу с собой взяли. Надеюсь, у нас будет хороший рейс. Вы знаете, что я к вашим услугам, мисс Лоример, – вам нужно только слово молвить.

– Для начала можете положить это в сейф, – сказала Кэтрин, доставая из шкатулки футляр с миниатюрой.

Он принял доверенную ему ценность с подобающим пиететом.

– Ах да, я читал о вашей покупке, мисс Лоример. Можете на меня положиться, я позабочусь о ее сохранности. – Он мягко потер руки и бочком, как безобидный краб, отступил к двери. – А пока я пришлю вам фруктов. Нет ничего приятнее, чем фрукты в каюте.

Это был знаменитый афоризм знаменитого мистера Пима, но повторяемый только для любимых гостей. И правда, едва Пим ушел, как появился стюард с корзиной самых прекрасных оранжерейных фруктов.

– Как ты это делаешь, дорогая? – беззаботно проворковала Нэнси. – Всевозможные услуги. Принимают как герцогиню. Все чересчур великолепно.

Тон Нэнси заставил Кэтрин чуть напрячься.

– Я не знаю, – ответила она довольно сдержанно. – Я об этом не прошу. И они знают, что во мне очень мало от герцогини.

– «Нет ничего приятнее, – продолжала Нэнси, идеально пародируя главного администратора, – чем фрукты в каюте. А также вашей племянницы. Полагаю, она любит фрукты? Ах! Я

надеюсь, что у вас будет хороший рейс. И не без фруктов в каюте». – Она резко, не без скрытой царапинки, хохотнула. – Кэтрин, разве он не смешон, этот старый попугай?

Но Кэтрин не засмеялась. Она зарделась и на секунду нахмурилась.

– Мне это не нравится, Нэнси, – твердо сказала она. – Старый попугай, как ты его называешь, один из моих лучших друзей. Он был бесконечно добр ко мне еще с той первой моей поездки. Тогда я была ненамного старше тебя, но слишком застенчивая и нервная для того, чтобы общаться. Он взял меня за руку и повел знакомить с людьми. Он помог мне обрести уверенность. Он вел себя очень достойно по отношению ко мне. И он всегда был достойным. Что касается того, что он смешон, то, должна тебе сказать, очень многие известные люди рады называть Пима своим другом. Он действительно личность.

– Дорогая Кэтрин! – тут же воскликнула Нэнси извиняющимся тоном, сменившим ее дешевый апломб. – Я не знала, что ты так к нему относишься. Что касается его доброты и всего этого внимания, то, по-моему, это великолепно – просто замечательно.

Последовала пауза, затем на лице Кэтрин снова появилась улыбка.

– Тогда только это и важно. Я знала, что ты ничего плохого не имела в виду. И если ты счастлива, то и я тоже.

Несколько минут спустя они поднялись на прогулочную палубу, где их ждали Аптон и Мэдден. Теперь в воздухе витало предчувствие расставания. Стюард уже бил в гонг. Провожажущие потянулись к сходням.

– Мне пора на берег, – сказал Аптон с довольно глубоким вздохом. – Обещай мне, что ты позаботишься о себе и все такое, Кэтрин.

– Конечно, так и будет, Чарли.

Как всегда в подобных случаях, он выглядел таким удрученным, что сердце ее дрогнуло. Его преданность была такой постоянной, нетребовательной и такой нелепо сентиментальной, что иногда, как сейчас, Кэтрин испытывала настоящую нежность к нему.

– Черт возьми, – продолжал он, – я всегда чувствую себя таким потерянным, когда тебя нет. Если на этот раз ты надолго застрянешь, будь я проклят, если не съезжу за тобой и не заберу обратно.

Протяжный звук сирены и завибрировавший, как живой, корпус парохода ускорили неловкую церемонию расставания. Аптон попрощался с Нэнси и Мэдденом, затем, пожав руку Кэтрин, повернулся и поспешил вниз по трапу. Кэтрин не без боли проводила взглядом его печально удаляющуюся фигуру. Она оставила вдвоем Нэнси и Мэддена, которые, обнявшись, стояли теперь у поручней, наблюдая за постепенным удалением судна от причала, и медленно поднялась на шлюпочную палубу, довольно влажную от мягкого морского тумана.

Здесь было пусто, и Кэтрин принялась расхаживать взад и вперед – ее настроение неожиданно упало, сердце защемило от грусти. Судно с помощью двух буксиров медленно поворачивало к Соленту. Вскоре, однако, еще сильнее завибрировав, оно стало набирать ход. Мимо быстро понеслась коричневатая вода, далеко за кормой к взбаламученному кильватеру пикировали чайки, земля постепенно исчезала вдаль. Это был момент на редкость пронзительный и впечатляющий, и хотя Кэтрин, чтобы не развеивать чары, не стала анализировать свои ощущения, ей чудилось, что она перенеслась в другой мир, чьи очертания были призрачными и печальными. Но наконец в этот отрешенный мир ворвались шаги, вторящие ее собственным. Обернувшись, она обнаружила рядом с собой Мэддена и сразу же в его обществе вместо уныния почувствовала комфорт.

– Меня сюда послала Нэнси, – пояснил он. – Она спустилась в каюту чтобы привести себя в порядок.

Кэтрин дружелюбно кивнула, в молчании идя рядом с ним.

– Может, вам лучше надеть пальто? – спросил он наконец. – Здесь прохладно.

– Нет, мне не холодно, – ответила она.

Снова наступило молчание, к которому он старался приноровиться и которое вдруг и нарушил, будто чем-то озабоченный.

– Этот парень, Аптон, – начал Мэдден, – он хорошей пробы. Выглядит бездельником и сибаритом, но при всем при том с ним все в порядке. – Мэдден сделал многозначительную паузу. – И он по уши влюблен в вас.

Кэтрин, застигнутая врасплох, ничего не ответила, продолжая вышагивать рядом с ним.

– Я кое-что прикидывал в уме, – продолжал Мэдден с задумчивым, даже озадаченным выражением лица. – Это довольно нагло с моей стороны. Мы встретились совсем недавно, но это не мешает мне чувствовать себя с вами так, как будто я знаю вас всю свою жизнь. И я не могу перестать думать...

Он снова замолчал. Украдкой взглянув на его озабоченное лицо, которое притом казалось сосредоточенным и целеустремленным, она слабо улыбнулась и спросила:

– И что?

– И то, Кэтрин. В последнее время я часто виделся с вами, и меня поразило, что вы не получаете от жизни столько, сколько следовало бы. Вы никогда не устанете делать что-то для других. То есть все время вы только отдаете, отдаете и отдаете, но – черт бы все это побрал! – кажется, никогда не получаете. Может, оттого что я так счастлив с Нэнси, я хочу, чтобы вы тоже были счастливы. Ну, не знаю. Но мне кажется, сейчас самое время, чтобы что-то у вас определилось. Все-таки я слишком затянул свою речь. Все, что я хочу сказать, это – почему бы вам не выйти замуж за Аптона и позволить ему заботиться о вас?

Какое-то время она не отвечала. Если бы кто-то другой заговорил с ней на эту тему, она была бы глубоко оскорблена. Но теперь она не оскорбилась. Она была озадачена и польщена. Конечно, с его стороны было довольно нелепо выступать как бы в роли двоюродного дедушки, но ее не могла не тронуть его очевидная забота о ней – или, точнее, привязанность к ней.

– Нет, – ответила она наконец, – я не могу себе представить, как это я позволю бедному Чарли заботиться обо мне.

– А почему нет? Он достаточно богат.

– Разве это имеет значение?

– Думаю, для кого-то – да.

Она покачала головой:

– Только не для меня. Видите ли, я довольно старомодна, неизлечимо романтична и ужасно глупа. Если бы я решила выйти замуж, деньги не имели бы для меня ни малейшего значения. Просто так получилось, что я не люблю Чарли.

Снова наступила пауза. Ее ответ впечатлил его, но, казалось, не очень-то устроил.

– Что ж, – медленно произнес он, все еще невольно хмурясь, – если это так, вам через это не переступить.

– Нет, – спокойно ответила она.

После этого они молча прошли по палубе, слушая шум ветра, бьющегося о палубные надстройки, и всплески волн, ударяющихся далеко внизу о корпус судна. Затем, когда опустились ранние сумерки и, подобно звездам, вспыхнули судовые огни, Кэтрин оставила Мэддена одного и спустилась к себе.

Глава 8

Ужин в тот вечер был непродолжительным и без соблюдения формальностей, поскольку капитан Айрленд так и не появился, и никто из бывалых пассажиров не потрудился переодеться. Но, судя по тому, какие компаньоны собрались за общим столом – Джей Френч, журналист-международник, Эдвард Бретт, архитектор с мировой известностью, и леди Блэндуэлл, которая отправлялась в свой первый лекционный тур по Соединенным Штатам, – рейс обещал быть занятым.

Наступил новый день, и жизнь на борту судна пошла своим чередом, размеренным, но увлекательным. Море, послушное предписанию мистера Пима, было спокойным. Кэтрин вошла в хорошо ей знакомый режим, как будто, кроме морской, никакой другой жизни не знала. Утром – гимнастический зал, за которым следовало погружение в бассейн из ионического мрамора, под благозвучным названием «Олимпийская ванна». Нэнси, склонная к лени, предпочла бы поваляться в постели, но Кэтрин, помешанная на физических упражнениях во время круиза, вытащила ее на занятия с медицинским набивным мячом, разминку на гребном тренажере и на скачку галопом на электрическом коне. После обеда они, завернувшись в пледы, лежали в укромном уголке прогулочной палубы, что-то читая или наблюдая за тем, как медленно отступают океанские валы. Часто, по предложению Кэтрин, обе там же, а не в великолепной пальмовой гостиной, пили чай. Коктейль перед ужином и киносеанс после него завершали немудреный распорядок дня.

Главной целью Кэтрин было сделать поездку незабываемой для Нэнси. Ее собственный первый круиз стал событием, которое навсегда сохранилось в ее памяти, – это была смесь удивления и восторга. И все же, хотя она пыталась вызвать у Нэнси нечто подобное, вскоре Кэтрин стала испытывать смутное чувство разочарования, которое ей не удавалось подавить в себе. Нэнси на первый взгляд была не склонна чем-либо восхищаться, а удивление и вовсе было ей чуждо. А ведь она была слишком молода, чтобы пресытиться. Представлялось каким-то абсурдом, что ей может быть скучно. И все-таки ее отношение к жизни казалось холодноватым и невозмутимым. И впервые Кэтрин осознала, что хотя по возрасту их с Нэнси разделяли какие-то десять лет, но с точки зрения душевного склада и мировоззрения между ними была пропасть чуть ли не в целое поколение.

Огорченная Кэтрин попыталась преодолеть это. Ей казалось, что она, возможно, предлагает Мэддену и Нэнси больше своего общества, чем им хотелось бы. Тем не менее, пусть теперь она и старалась оставлять их одних, на деле же ее вынуждали проводить вечера втроем, что чаще всего превращалось в вечеринки для целой толпы. Еще одним свойством натуры Нэнси была ее потребность окружать себя людьми.

Но возможно, Кэтрин ошибалась в своих догадках. На первый взгляд Нэнси действительно были присущи все черты современной молодежи, но в глубине ее души таилась более серьезная причина этой напряженной отрешенности. Ее провал – именно так она называла случившееся в Манчестере – остался в ней кровоточащей раной, и теперь подсознательно ее мысли были устремлены к будущему чудесному успеху, благодаря которому можно было бы стереть клеймо поражения. Хотя Нэнси ничего об этом не говорила, она постоянно думала о предстоящей премьере в Нью-Йорке, тщательно взвешивая возможности своей роли. У нее также была привычка внезапно исчезать из поля зрения, обычно по вечерам, дабы заняться сценарием. Она вела себя настолько непосредственно, что никто особо не задумывался об этих ее отлучках. И все же для Нэнси они были жизненно важны и насущны.

Случилось так, что вечером в четверг, на четвертый день пути, Нэнси исчезла в каюте около девяти часов вечера, чтобы снова заняться своей ролью, оставив Мэддена сопровождать Кэтрин на киносеанс. Вечер был темный и ветреный. Фильмы, пародийная комедия, за кото-

рой следовало застарелое кинопутешествие, были скучными. Более того, волнение с боковым ветром вызвало неприятную бортовую качку. Из-за этих двух обстоятельств зрителей в зале было немного. Однако Кэтрин никогда еще не испытывала такого удовольствия. Она сидела в полутьме, машинально отмечая яркое мерцание экрана и с радостью чувствуя присутствие Мэддена рядом с собой, а также и напряженное, но волнующее движение судна через играющий своими мускулами океан. Вскоре Мэдден повернулся к ней с той улыбкой, которую она так хорошо знала.

– Кажется, становится все круче, – пробормотал он. – Как вы себя чувствуете?

Она покачала головой, отвечая на его улыбку взглядом, полным насмешливой дерзости:

– Никогда в жизни не чувствовала себя лучше.

– Вы не хотите спуститься к себе?

– Нет, если вы не хотите!

Она весело повернулась к экрану и вдруг замерла от мысли, поразившей ее. Почему ей доставляет удовольствие сидеть на этом второсортном киносеансе при всех неудобствах, вызванных штормовым ветром? Со вспышкой тревоги она поняла: это потому, что здесь Мэдден. Да, чего бы ей хотелось меньше всего – так это отдаться непонятному восторгу, который она испытывала в данный момент. Ее улыбка погасла. Она невольно попыталась обдумать ситуацию. Но на это у нее не было времени. Почти сразу же на нее снизошло полное и пугающее просветление. Он протянул руку, чтобы удержать ее незакрепленный стул, который теперь угрожал присоединиться к остальным, затеявшим дурацкий танец взад и вперед. И в следующее мгновение судно дало очень сильный крен, который бросил Кэтрин к Мэддену. Потеряв равновесие, она оказалась в его объятиях – щека прижата к его щеке, грудь – к его боку. Несколько мгновений он крепко держал ее, чтобы она не упала, в то время как судно зависло под углом. Все закружилось перед ней: пароход, море, сама вселенная. Затем, когда судно выровнялось, он осторожно вернул ее на место.

– Что я за это получу? – вежливо поинтересовался он. – Медаль Альберта за спасение жизни на море?

Она не произнесла бы ни слова и ради спасения собственной жизни. Кэтрин сидела смертельно бледная, ее тело напряглось, парализованное этим ослепительным откровением, которое, как удар молнии, поразило ее, ничего не подозревающую и беззащитную. Она любит Мэддена. Она любит его всей душой. Все было ужасно и ясно как дважды два: ее радость в его обществе, ее желание, чтобы он был счастлив, даже то, как она смотрела на него в ожидании его улыбки, – все было дорогим, понятным и мучительным, как сцена, долго скрывааемая во тьме, а теперь выхваченная из нее вспышкой электрического света, такой ослепительной, что стало больно обожженным глазам, вовсе не готовым к ней. У Кэтрин страшно закружилась голова. Ей вдруг показалось, что она сейчас упадет в обморок. Крепко стиснув руки, она боролась со слабостью. Она не могла пошевелиться, внутренне дрожа, ничего не видящая, потрясенная.

Наконец кинолента закончилась. Зажегся свет, и высидевшие весь сеанс стали перемигиваться, как бы обмениваясь взаимными поздравлениями. Кэтрин, опустив голову, сразу же направилась к палубе. Мэдден последовал за ней. Выйдя наружу, она остановилась. Вокруг почти никого не было. Сама тишина этого места усугубляла ее состояние. Она не могла смотреть на него; ей казалось, что ее душа вся как есть на виду. И самое ужасное, что ей было необходимо все это скрыть – все, что терзало ее.

– Я, пожалуй, спущусь к себе.

Она так и не поняла, как ей удалось произнести эти слова с почти нормальной интонацией.

– А стоит ли? – улыбаясь, ответил он. – Разве Нэнси не умоляла нас оставить ее, чтобы она занималась своей ролью? Давайте еще пройдемся по прогулочной палубе.

Его тон был совершенно естественным, так что она не могла понять, догадался ли он о ее ужасной катастрофе. Она отвела глаза, повторяя:

– Мне надо идти. Уже поздно.

– Еще не так уж поздно, и у нас сегодня почти не было прогулок. И вам ведь нравится на палубе, когда сумасшедший ветер?

Невероятным усилием воли она заставила себя посмотреть на него. Дружелюбное недоумение в его глазах страшно ранило ее.

– И вы идите к себе, – сказала она. – Эти дурацкие фильмы меня утомили.

– Ну, раз так, – улыбнулся он с сомнением, – пожелаю вам спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Наконец-то ее слова прозвучали естественно. Затем, заставив свои одеревеневшие губы изобразить небрежную улыбку, она повернулась и поспешила к лестнице, оставив его на палубе одного.

На палубе «С» она остановилась, прижав руку к горлу, сердце ее глухо колотилось – она почувствовала, что задыхается. В таком состоянии она не могла предстать перед Нэнси – сначала следовало собраться с силами, принять бесповоротное решение. Мысль о Нэнси причинила ей новую муку, производную от той, предыдущей острой боли. Она быстро направилась вперед по проходу и вышла через полубак к передней части судна. В темноте она несколько раз споткнулась о лебедки и палубное оборудование. Ей было все равно. Никакая физическая боль не могла сравниться с душевными терзаниями. Наконец она добралась до носа корабля, и там ее, вцепившуюся в поручни, настиг ветер, объяла безмерная пустая тьма и оглушил грозный рев моря. Раздавленная агонией боли, она наконец дала волю слезам.

Глава 9

К утру ветер стих, небо прояснилось, а море, хотя и беспокойное, поумерило пыл. В десять часов, когда Нэнси присоединилась к Мэддену на прогулочной палубе, Кэтрин с ней не было.

– Привет! – воскликнул он. – А где вторая спутница?

– Спутница еще спит, – весело ответила Нэнси. – Головная боль!

Он посмотрел на нее с некоторым удивлением:

– Я слышал, как она на днях сказала, что у нее никогда не болела голова на борту.

– Возможно, она при этом не постучала по дереву, – сказала Нэнси с легким смешком. – Не делай круглые глаза, дорогой. Зато твоя возлюбленная прекрасно себя чувствует.

Он улыбнулся, глядя на нее:

– Тогда почему ты не пришла на утреннюю гимнастику?

Нэнси скорчила гримасу. Она была в приподнятом настроении и полна задора, чем сильно отличалась от себя вчерашней, когда вечером с серьезным видом просила ее не беспокоить. Все объяснялось ее реактивным темпераментом и прекрасным самочувствием, вызванным свежестью этого утра. Она радостно ответила:

– Не наезжай на меня, дорогой. Пока мы не поженимся. А теперь помолчи и дай мне сигарету.

– Ты не будешь курить мои? – поднял он бровь, глядя на нее. – Я так и думал! Придется найти тебе другие.

Они поднялись на лифте в главный зал, где он заказал большую пачку ее любимых сигарет. Глядя на Нэнси, он подумал, что никогда не видел ее более прекрасной. Стройная, по-мальчишески дерзкая, в пальто из верблюжьей шерсти, плотно облегающем фигуру, она выглядела так, что у него перехватило дыхание. Ее мягкие кудри были зачесаны назад. Губы умело подкрашены.

– Ты действительно любишь меня, Нэнси? – тихо спросил он.

Она отложила в сторону сигарету. Неожиданно на нее нахлынула волна глубокого чувства. Всю ее легкомысленность как ветром сдуло. Она замерла, внезапно осознав, как сильно она привязана к Крису, как много он для нее значит. Строго взглянув на него из-под опущенных ресниц, она просто ответила:

– Всем сердцем.

Последовала пауза. Его лицо просияло. Он быстро схватил ее за руку. На секунду их пальцы переплелись, затем с легким смущенным смешком она отстранилась, пытаясь вернуть самообладание.

– Помни, что мы посредине Атлантики, – беззаботно заявила она и взяла его под руку.

Они постояли минуту, изучая доску объявлений, затем, когда они повернулись, чтобы подняться по лестнице, взгляд Мэддена упал на витрину цветочного магазина и в голову ему пришла внезапная мысль.

– Кстати! – словно спохватился он. – Мы должны послать цветы Кэтрин. Это ее взбодрит.

– Отличная идея, – согласилась Нэнси. – Пошли ей гвоздики. Кэтрин их обожает. И посмотри, дорогой, какая прелесть эти лиловые орхидеи, – разве они не великолепны? Я сама от них без ума.

Он бросил на нее быстрый взгляд, затем рассмеялся и, зайдя в магазин, заказал гвоздики для Кэтрин. Орхидеи Нэнси взяла сама.

На обед Кэтрин не явилась, и прошло часа два, прежде чем они наткнулись на нее в укромном уголке на верхней палубе. Она, казалось, уютно устроилась в шезлонге под пледом

и выглядела совершенно спокойной, рядом с ней стоял поднос с остатками обеда, так что она по крайней мере хоть что-то съела.

– Привет, дорогая, – пропела Нэнси. – Как твоя голова?

– Намного лучше, – невозмутимо улыбнулась им Кэтрин со своего ложа. Она повернулась к Нэнси. – Я думала, вы играете в настольный теннис.

– Да, мы как раз собираемся. Это соперничество – такая скука. Но ты же знаешь, как заводится Крис.

– Мы тут беспокоились о вас, Кэтрин, – поколебавшись, включился в разговор Мэдден. – С вами действительно все в порядке?

– Абсолютно. Но в последнее время я слишком переупражнялась. Я сбавлю обороты до конца пути.

Как бы все еще неудовлетворенный ее ответом, он сказал:

– Так странно было не видеть вас сегодня за столом. А утром – в спортзале... Мне вас очень не хватало.

– Я сожалею об этом.

Он вперил в нее взгляд, как будто испытывал неловкое замешательство из-за того, что она так спокойна и безучастна. Нэнси, тихонько напевая, направилась в сторону теннисных столов, а он остался, словно не желая покидать это место.

– Вам передали наши гвоздики?

– Ну да, Крис. – Она помолчала. – Но не могли бы вы больше этого не делать, пожалуйста? Правда, лучше не надо.

Это, похоже, еще больше его озадачило. Еще немного поколебавшись, он спросил, как будто его осенила внезапная догадка:

– Я, случайно, не допустил ничего такого, что могло бы вас рассердить?

Она мельком глянула на него.

– Не кажется ли вам, что сегодня мы придаем слишком большое значение пустякам? – с любезностью в голосе пробормотала она. – Разумеется, вы не допустили ничего такого, что могло бы меня рассердить. Я просто чувствую, что хотела бы побыть одна.

Он покраснел. На секунду в его глазах отразилась боль. Затем он справился с собой.

– Простите, Кэтрин, – тихо сказал он. – Я совсем забыл, что у вас болит голова. И прошу прощения за свою навязчивость.

Он повернулся и пошел вслед за Нэнси.

Кэтрин откинулась на спинку шезлонга, положив книгу на колени, как будто просто созерцая море и небо. Кто бы знал, какую боль она перенесла, какой тяжкий и невыносимый груз лежал у нее на сердце. Как если бы она умышленно, повинувшись внутреннему импульсу, вонзила нож себе в грудь. Ей было холодно. Все, что у нее оставалось, – это крошечный свечной огонек утешения, что в течение долгих часов бессонной ночи она все же пришла к правильному решению. Любой ценой она будет отстаивать свою личную целостность. И она скорее умрет, чем бросит тень на счастье Нэнси.

Следующие два дня пролетели незаметно, будто подстегнутые быстрым приближением судна к Нью-Йорку. Рейс был особенно благоприятным, и к утру пятницы все рассчитывали увидеть плавучий маяк «Нантакет»¹⁶. В предвестии конца путешествия ожило и пассажирское общество, от которого Кэтрин держалась на дружелюбном расстоянии, что было оправдано объявленной ею потребностью в отдыхе. На некоторых вечеринках ей все же приходилось присутствовать, но в целом удавалось самоустраняться. Не раз она ловила на себе скрытый, озада-

¹⁶ Плавучие маяки серии «Нантакет» служили для трансатлантических судов своеобразным знаком – это был последний символ Америки при отплытии в Европу, и первый – при возвращении в США.

ченный взгляд Мэддена, но до вечера танцев после торжественного ужина она была избавлена от необходимости оставаться с ним наедине.

Эти танцы, как неизбежное событие с шампанским, серпантином, бумажными шляпами и всеми шумными эффектами карнавала, представлялись Кэтрин величайшим испытанием на прочность, проверкой, которой она никак не могла избежать. Поначалу все было довольно просто, потому что во время ужина она разговаривала главным образом с капитаном и леди Блэндуэлл, изображая крайний интерес к банальностям на морскую тему одного и эгоистичной болтовне другой. Но когда заиграл оркестр, а зал с колоннами залили разноцветные огни и начались танцы, ее нервное напряжение достигло предела. Единственное, на что она была способна при виде такого веселья, – это сидеть и улыбаться с безмятежным видом. Она ужасно боялась каким-то образом выдать себя, из-за чего утратила самообладание, что и привело к ошибке.

Старый капитан пригласил ее на танец, и, неосмотрительно решив, что это лучше, чем сидеть как истукан, она согласилась. Легким шагом капитан любезно поводил Кэтрин по площадке и отвел ее обратно. В этот момент она почувствовала на себе взгляд Мэддена. До этого он танцевал с Нэнси, но теперь встал и пригласил ее на следующий танец.

В течение секунды, показавшейся Кэтрин вечностью, она не могла оторвать глаз от стола, тогда как ее сердце учащенно стучало.

– Я не очень-то умею, – сказала она наконец.

– О, это не так, – ответил он. – Я только что видел, как вы танцуете.

Нэнси перегнулась через стол, зажав сигарету в пальцах с ярко-алыми маникюренными ногтями. На ней было черное платье, подчеркивавшее светлый блеск ее волос и серебристый цвет туфель на высоких каблуках. Она выглядела более совершенной, чем когда-либо, и удивительно молодой.

– Давай, Кэтрин. Потерпи его ради меня, – самодовольно улыбнулась она.

Спасения не было. Кэтрин встала и вместе с Мэдденом вышла на танцевальную площадку. Он обнял ее левой рукой за талию и повел в танце. Он держал ее легко и, хотя у него явно не было большого опыта, не сбивался с музыкального ритма.

– Почему вы не хотели танцевать со мной? – спросил он наконец.

Его тихий голос прозвучал очень естественно.

Теперь, когда все пути отступления были отрезаны и она находилась в его руках, странная вибрация этого голоса волнами отдалась у нее в ушах. Она прикусила губу, призывая на помощь все свое мужество, и выдавила бледную улыбку.

– Я слишком стара для такого рода занятий.

– Что за чепуха! – заявил он со своей спокойной улыбкой. – Я бы сказал, что вы слишком молоды.

– Ну, скажем так, мысли заняты другими вещами. Завтрашним прибытием, моими делами и планами на будущее.

На несколько мгновений повисло молчание. Музыка продолжалась в медленном, настойчивом ритме. Кэтрин почувствовала его взгляд на своем лице.

– А мои планы, похоже, вас не очень-то интересуют, – сказал он наконец.

– Интересуют, конечно. – Она постаралась придать своему тону нужный в данный момент оттенок некоторой формальности. – Вы задержитесь в Нью-Йорке?

– Да, я рассчитывал провести там несколько дней с вами и Нэнси, показать вам кое-что из окрестностей. Потом я надеялся, что вы обе съездите в Вермонт повидаться с моей матерью и некоторыми из наших родственников. Там, в Грейсвилле.

Лицо Кэтрин стало озабоченным.

– Не знаю, получится ли у меня.

– Вашу матушку я навещал, – живо напомнил он ей со странной улыбкой.

Они снова помолчали. Она остро ощущала щекотливость своего положения.

– Ну что ж, – сказала она неловко. – Я постараюсь приехать.

– Вот и славно, – быстро ответил он. – Мне бы хотелось, чтобы вы увидели наш сельский Вермонт. Как мне там нравилось, когда я еще ребенком ездил туда на каникулы! Честно сказать, мне и сейчас там нравится!

Он снова сделал паузу, затем, не меняя тона, тихо продолжил:

– Кстати, Кэтрин, что произошло между нами? Раньше все было так здорово, а теперь что-то не очень. Вы от меня отгораживаетесь. Другие этого не чувствуют, но я чувствую. Я же вот что хочу сказать – вы удивительная, Кэтрин. Я очень ценю нашу дружбу, не только потому, что женюсь на Нэнси, но и ради себя самого. Разве нельзя снова наладить наши отношения?

Несмотря на все ее мужество, Кэтрин охватила паника. Ради Нэнси она намеревалась любой ценой держаться подальше от Мэддена. Но теперь вдруг осознала, что перемена в ее поведении слишком очевидна и неразумна. Она была в замешательстве, не понимая, какую линию поведения выбрать.

– Вы глубоко ошибаетесь, – с запинкой ответила она. – Смею сказать, что в последнее время я была довольно нервной, но это потому, что неважно себя чувствовала. У меня и в мыслях не было прекращать нашу дружбу.

– Вы хотите сказать, что ничего не заметили?

Она покачала головой.

– Понятно, – произнес он и замолчал. Затем чуть ли не с удивленной улыбкой добавил: – Что ж, в таком случае ничего и делать не надо.

Музыка смолкла, и они вернулись к своему столику. Кто-то снова наполнил бокал Кэтрин. Она быстро выпила. Колющие пузырьки шампанского вернули ей силы. Когда она подняла глаза, Мэдден опять танцевал с Нэнси, а к ней подошел доктор и заявил, что теперь его очередь. После этого она танцевала с мистером Пимом, который никогда не упускал случая уделить ей внимание, и еще раз с капитаном. Затем, когда из-за некоторых столов люди стали уходить, она извинилась и тоже пошла в свою каюту.

Читать она не могла, и такой же нереальной представлялась возможность уснуть. Она лежала, борясь с торопливой чередой мыслей, которые безжалостно атаковали ее, заставляя судорожно ворочаться с боку на бок. Однако ближе к утру она погрузилась в глубокий сон; и когда стюардесса разбудила ее, «Пиндарик» тихо двигался по гавани, а на горизонте за портовыми строениями медленно проплывала панорама Нью-Йорка. Этот вид, сулящий скорое завершение путешествия, высадку на твердую землю и надежду положить конец испытаниям, вернул Кэтрин толику уверенности в себе. Она быстро оделась и вышла на палубу. Самое главное – она была полна решимости ничем себя не выдавать, ничего не уступать и довести до конца то, ради чего она сюда приехала.

Кэтрин нашла Мэддена и Нэнси на верхней палубе, в передней ее части. Оба были поглощены созерцанием встающих перед ними изысканно-четких очертаний города, который, казалось, поднимался и поднимался, заполняя небеса уступами ярусов, как современный Акрополь. Собственное спокойствие придало Кэтрин новые силы и самообладание.

– Красиво, не правда ли? – заметила она, кивнув Мэддену. – Я рада, что вы показали Нэнси все это.

– Да, довольно приятный город, – сказала Нэнси. На ее маленьком личике застыло выражение необычной сосредоточенности. – Волнующий момент – впервые оказаться в Америке.

– Как Колумб, – машинально отметила Кэтрин.

– Точно, – согласилась Нэнси, слегка прищурившись. – Только на сей раз это Америка будет меня открывать.

Тут подошел мистер Пим, обходительный и более всеведущий, чем когда-либо. Обратившись к Кэтрин, он пробормотал так, чтобы больше никто не слышал:

– Репортеры на борту, мисс Лоример. Я подумал, что вы могли бы уделить им минутку, как обычно.

Кэтрин поняла дружеский намек главного администратора, его желание придать ее прибытию с «Гольбейном» коммерческую важность. Никто лучше тихого мистера Пима не разбирался в продаже новостей. Обернувшись, она увидела, как к ней приближается группа репортеров. В основном это были молодые люди, утонченные и деловые, в пальто с поднятыми воротниками и в надвинутых на лоб шляпах.

– Доброе утро, мисс Лоример, – заметил первый, дотрагиваясь до полей шляпы.

Кэтрин узнала в нем Келли из ведущей вечерней газеты.

– Рад видеть вас снова, – сказал он. – Что новенького? Слышал, у вас есть для нас отличная история о маленькой антикварной вещице, которую вы привезли.

Кэтрин кивнула, готовая как можно лучше разрекламировать свою миниатюру. Но в тот же момент она заметила, что Нэнси смотрит на эту группу с нетерпимой ревностью. Внезапный прилив чувств смыл все ее мысли о себе. Повинуясь какому-то импульсу, она сказала:

– Я привезла кое-что поинтереснее, чем антиквариат. Та портретная миниатюра не так уж важна. Во всяком случае, она может подождать. Но я хотела бы познакомить вас с моей племянницей Нэнси Шервуд. Она приехала, чтобы сыграть в новой постановке Бертрама. Если вам нужен предварительный материал и фотографии, сейчас у вас есть шанс получить все это, потому что – запомните мои слова – Нэнси станет звездой спектакля.

Мгновенно девять пар глаз переключились с Кэтрин на Нэнси, и соответственно отвесили ей поклон девять полей шляп. Последовала пауза.

– Что ж, мисс Лоример, – убежденно сказал мистер Келли. – Предчувствие мне говорит, что вы правы. Ну как, ребята?

Пока Кэтрин стояла в сторонке, засверкали вспышки камер, и на Нэнси посыпались вопросы. Она восприняла это испытание как должно – ослепительно улыбалась и была очаровательной и дерзкой.

– Спасибо, Кэтрин, – выдохнула она, когда все закончилось, – я лишь мечтала так начать.

Подошел Мэдден, до того наблюдавший за тем, что происходило внизу, на причале. Впервые в это утро он обратился к Кэтрин:

– Нэнси обещала быть со мной на обеде в «Уолдорфе». – А вы... разве вас с нами не будет?

Кэтрин изобразила сожаление.

– Дела, – сказала она со слабой безличной улыбкой. – Никуда от них не деться.

– Но вы не забудете про Вермонт?

– Нет, – заставила она себя сказать, – не забуду.

Они вместе покинули палубу, и вскоре Кэтрин, попрощавшись со всеми своими друзьями на борту, быстро прошла таможеню. Здесь, случайно или намеренно, она потеряла из виду Мэддена и Нэнси, поэтому на Уэст-стрит поймала такси и одна поехала в свой отель.

Глава 10

Кэтрин решила немедленно приступить к работе, как будто это было противоядием от той тягостной боли, которая, казалось, отныне навсегда поселилась в ее душе. Едва добравшись до Тауэр-Карлтона, где у нее всегда были апартаменты, она позвонила Бреге, своему американскому администратору. Бреге, который не встретил ее на причале только потому, что она этого не желала, ждал ее звонка и заявил, что немедленно приедет. Прежде чем он ворвался, в истинно галльском приветствии простирая к ней руки и трясая маленькой бородкой, Кэтрин все же успела осмотреться в своем номере, выдержанном в зеленовато-золотистых тонах, который так часто давал ей приют, снова бросила взгляд со своего тридцатого этажа на захватывающий вид Пятой авеню, похожей на Большой каньон, и приняла мистера Ленца, администратора отеля, который выразил искреннюю радость по поводу ее возвращения, а также преподнес ей фрукты, цветы и информацию о том, что для мисс Шервуд будет подготовлена дополнительная спальня.

Жорж Бреге был парижанином, специалистом по старинной бижутерии и часам восемнадцатого века, он приехал в Нью-Йорк, чтобы разбогатеть, по глупости потерпел фиаско и был спасен Кэтрин от голодной смерти.

Поцеловав ей руку, осыпав ее множеством комплиментов и, наконец, усевшись на диван, он прижал к губам набалдашник своей знаменитой трости, как бы приказав себе, самонадеянному болтуну, заткнуться, и стал ждать ее вопросов и распоряжений.

– Ну что, Бреге, – сказала она, откидываясь на спинку стула и внимательно глядя на него, – я привезла миниатюру.

– Это хорошо, мисс Лоример.

– Надеюсь! Скажите мне вот что: вы подготовили Брандта? В точности как я вам написала?

– Все устроено. – Бреге с простодушным удовлетворением выдал раскатистое «р». – Брандт должен быть в Нью-Йорке через десять дней. В среду, седьмого, в три часа дня, он приедет к нам, чтобы изучить миниатюру. И купить ее, мисс Лоример. Вот увидите. Именно так. Наверняка.

Кэтрин поджала губы:

– Надеюсь, что вы правы, Бреге. Во всяком случае, вы хорошо поработали. А пока мы выставим миниатюру в витрине, в эксклюзивной раме, с подкладкой из красного бархата, на обозрение всего Нью-Йорка. Пусть антиквары тоже это увидят: Эшер и все прочие. Будет много разговоров, и это пойдет нам на пользу. Я не хочу, чтобы наш друг Брандт считал, будто миниатюра готова упасть к нему в руки по его цене. Цена должна быть наша. Вы понимаете, Бреге?

– Ну да, мисс Лоример. Правда, сейчас все немного труднее.

– Труднее? И потому мы должны уступить? Послушайте, старый друг, вам надо понять вот что. Если мы не продадим эту миниатюру примерно за сто тысяч долларов, каждому из нас придется поискать себе хорошую новую работу.

Бреге пожал своими острыми плечами – в этом жесте угадывалось и сочувствие, и что-то похожее на извинение, но в целом он внушал оптимизм.

– Мы ее продадим, мисс Лоример. И снова двинемся вперед. Говорю же, бизнес вот-вот начнет подниматься. Если только мы продержимся еще несколько недель, то будем в шелках и бархате.

Кэтрин кивнула, ее взгляд внезапно стал отстраненным и непроницаемым.

– Да, – ответила она, – только несколько ближайших недель, а потом все у нас будет в порядке.

С трудом взяв себя в руки, она встала и надела шляпу.

– Пойдем выставлять Гольбейна. Кстати, не хотите ли взглянуть на портрет?

Бреге благоговейно взял миниатюру и впери в нее восхищенный взгляд.

– Прекрасная, прекрасная, – наконец пробормотал он.

Кэтрин стояла рядом и со смутным чувством печали смотрела на миниатюру совсем другими глазами. Портрет теперь ожил для нее, странным образом наполнившись чем-то злободневным. В этих чертах, имеющих некоторое сходство с ее собственными, таилось предчувствие такой же печали. Возможно, здесь была изображена полная одиночества и горечи судьба, которая ждала и ее, Кэтрин. Она почувствовала, как невольно покидает свое тело, как будто ее дух, трепещущий на грани тьмы и света, слился с духом Люси де Керси. Это было странное чувство, ощущение растворения в пространстве и времени, слабое эхо прошлого, слышимое среди грохота великого города только в потаенных уголках ее сердца.

Бреге снова заговорил:

– И к тому же очень странно, мисс Лоример, – она так на вас похожа.

Кэтрин отмахнулась, скрыв этим жестом удар, нанесенный ей словами Бреге.

– Следующий, кто скажет это, получит от меня кирпичом по голове, – отрезала она, развернулась и поспешно направилась к двери.

Они вместе пошли по авеню к офису, маленькой лавчонке, зажатой между шикарным портновским ателье и модным цветочным магазином. Было уже больше часа, по пути Кэтрин пригласила пожилого коллегу на обед, и, поскольку они не питали никаких иллюзий относительно своей экономической ситуации, они зашли в дешевый «Чайлдс», где каждый заказал себе по клубному сэндвичу с маринованными огурцами в укропе, а затем по чашке кофе и белому бисквиту.

Страхнув с себя дурное настроение, Кэтрин с удовольствием отведала пикантную, типично американскую еду. Толпы деловых девушек вокруг нее, спешащих поесть в обеденный перерыв, пробудили в ней воспоминания о собственной карьере. Оказавшись в офисе, она также испытала подъем положительных эмоций, когда поместила миниатюру в бронзовую рамку на фоне генуэзского бархата винного цвета, подумав, насколько точно она воплощает этим свой нынешний бескомпромиссный замысел.

Когда ради миниатюры к ним заглянул Эшер, Кэтрин с удовольствием отметила, что он впечатлен ее приобретением. А это был самый искушенный из нью-йоркских антикваров. Но позже, когда она уже одна возвращалась в отель, ее настроение упало и на нее навалилась физическая усталость.

Вернувшись в свой номер, она обнаружила там приехавшую Нэнси. Разбросав свои вещи по спальне – это у Нэнси называлось распаковкой чемодана, – сама она теперь растянулась на диване, включив настольную лампу. Рядом с ней стоял чайный поднос. Это зрелище, исполненное трогательного гедонизма, отчасти улучшило настроение Кэтрин. Она сбросила туфли и надела тапочки. Еще минута – и, сменив свой костюм на старый мягкий домашний халат сизово-серого цвета, она села рядом с Нэнси и налила себе чаю. Кэтрин заметила, чуть покривившись, что Нэнси презрительно отвергла стандартный хлопчатобумажный мешочек с чаем, обычно предлагаемый отелем, в пользу личной чайной смеси, которую Кэтрин специально привезла из Лондона.

– Хорошо провела время? – приветливо спросила она.

– Чудесно, дорогая. – Нэнси оторвалась от изучения пьесы и устремила свои большие, сияющие глаза на Кэтрин. – Самый удачный обед, с самыми вкусными устрицами – кажется, с американскими, Крис сказал, – и с божественным блюдом под названием «сквоб»¹⁷. Потом я повела Крису в театр. Все были милыми. «Империал» прибудет в следующий четверг вместе

¹⁷ *Сквоб* – молодой, еще не начавший летать голубь или мясо такого голубя.

с Бертрамом, Паулой Brent и остальными. Тогда мы начнем репетиции. Я люблю Нью-Йорк, Кэтрин, и готова поспорить на новую шляпку, что и он меня полюбит.

Нэнси взяла последний ромбик миндального печенья и с самодовольным видом откусила кусочек.

– Думаю, ты еще не видела газет, дорогая? Они там, на полу, рядом с тобой. В целом довольно забавно. По полколонки в большинстве газет и четыре действительно замечательные фотографии.

Кэтрин взяла газеты и внимательно прочитала сводки новостей.

– Да, великолепно, – заметила она. – Ты нанесла Америке довольно сильный удар!

Нэнси улыбнулась и потянулась, как довольный котенок.

– Все так чудесно ко мне относятся, Кэтрин. Крис был таким милым весь день. Я ужасно в него влюблена, правда. Ты знаешь, он хочет, чтобы я вышла за него замуж сразу же после премьеры. И я думаю, что, скорее всего, так и надо сделать. Было бы тоже довольно забавно, если бы я стала звездой в первый же вечер – и могу сказать тебе, дорогая, я чувствую, что добьюсь успеха! – и после этого в самом романтическом стиле вышла бы замуж.

Она помолчала.

– Тебе ведь нравится Крис, дорогая?

– Ты же знаешь, что да.

– И ты ему нравишься, – продолжала Нэнси. – Ты ему очень нравишься. Он говорил о тебе сегодня за обедом. Он хочет, чтобы ты поужинала с нами завтра или послезавтра в его номере в «Уолдорфе».

Кэтрин удивленно посмотрела на Нэнси:

– Ты имеешь в виду, что он остановился в «Уолдорфе»?

– Да, дорогая. Почему бы и нет? О, я знаю, что Крис любит тихие местечки, – она улыбнулась, – но я предпочитаю яркие огни. И я убедила его.

– Но там ужасно дорого. Послушай, Нэнси, – сказала Кэтрин с внезапной решимостью, – ты уверена, что Крис может позволить себе всю эту суету, цветы, подарки, дорогие отели? А если не может, нехорошо требовать этого от него.

– Он не жаловался, – холодно ответила Нэнси.

– Ты думаешь, он стал бы жаловаться? Он не из таких. Мне неприятно это говорить, Нэнси, но нам действительно следует быть честными в таких вопросах!

Нэнси улыбнулась своей простодушной улыбкой:

– Не волнуйся, дорогая. С Крисом все в порядке. Он, как говорят, большая шишка в Кливленде. Маленькая птичка принесла это Нэнси на хвосте. И не смотри так сердито. Я не собираюсь спорить на эту тему. Я уже вдоволь напорилась сегодня из-за этой поездки в Вермонт.

Наступила тишина. Нэнси явно пребывала в своем самом легкомысленном настроении, которое Кэтрин всегда считала самым проблематичным.

В конце концов Кэтрин спросила:

– Ты имеешь в виду, что Крис хочет, чтобы ты поехала встретиться с его матерью?

– Да, – покорно кивнув, сказала Нэнси. – И со всеми дядями, и с сорока двоюродными братьями. И полагаю, с хором деревенских жителей. Он попросил поехать в четверг. На два дня или даже на три. Как раз когда я буду настраиваться на репетицию. Как это можно себе представить? К тому же в разгар зимы бросать Нью-Йорк ради какой-то Богом забытой провинции...

– Некоторым людям нравится провинция.

– Вот пусть там и живут.

– Ты должна поехать, – с серьезным видом сказала Кэтрин. – Ты действительно должна.

– Тогда тебе придется поехать со мной, – надулась Нэнси.

Кэтрин, крайне озадаченная, нахмурилась. Она поняла, что ей тоже придется поехать, иначе Нэнси вообще откажется покидать Нью-Йорк.

– В четверг я не могу, – в раздумье произнесла она. – Но если хочешь, я последую за вами на следующий день.

– Хорошо, – ответила Нэнси с улыбкой. – Это годится. А теперь давай прекратим эти разговоры. Включи радио, лучше послушаем какую-нибудь заводную музыку.

Глава 11

В пятницу утром Кэтрин села в экспресс до Вермонта, на пути в Грейсвилл. Она была одна, так как Мэдден и Нэнси уехали накануне, и, утонув в мягкой обивке теплого пульмановского вагона, она протерла запотевшее окно пальцами в перчатке и стала созерцать заснеженный пейзаж, который молча пронесся мимо нее. Снаружи было очень холодно. Поезд мчался по замерзшей сельской местности, дальше и дальше, быстрее и громче, пожирая расстояния, которые все не кончались.

День тянулся своим чередом. Ближе к вечеру Кэтрин пришлось пересест на местный поезд. И снова вперед, в красную дымку заката, который одарил унылую землю ярким небесным сиянием. Полчаса спустя по проходу прошел кондуктор.

– Грейсвилл через пять минут, мэм, – вежливо пробормотал он.

На Кэтрин нахлынули эмоции – тут было и ощущение приближающейся цели, и предвкушение каких-то встреч, и любопытство, и даже легкий страх. Вскоре послышались шипение пара и резкий скрежет тормозов, затем поезд с грохотом остановился, и она оказалась на маленькой голой платформе, в единственном числе, вместе со своим чемоданом, в нервном ожидании обшаривая глазами пустынную станцию, под резким ветром, обдувающим ее щеки.

Тотчас же какой-то мужчина возник из темноты станционного навеса и подошел к ней. Пожилой, кряжистый и кривоногий, в короткой кожаной куртке и шоферской фуражке с козырьком, под которым на обветренном лице играла приветливая улыбка.

– Вы будете мисс Лоример, – объявил он, ослабившись. – Я Хикки. – Он подхватил ее чемодан. – Пойдемте. Я припарковал машину за станцией.

Миновав платформу, Кэтрин последовала за этим мужичком к машине, высокому зеленому «купе», по крайней мере десятилетней давности, но в прекрасном состоянии и безупречно чистому, так что кузов был как глянec, а металлические детали просто сияли. Даже шины были покрыты безукоризненным слоем белой глины. Хикки явно гордился своей машиной, когда, усадив Кэтрин, привел в действие старые поршни мотора и степенно покатил по Мейн-стрит. Вокруг было довольно пустынно, но редким прохожим Хикки махал рукой в добродушном и абсолютно всеобъемлющем приветствии.

– Народу здесь немного, – по-свойски сообщил он Кэтрин. – В основном катаются на коньках. Сезон только начался, и все очень на это дело настроены. Мистер Крис просил передать вам, что, если бы не лед, они бы лично встретили вас на станции.

– Тут хорошо кататься? – слегка улыбнувшись в ответ, спросила Кэтрин.

– Конечно. – Хикки дружелюбно оскалил меченные табаком зубы. – Как может быть иначе, если тут тридцать миль замерзшего озера.

Как бы в подтверждение сказанного, он тут же остановился и энергичными жестами стал зазывать в машину шедшую впереди парочку с коньками, которая приветствовала его и со смехом забралась на рокотнувшее под ними сиденье. Это были сестра и брат, двоюродные кузены Мэдденов, как пояснил Хикки, когда они снова тронулись в путь. Казалось, что неумная болтливость этого пожилого дядьки не знает границ. Пока он молот языком на правах старого слуги, притом являясь местной достопримечательностью, о чем прекрасно знал, Кэтрин, слушая его с интересом, тем не менее успевала изучать законные виды местной зимы. Город остался позади, а дорога спустилась к озеру, этому прекрасному пространству скованной льдом воды, и потянулась вдоль берега, окаймленного ивняком и можжевельником. Вдали в сгущающихся сумерках высилась гряда холмов, с озера доносился звон коньков, а с востока уже выплывал бледный диск луны.

Странное очарование этим моментом и этой картиной вошло в Кэтрин и таинственно запело в ее крови. Она молчала, пока, пошучивая и похохатывая, а также напоминая, что к

ужину лучше не опаздывать, старина Хикки высадил своих дополнительных пассажиров на маленьком причале возле частного лодочного сарая, а затем повернул «купе» к белому дому, стоявшему в конце подъездной аллеи среди сада кривоватых яблонь. Место было простое и непритязательное – старый бревенчатый дом в колониальном стиле с простым георгианским фасадом. Мгновение спустя машина с хрустом остановилась, и дверца распахнулась. Затем Кэтрин оказалась в холле и пожала руку самой миссис Мэдден.

Она сразу поняла, что перед ней мать Криса, настолько эта высокая и худощавая женщина была на него похожа. Ее лицо было полно такого же спокойствия, что и у Мэддена. Она излучала тишину и некую сдержанность, как будто строгая жизнь воспитала в ней терпение, силу духа и мягкость. Ее глаза, отличавшиеся удивительной глубиной, тепло и гостеприимно смотрели на Кэтрин.

– Вы, должно быть, замерзли, – сказала она, когда они обменялись обычными приветствиями. – Надо вам оттаять в своей комнате.

Она повернулась и повела Кэтрин наверх, в первую у лестницы спальню, где в открытой голландской печи пылал и потрескивал огонь, отбрасывая веселые отблески на кровать с балдахином, тонкие кружевные занавески, тяжелый рыжевато-коричневый комод и массивные стулья.

– Надеюсь, вам здесь будет удобно, – сказала миссис Мэдден, внезапно смутившись, что тронуло Кэтрин до глубины души. – Тут все очень просто. Но мы простые люди.

– Тут очень-очень мило, – порывисто ответила Кэтрин.

Миссис Мэдден улыбнулась медленной сдержанной улыбкой, которая придала некое сияние ее строгим чертам. Казалось, она искала слова, чтобы выразить свое удовлетворение, но было ясно, что слова даются ей нелегко. Она на мгновение задержалась в дверях, дабы убедиться, что у Кэтрин все под рукой, затем, напомнив, что скоро подадут ужин, тихо удалилась.

Через полчаса Кэтрин спустилась в гостиную, длинную, ярко освещенную комнату с выходом в холл, которая теперь совершенно неожиданно была полна народу. Вернулась группа катающихся на коньках в сопровождении изрядного количества их друзей и деревенских жителей. Это явно говорило о том, что для гостей в Доме-у-озера двери нараспашку.

Мэдден и Нэнси стояли у камина вместе со смеющейся парой, недавно ехавшей на роко-чущем сиденье, которую теперь представили как Люка и Бетти Лу. Рядом с ними, выпрямившись в кресле-качалке, сидел морщинистый старик с насмешливой улыбкой – дядя Бен Эммет, брат миссис Мэдден. Напротив расположились школьный учитель и его сестра. Затем появился док Эдвардс, приземистый, в плотной, выдавшей виды тужурке, а за ним дедушка Уолтерс, толстый, лысый, подмигивающий пронизательными глазами. Далее – Сэмми Эммет, внук Бена, с веснушками на носу и, как у Люка, значком студенческого братства на жилете. И еще с десяток других молодых людей и женщин в пестрых свитерах, они, смеясь, о чем-то болтали в дальнем в углу комнаты – глаза сверкают, щеки покраснелись от ветра.

Кэтрин потребовалось некоторое время, чтобы познакомиться с этой многочисленной компанией, но благодаря участию миссис Мэдден, которая отнеслась к данной задаче со всей серьезностью, она наконец была должным образом представлена всем. В этой разношерстной публике, состоящей из обычных, а в некоторых случаях бедных на вид людей, явно знакомых с тяжелым трудом ради хлеба насущного, не было ничего примечательного. И все же каждого отличало открытое и непосредственное дружелюбие, что стоило гораздо больше, чем самые изысканные манеры. Кэтрин сразу же почувствовала себя как дома.

Ей не удалось толком поговорить ни с Нэнси, ни с Крисом, поскольку миссис Мэдден взяла ее под руку, и вся компания сразу отправилась ужинать.

У Кэтрин разыгрался аппетит, причиной чему были свежий воздух и долгое путешествие. Вокруг было слишком много людей, чтобы реагировать на каждого. Мэдден, в темно-сером джемпере, сидевший в торце стола, размеренно управлялся с мясом, отрезая его по кусочку.

У Нэнси, занимавшей место где-то посередине, был отсутствующий вид – вилка в одной руке, сигарета в другой. Она курила во время еды, почти не слушая Сэмми Эммета справа от нее. Кэтрин инстинктивно нахмурилась в недоумении. Однако ее ближайшие соседи, Уолтерс и малорослый доктор Эдвардс, отвлекли ее.

– Попробуйте этого вина из бузины, мисс Лоример, – наклонился к ней доктор Эдвардс. – Это все домашнее, приготовленное Сьюзен Мэдден. Гарантирую, что оно защитит вас от простуды.

Кэтрин попробовала хорошо приправленное специями вино и согласилась, что оно превосходно.

– Вам следует брать его с собой на вызовы, – улыбнулась она собеседнику. – Должно быть, нелегко ездить по округе в такую суровую зиму.

Эдвардс выкатил на нее глаза, а затем залился добродушным беззвучным смехом.

– Вы не за того меня приняли, – пояснил он наконец. – Это просто люди зовут меня док. Я не совсем врач. У меня лишь жалкая аптека на углу Мейн-стрит, рядом с баптистской церковью.

Кэтрин опустила взгляд, смущенная тем, что неправильно оценила социальный статус своего соседа. Но он, совершенно невозмутимый, продолжал в том же скромном, дружелюбном духе:

– Мы в этих краях никого из себя не корчим, мэм. Хотя Крис Мэдден так здорово поднялся, он не забыл, что Джо Эдвардс брал его на рыбалку, когда мальчишке было не больше семи лет.

– Вы? – с живым интересом спросила Кэтрин.

– Конечно, а кто ж еще! Когда Крис приезжал к своему дяде Бену на летние каникулы. И я думаю, что в те дни Сьюзен было непросто купить для него билет на поезд. Но какое это имеет значение? Мы отправлялись на озеро порыбачить, и – черт возьми! – видели бы вы лицо этого парнишки, когда он вытащил своего первого большого окуня.

Кэтрин тут же представила себе эту картину: выгоревшая на солнце лодка, замершая на покрытом рябью озере, изогнутая удочка из гикори¹⁸, серебристая рыбина, плюхающаяся на днище, и детское лицо Криса, раскрасневшееся, дико возбужденное и в то же время необычно сосредоточенное. Она молчала. Она живо увидела узы, которые связывали Мэддена с родными местами его матери. Она поняла, почему его тут знали, уважали, любили. Теперь, повзрослев и добившись успеха, он все еще оставался в Грейсвилле сыном Сьюзен Эммет.

По окончании ужина все вернулись в гостиную. За одним столом устроилась степенная четверка игроков в бридж, а за другим – любители диковатой настольной игры под названием «Энимал крекерс»¹⁹. Молодой Сэмми Эммет пригласил Кэтрин жарить каштаны на решетке.

Она сидела на коврике у камина, обаятая атмосферой праздника. За столом с «Энимал крекерс», где Мэдден был центром игры, участники разошлись не на шутку. Раз или два ей послышались в голосе Криса нотки притворства, будто на самом деле ему было совсем не так весело, как остальным. Впрочем, это могло ей просто показаться, а от тепла камина ее тянуло в сон и по телу растекалась восхитительная усталость. Полчаса спустя Кэтрин тихо пожелала спокойной ночи миссис Мэдден и ускользнула в свою комнату.

Она недолго пробыла одна – к ней явилась Нэнси, с неизменной сигаретой в губах.

– Рада была сбежать? – небрежно бросила она.

– Сбежать от чего? – удивленно спросила Кэтрин.

Нэнси не ответила, только нервно пожала плечами.

– Нэнси! Тебе здесь не нравится? – в упор спросила Кэтрин.

¹⁸ Гикори – дерево семейства ореховых.

¹⁹ Буквально – «крекеры в виде животных» (англ.). Суть игры: загнать животных с арены цирка в клетки.

Нэнси слегка приподняла брови:

– Здесь очень мило, дорогая. Возможно, немного комично.

– Комично? – эхом отозвалась Кэтрин.

Нэнси кивнула. Она видела, что Кэтрин не уловила ее настроения, и это внезапно ожесточило ее.

– Слишком много салфеточек везде, дорогая, – протянула она. – И бедных родственников, усердно жрущих и гогочущих по любому поводу. И хихикающих деревенских девиц, и поучений над кроватями – вроде тех, что тут у тебя.

Кэтрин проследила за взглядом Нэнси – в рамке на стене висела рукодельная вышивка.

– Это не поучение, – коротко сказала она. – Это образец вышивки, и очень красивый.

– Ну, в любом случае, – сказала Нэнси, внезапно разнервничавшись, – это не моя чашка чая. Неделя в этом месте свела бы меня с ума. Я чувствую, что здесь ко мне относятся с подозрением, потому что я актриса. Каждый раз, когда я закуриваю сигарету, они смотрят на меня так, как будто я совершаю непростительный грех. В этом жалком провинциальном городке нет даже приличного кинотеатра. Почему Крис не мог предьявить своих тупых родственников в Кливленде, если уж ему так важно навязать их нам? Слава богу, послезавтра мы уезжаем в Нью-Йорк.

– Нэнси!

– О, прости, Кэтрин! – мгновенно пошла на попятную Нэнси. Уголки ее рта опустились, а широко раскрытые глаза наполнились искренним раскаянием. – Я знаю, что сейчас расписывалась, и вообще. Мне не стоило приезжать до премьеры. Я просто пожалела Криса. Но я сейчас совершенно не в ладах с собой. Я настроена на совсем другое.

– На что?

– На пьесу, конечно. О, разве тебе не понятно, Кэтрин, как много она значит для меня, как сильно я хочу успеха? Я знаю, у меня есть Крис, и я счастлива, ужасно счастлива с ним. Но я хочу и другого – успешной карьеры, о да, потрясающего успеха!

Кэтрин молчала, чуть ли не ошеломленная силой страсти, прозвучавшей в голосе Нэнси. Впервые она осознала, насколько велики ее амбиции. Кэтрин постепенно охватывало смятение. Нэнси хотела славы. Но хватало ли у нее для этого необходимых качеств? У нее, конечно, были красота, ум и талант. Но было ли у Нэнси другое неуловимое качество – душевная зрелость, единственное, что могло сделать актрису великой? Внезапно Кэтрин испытала страх, ужасный страх за Нэнси.

– А тебе не кажется, что ты слишком многого требуешь от жизни? – тихо спросила она.

– Возможно, – кивнула Нэнси. – Но я хочу это получить, Кэтрин.

Приблизившись, она поцеловала Катрин на прощание и вышла из комнаты.

Кэтрин, сжав губы, осталась неподвижно стоять у окна. Вокруг была разлита красота ночи и царил покой этих мест, населенных мирными простодушными людьми. Ей захотелось пойти к Нэнси, поговорить с ней, утешить и успокоить. Но она почувствовала, что это было бы лишним. Она была сбита с толку и в то же время встревожена. Она вздохнула и отправилась спать.

Глава 12

На следующее утро Кэтрин проснулась от яркого солнечного света в своей комнате и звуков многих голосов как внутри дома, так и снаружи. Ее сердце радостно откликнулось на этот оживленный и суматошный гул. Она вскочила с постели, быстро надела теплый твидовый костюм и спустилась в комнату для завтраков, где миссис Мэдден, Крис, дядя Бен и юный Сэмми Эммет садились за стол.

– Ой, – привставая, сказала миссис Мэдден с просиявшим лицом, – мы и не думали, что вы спуститесь к завтраку. Нэнси любит, чтобы ей приносили в постель, и попозже.

– Хочется погулять в такое утро, – улыбнулась Кэтрин. – Особенно если впереди катание на коньках.

– По-мужски сказано, – воскликнул Сэмми, постукивая горячим пончиком по своей тарелке. – Для этого дела прогуляйтесь с самим юным Эмметом!

Когда Кэтрин заняла свое место, миссис Мэдден налила ей горячий кофе, а Крис подал с оловянного блюда, стоявшего перед ним, жаренной на огне ветчины. Хрустящие пончики, рекомендованные Сэмми как *chef d'oeuvre*²⁰ миссис Хикки, были легкой пищей. Не имея ничего против такой трапезы, как и накануне вечером за ужином, Кэтрин снова ощутила глубоко тронувшую ее непринужденную атмосферу искренности и жизнерадостности. Она также не могла не заметить, что ее участие в этом раннем семейном завтраке доставило матери Криса подлинное и нескрываемое удовольствие.

Сразу после этого они отправились к озеру. Сэмми, который, само собой, взялся опекать Кэтрин, терпеть не мог что-либо откладывать на потом и, хотя Нэнси все еще нигде не было видно, достал из дровяного сарая пару отличных коньков и повел ее на лед. Мэдден проводил их до причала.

Это было восхитительное утро. Шагая между Сэмми и Мэдденом по схваченной морозцем дороге, Кэтрин не возражала бы, чтобы этот путь никогда не кончался. Все встречные знали Криса и охотно приветствовали его, выказывая знаки уважения и дружбы. Теперь, исходя из вчерашних впечатлений, она прекрасно поняла его истинную натуру, то, что было по-настоящему ценно в нем, тот баланс эмпатии и силы, который не позволял ему отказываться от домашних богов и забывать друзей.

В лодочном сарае полный рвения Сэмми, опустившись перед Кэтрин на колени, помог ей надеть коньки. Затем они, как птицы, расправившие крылья, взлетели вдвоем, заскользив по ровному, как стекло, льду. Мэдден, неподвижно стоя на причале, смотрел, как они исчезают за излучиной ручья. На его лице появилось довольно специфичное выражение. Он любил кататься на коньках, но в последние годы у него для этого было маловато времени. Вероятно, ему тоже хотелось бы выйти с ними на лед, забыв обо всем прочем. Может, именно поэтому в его глазах плескалось странное замешательство, когда он повернулся и медленно направился обратно к дому, чтобы дожидаться пробуждения Нэнси.

Было почти половина третьего, когда Кэтрин и Сэмми вернулись. Обед, по-видимому, давно закончился, на столе было пусто, как и в доме, но, когда они ворвались, перемежая извинения приступами смеха, миссис Мэдден понимающе кивнула.

– Зачем столько шуму? – улыбнулась она. – Я все оставила для вас в духовке.

Она управилась за пять минут, заменив скатерть на столе и нанеся величественный визит на кухню, а затем села, глядя, как они уплетают за обе щеки, как будто получала от этого тихое удовлетворение.

– Еще будете сегодня кататься? – наконец спросила миссис Мэдден.

²⁰ Шедевр (фр.).

Кэтрин покачала головой.

– Я ног не чувствую. И Крис что-то говорил о прогулке после ужина. Для всех для нас. С костром на одном из островов. До вечера я должна прийти в себя.

Пожилая женщина замялась.

– Не хотите ли кофе за компанию? – спросила она после паузы. – Я частенько устраиваюсь с чашечкой одна у камина около трех часов дня.

Гостиная была полна покоя и какого-то необычного смирения. В углу торжественно тикали часы с восьмидневным заводом, а подвески светильника на ореховой тумбочке перебивались и мерцали в отблесках огня из камина. Сэмми, насвистывая, удалился, чтобы посмотреть за пометом щенков, которых они с Хикки выхаживали в сарае. Налив кофе, миссис Мэдден, долгое время молчала. Наконец, выпрямившись и глядя в сторону, заметила:

– Я рада, что вы приехали сюда, Кэтрин. Теперь, когда я уже в годах, осмелюсь сказать, что я не очень-то привязываюсь к людям. Но когда так случается, это очень много значит для меня.

Кэтрин, одновременно тронутая и смущенная, ничего не ответила. А затем, совершенно неожиданно, миссис Мэдден протянула руку и взяла с соседнего столика альбом в плюшевой обложке. Это был семейный альбом, нечто солидное и одновременно нелепое, этакий пережиток прошлого, который, как невольно подумала Кэтрин, тут же вызвал бы у Нэнси зубовой скрежет. Но у Кэтрин не было ни малейшего желания возражать миссис Мэдден, когда та продолжила:

– Тут есть один довольно хороший снимок. Крис, каким он был.

Кэтрин взяла открытый альбом, и ее взгляд упал на выцветшую желтую фотографию мальчика, не старше семи лет, в шортах и нелепой старой соломенной шляпе, сдвинутой на лоб. Да, это был Крис. Сколько бы ему ни было лет, она узнала бы эти темные глаза, смотрящие на нее столь вопрошающе и серьезно. В ней все сжалось от нежности. С великим трудом ей удалось сдержать наплыв глупых слез, которые инстинктивно выступили под ее опущенными ресницами.

– Какая милая фотокарточка, – сказала она. – Вы должны показать ее Нэнси.

– Должна, – медленно проронила мать Криса.

Кэтрин быстро посмотрела на нее и отвела взгляд. Она с удивлением заметила в глазах женщины беспокойство, что ранило ее в самое сердце.

– Глупо с моей стороны так говорить, – продолжала миссис Мэдден еще медленнее, – но я бы хотела, чтобы мой Крис был счастлив.

– Так и будет, – сказала Кэтрин.

– Нэнси очень милая, – замялась миссис Мэдден. – И все же я почему-то не могу привыкнуть к тому, что она актриса. Наверное, я старомодна.

– Она войдет в разум, – с теплотой в голосе сказала Кэтрин.

– Мы говорили об этом как-то вечером, – задумчиво произнесла миссис Мэдден. – То есть это само собой всплыло. До вашего приезда. И Нэнси, похоже, рассчитывает остаться на сцене после того, как выйдет замуж за Криса. Она даже целую речь произнесла по этому поводу. Была вся на взводе. Сказала, что в наши дни девушка может выйти замуж и сделать карьеру. В дни моей юности быть замужем и считалось карьерой девушки. Но теперь, полагаю, все по-другому. Мы должны быть справедливы. Мне очень нравится Нэнси. Я только хочу, чтобы она и мой Крис были счастливы.

– Так и будет, – импульсивно сказала Кэтрин. – Я знаю Нэнси. Она очень молода, но с ней все в порядке. И я, честно говоря, не верю, что она задержится на сцене. По крайней мере... – она сделала паузу, вспомнив свои опасения насчет того, что именно может стать причиной окончательного разочарования Нэнси в актерской карьере, – когда Нэнси поймет, что звездой

ей не бывать, она остепенится и станет просто женой. Если мы оставим все как есть, оно само собой наладится.

– Я надеюсь на это. Очень надеюсь! – сказала миссис Мэдден со спокойной серьезностью в задумчивых глазах.

Разговор прервало появление миссис Хикки с тарелкой свежее испеченных бисквитов. И ни Кэтрин, ни Сьюзен Мэдден больше не возвращались к этой теме.

Кэтрин в тот день больше никуда не выходила. Она рассудила, что запланированная на вечер прогулка окажется достаточно захватывающей. Действительно, когда пришло время ужина, прибыла большая компания, еще более многолюдная, чем вчера. Но за столом не стали тратить время попусту – все торопились на озеро. И вот около восьми часов вечера человек двадцать, а то и больше, вышли из дома. Среди них был и Мэдден. Однако Нэнси отказалась присоединиться к прочим, вполне вежливо заявив, что, если кто-нибудь снова попытается научить ее стоять на коньках, она сойдет с ума. Во всяком случае, добавила Нэнси, она решила побыть одна в своей комнате и поработать.

Надев в лодочном сарае коньки, все отправились в путь под сверкающим сиянием звездного неба. Взявшись за руки, они образовали длинную шеренгу, скользящую по льду. Их согласованные ритмичные движения невольно сливались с экстазом ночи. Луна, похожая на большой фонарь, висевший высоко в небесах над ними, отбрасывала свой свет на замерзшие воды. На юге приветливо поблескивали инеем крыши деревни. На востоке горы объединились в хребет, который, возможно, был ступенькой в обитель богов. Впереди расстиралось дивное пространство льда, темное и светящееся, похожее на отполированный мрамор, гладкое, как агат, уходящее все дальше и дальше, к заливу.

Едва переводя дух, Кэтрин мчалась вместе со всеми. Часто дома она каталась на коньках по крошечным лондонским прудам, в мрачный туман или в опасную оттепель. Но никогда она не знала такого великолепного простора, такого чудного воздуха, такого девственного льда. Ее сердце воспарило. Звон коньков звучал музыкой в ушах. Ветер, хлеставший ее по щекам и развевавший концы шарфа, почище шампанского гнал кровь по венам.

Наконец в пяти милях от берега они добрались до острова, небольшого круглого холма с высохшими елями и ивняком, и там через несколько минут вспыхнул заранее приготовленный костер. Когда пламя, сверкая, взметнулось вверх, собравшиеся окружили костер, отвинтили крышки термосов и стали передавать из рук в руки порции кофе и горячего молока. Бетти Лу, как сокровище из земли, достала из своей муфты на котиковом меху пакет с имбирным печеньем. Затем Энди Данн, продавец в деревенской лавке, снял с плеча аккордеон и тихонько нажал на клавиши. Он исполнял старые знакомые мелодии – нежно и мечтательно: «Река Суони», «Теплая вечеринка у тети Дины», «Дядя Нед» – прелестные незатейливые, поднимающиеся к небесам, к звездам. Все даже не заметили, как начали петь.

Кэтрин обвела взглядом круг счастливых поющих лиц, освещенных пламенем костра, и во второй раз за этот день слезы неподдельного волнения навернулись ей на глаза. Какая жалость, что Нэнси не поехала с ними! В этом круге было молчаливое признание взаимной любви, того общего братства, которое объединяет всех людей на земле.

А затем все подхватили слова самой прекрасной песни на свете под названием «Хуанита». Кэтрин ничего не могла с собой поделать. Ее душа больше не принадлежала ей, а стала одним целым с душами этих людей. Кэтрин тоже начала подпевать.

Внезапно посмотрев на Мэддена, она поймала его взгляд. Весь этот день – точнее, с момента своего приезда – она почти не видела его. Но сейчас что-то непонятное и почти пугающее в его глазах застало ее врасплох. Он смотрел на нее как-то необычно, словно сквозь дымку, или будто видел впервые в жизни.

Когда песня закончилась, наступила долгая тишина, затем, словно почувствовав, что больше петь не следует, все пустились в разговоры. И тут же Кэтрин ощутила прикосновение Мэддена к своему локтю.

– Было мило с вашей стороны присоединиться к нашей компании, – произнес он каким-то странным сдавленным голосом.

– Почему бы и нет? – чуть нарочито засмеялась она. – Даже если я не могу попасть ни в одну ноту.

– Это не важно, – ответил он. – Главное, что вы пели.

Когда все снова взялись за руки, чтобы двинуться в обратный путь, Мэдден остался рядом с ней. Его рука в перчатке из грубой шерсти слегка сжимала ее руку. Пока возвращались к берегу, он в основном молчал, а уже возле дома украдкой бросил на нее взгляд и затем пожелал ей спокойной ночи тем же сдавленным голосом.

Но сам он не сразу лег спать. Оставив гостей, он вышел в сад, где луна отбрасывала среди яблонь странные искаженные тени. Мгновение он стоял, словно сбитый с толку. Рассеянно, неловко он попытался зажечь свою трубку, но она погасла, и он, не обращая на это внимания, стиснул ее зубами. Потом в занавешенном окне Кэтрин внезапно вспыхнул свет. Казалось, что при этом и на Мэддена снизошло озарение. Он молча уставился на окно, затем, повернувшись, прижался лбом к холодной коре узловатой ветки. Его лицо, освещенное бледным светом, было таким же искаженным, как тени фруктового сада.

Глава 13

И вот снова Нью-Йорк. Всего лишь понедельник, однако Кэтрин казалось, что с тех пор, как она три дня назад ступила на Центральный вокзал, прошла целая вечность. В окружении городской суеты весь ее визит в Грейсвилл стал далеким и неосязаемым, как прекрасный сон.

Вернулись и Нэнси с Мэдденом, поскольку на «Империале» прибыл Бертрам, и сразу же начались репетиции. Мэдден намеревался чуть позже отправиться в Кливленд, однако пока по просьбе Нэнси снова остановился в «Уолдорфе».

В последующие дни Кэтрин его не видела и мало общалась с Нэнси. Теперь Мэдден казался образцом преданности: хотя Нэнси была вынуждена проводить большую часть дня в театре, он постоянно был рядом, готовый сопровождать ее на обед, чай или ужин в эксклюзивные рестораны, выбираемые по ее прихоти. Нэнси, вернувшая себе утонченность манер, с энтузиазмом погрузилась в работу. И все же, несмотря на то что она была так занята, ей каким-то образом удавалось наслаждаться возвращением к городской жизни. Заранее все организовав, она назначила на четверг поход в ночной клуб для них троих.

Что касается Кэтрин, она не имела ни малейшего желания идти туда, но уступила прихоти Нэнси. А тем временем изо всех сил старалась заняться исключительно своим бизнесом. Ее не оставляли мысли о миниатюре, и она со все возрастающим напряжением ожидала прибытия Брандта. Эта атмосфера неуверенности, как объясняла она самой себе, действовала ей на нервы. Когда наступил четверг, ее настроение еще больше упало – она чувствовала себя взвинченной и чрезмерно напряженной. Только одно было ясно – глубоко спрятанное и непризнаваемое – ее страстное, до сердечной боли желание снова увидеть Мэддена.

Но когда она все-таки увидела его, то была поражена произошедшей в нем переменой. Казалось, что он похудел, постарел, а под глазами залегли черные тени.

Это была странная встреча. Он как будто забыл об их прошлой дружбе, о тех полных взаимного доверия днях в Лондоне и в начале круиза, о том недавнем вечере в Грейсвилле, когда они возвращались на коньках к берегу озера. Он вел себя сдержанно, почти нарочито отстраненно. Он не смотрел на нее. Его рукопожатие было холодным. Для Кэтрин это был тяжелый момент. Нэнси, погруженная в себя, ничего не замечала.

Они постояли несколько минут в вестибюле отеля. Разговор не клеился. Затем, словно стремясь разрядить ситуацию, Мэдден повел их на улицу к такси. Ночной клуб был переполнен, но им достался отличный столик, зарезервированный заранее. И снова Кэтрин, запомнившая Мэддена в темном джемпере, простого, обычного человека среди простых деревенских жителей, была сбита с толку той сухостью, с которой он добивался от официантов наилучшего обслуживания и внимания. Он казался другим, более жестким, чем раньше. Он заказал шампанское «Магнум».

Несмотря на шампанское, разговор опять не задался. К счастью, почти сразу же погасили свет, и началось первое отделение кабаре, где звездой была Дейзи Джервис. Оказавшись в луче прожектора, она подошла к микрофону в центре зала и запела свою первую песню. Известная певица на радио и в кабаре, она не была красавицей, но обладала невероятной жизненной энергией и сногшибательной индивидуальностью.

Нэнси слушала внимательно, с критичным настроением профессионала. Но Кэтрин, хотя и уступая невольно резкому ритму песни, не могла отвести глаз от профиля Мэддена, который в данном освещении казался тоньше и изнуренней, чем раньше. Она не могла понять, что с ним произошло. Он непрерывно курил, и его беспокойные пальцы пожелтели от никотина. Она никогда не замечала этого раньше. Не было ли это свидетельством некоего скрытого стресса, который по какой-то непонятной случайности вдруг дал о себе знать? Он продолжал избегать ее взгляда. Его губы были сжаты, линия подбородка оставалась угрюмой и неподвижной.

Когда песня закончилась, Нэнси, все еще не замечая ничего необычного, потягивала шампанское и отпускала комментарии в адрес соседней. Нэнси уже узнавала большинство значимых фигур города, и ее реплики, произнесенные отчасти покровительственным тоном, превращались в сатирический монолог, который при других обстоятельствах мог бы показаться забавным. Внезапно она взмахнула рукой, узнав в дальнем углу своих знакомых из актерского состава «Дилеммы».

– Там Бертрам, Кэтрин, – пробормотала она. – С актрисой Brent и Джоном Сидни. У Берти не такой хороший столик, как у нас. Один ноль в твою пользу, Крис.

Дейзи Джервис начала следующую песню – сильный бродвейский номер, полный режущих слух диссонансов и пронзительных интонаций. В настоящий момент эта песня была хитом, и все перестали разговаривать, пить и есть, чтобы послушать. Голос, бесцеремонно усиленный микрофоном, вмещал в себя суету и гул улиц, холодный блеск современной жизни, ее суровость, беспечность, обман.

Кэтрин слушала вместе с остальными – от резкого, пульсирующего ритма некуда было деться. Но от этой вещи ей стало плохо – даже заболело сердце. Она оглядела роскошное пространство, битком набитое цветами, драгоценностями, деньгами, дорогими экзотическими блюдами и винами, а также возбужденными людьми, надушенными, в пудре и креме, в шелках и манишках, – хитрые, жесткие лица мужчин, металлическая красота накрашенных женщин.

Волна безнадежности накатила на Кэтрин, а вместе с ней и подспудное желание сбежать. Она подумала о Грейсвилле и прелестной сельской местности Вермонта, обо всех незатейливых радостях, которые может предложить жизнь: свежий воздух, простая еда и чистое сладкое дыхание открытых пространств. И мучительное желание, какого она никогда не знала, овладело ею – покончить со всем искусственным, наносным и искать высшую реальность жизни в аскетизме и покое. Ее вдруг осенило, что нечто подобное могла испытать и бедняжка Люси де Керси, когда, удалившись от мирской суеты тюдоровского двора, она обнаружила, что ее возлюбленный мертв, а счастье разрушено.

Зажегся свет. Кэтрин не могла видеть лица Мэддена – он закрыл его рукой, но Нэнси ахнула от удовольствия:

– Она хороша! В ней что-то есть. И это был потрясающий номер!

Кэтрин сделала большой глоток воды со льдом. Реплика Нэнси царапнула ее. Окружающее становилось все более ничтожным и бессмысленным. А затем, к ее облегчению, подошел служащий и передал сообщение, что мисс Лоример просят к телефону.

Извинившись, Кэтрин встала и последовала за стюардом к выходу.

Когда Нэнси и Мэдден остались одни, воцарилась странная тишина.

– Кэтрин сегодня не в духе, – сказала наконец Нэнси. – Но вообще-то, все это не совсем в ее вкусе.

Мэдден рисовал вилкой узоры на скатерти, но тут встрепенулся.

– Да, – сказал он, – не в ее вкусе.

– Бедная Кэтрин! – сказала Нэнси. – Она делает все, что может!

Он бросил на нее быстрый взгляд:

– Для тебя она немало сделала, не так ли?

– О да, – охотно согласилась Нэнси, – конечно. И если можно так выразиться, дорогой, ей нравится это делать!

Мэдден, видимо, хотел возразить, но сдержался. Он поднял голову, налил себе еще один полный бокал шампанского и выпил его, затем наклонился к Нэнси.

– Я должен сказать тебе кое-что важное, – начал он ровным тоном. – Я все думаю об этом с тех пор, как мы уехали из Грейсвилла. Мы должны пожениться, ты и я, немедленно.

– Ну, неужели? – хохотнула Нэнси.

– Да. – Его темные глаза сумрачно смотрели на нее. – Но заметь, я сказал: немедленно. Между нами все должно быть ясно. К концу следующей недели надо поставить точку.

– Но почему, Крис?

– А почему нет? – твердо стоял он на своем. – Ты ведь любишь меня?

– Ты же знаешь, что да.

– Тогда все решено. Через неделю. Когда я вернусь из Кливленда, а твоя премьера уже состоится.

Тронутая и польщенная его напором, Нэнси опустила глаза.

– Хорошо. Все решено, дорогой, – прошептала она. – На самом деле я ужасно рада, – добавила она. – Знаешь, в Грейсвилле у меня было жуткое предчувствие, что ты попросишь меня бросить сцену до того, как мы поженимся.

– Правда?

Она кивнула:

– Возможно, это моя вина, но мне там действительно было не по себе. Я все время чувствовала, что твоя родня не одобряет мою профессию. А сцена так много значит для меня, дорогой. – Теперь Нэнси смотрела на него с нежностью – ее глаза светились неподдельным чувством. – О, понимаю, я еще мало чего добилась. Но я добьюсь, я добьюсь! И не глупыми ролями в глупых пьесах, а в настоящих вещах – Ибсена, Шоу и Шекспира. Когда-нибудь я так сыграю Офелию, Крис, что ты затаишь дыхание. Я знаю – у меня получится. Должно получиться. Тебе придется гордиться мной. Это ужасно, дорогой, иметь такой зов в крови. Это как любить тебя. Я ничего не могу с этим поделать. Я не могу отказаться от этого. И почему я должна отказываться? Мы два умных любящих друг друга человека. И мы живем в двадцатом веке. Ничто на свете не мешает мне быть с тобой и, кроме того, быть актрисой. Разве не так, дорогой, разве не так?

Ее доводы, столь искренние и неожиданные, безотчетно тронули его.

Не глядя на нее, он потянулся и пожал ей руку. Его голос был полон сопереживания, когда он ответил:

– Сначала я не понимал тебя, Нэнси, но теперь, кажется, понимаю. Я думал, ты просто развлекаешься в театре. Теперь я вижу, что был не прав. И поверь мне: если для тебя театр и брак одинаково важны, то и для меня это будет так.

Они помолчали, а потом Нэнси сказала:

– Люди всегда сталкивались с этой дилеммой – брак или карьера. Но мы ведь решим это, верно, Крис?

– Да, мы решим.

– Спасибо, Крис, – прошептала она. – Это заставляет меня любить тебя еще больше. – Она опять помолчала. – А ты, дорогой? Ты тоже сильно меня любишь?

Его пристальный взгляд выразил ровное, неколебимое внимание.

– Да, – ответил он, – я действительно люблю тебя, Нэнси. Разве я не говорил тебе об этом сотни раз?

Когда Кэтрин вернулась, они уже беседовали о чем-то нейтральном. Было довольно поздно. Оркестр заиграл с характерным для финала подъемом. Мэдден впервые за вечер прямо посмотрел на Кэтрин. Казалось, он наконец почувствовал себя непринужденно, и его тон был спокойным и приятным.

– Надеюсь, хорошие новости?

Кэтрин слабо улыбнулась:

– Это был Бреге. Брандт только что позвонил ему из Чикаго и подтвердил нашу договоренность. Он получил фотографии, которые я ему послала, – цветные увеличенные изображения Гольбейна, – и он весьма впечатлен. Завтра он летит в Нью-Йорк, и в три часа дня мы встречаемся. Все, что мне осталось, – это вручить ему миниатюру, и она будет продана.

– Классная работа! – Нэнси в знак одобрения хлопнула ладонью по столу. Ее лицо сияло от счастья. – Поздравляю, дорогая! Я так рада.

– Гора с плеч, – добавил Мэдден.

– Да, – сказала Кэтрин. – Так и есть.

Музыканты исполняли свой последний номер. Было два часа ночи. Народ потянулся к выходу.

– Что ж, – сказал Мэдден, – думаю, нам всем пора ко сну.

Нэнси весело рассмеялась:

– Чепуха, дорогой! Еще слишком рано. Праздник не закончился. – Встав, она закуталась в шаль. – Мы сейчас пообщаемся с компанией Бертрама и отправимся в «Лонгчемпс» за какими-нибудь сэндвичами.

На усталое лицо Мэддена набежала тень, но быстро исчезла. Кэтрин почувствовала, что у него нет желания продлевать вечер. Он открыл было рот, словно хотел что-то сказать, но промолчал. В вестибюле они встретили Бертрама и остальных. Лесли Джин Маркс и Глория Бишоп тоже каким-то образом оказались тут, а позолоченные зеркала на стенах множили количество присутствующих, отчего вся картина выглядела достаточно внушительно, даже для Нэнси. После этого у Кэтрин, при всем ее желании, не было возможности еще поговорить с Мэдденом. На следующий день он, как и планировал, уехал в Кливленд.

Глава 14

На следующий день около трех часов Кэтрин вышла из дома, чтобы принять в своем офисе Брандта. Мелкий дождик пронизывал воздух, просачиваясь сквозь завесу тумана над головой. Вопреки своему обыкновению, Кэтрин взяла такси, и, пока она ехала, мысли, роившиеся в ее сознании, казались такими же серыми и смутными, как полосы тумана снаружи. Воспоминания о прошлой ночи – о ночном клубе, Дейзи Джервис, о посиделках в «Лонгчемпсе», о веселье Нэнси и стоическом выражении лица Мэддена – все это хаотично крутилось в ее голове.

И она более рассудительно подумала о возвращении Мэддена в Кливленд, о том, как, избавившись от непривычного досуга последних недель, он перейдет на другой уровень существования, земной и практичный, соответствующий его реальному статусу. Она видела, как он выходит из поезда, с саквояжем в руке, с поднятым воротником пальто и в надвинутой на лоб шляпе, – его смуглое серьезное лицо обращено к маленькой фабрике с одной трубой, где его встретят преданные сотрудники – менеджер, бригадир, стенографистка и, возможно, полсотни рабочих. Почему ей представилась такая картина, она не могла бы сказать, однако была убеждена в ее реальности, как будто сцена разыгрывалась прямо у нее перед глазами.

Кэтрин вздохнула. Она должна была держать в узде свои эмоции и собрать все силы, какие у нее были, для встречи с Брандтом. Как только она продаст миниатюру, то сможет прикинуть, как побыстрее вернуться в Англию. Кроме премьеры Нэнси, больше ничто ее тут не удерживало. Мэддену и Нэнси она больше не понадобится. От нее будет мало толку во время их медового месяца, с горечью подумала она.

Ее пробрала дрожь от холода и сырости, когда она вылезла из такси и быстро направилась к офису, где ее ждал Бреге. Это был не сам офис, а подсобное помещение, по сути крошечный закуток, где едва хватало места для письменного стола, электрического гриля и пары стульев. От нее не ускользнуло, что Бреге – худой, с орлиными чертами лица – явно нервничал, хотя и держался вежливо и сдержанно. Трогательный и нелепый, он с пафосом сварил на маленькой плите кофе, который вместе с тарелкой сладкого печенья предложил ей в качестве угощения.

Это был хороший кофе, горячий и крепкий, с настоящим французским привкусом. За чашкой кофе Кэтрин изучала своего пожилого сотрудника – его морщинистое, нервное лицо, его костюм, лоснящийся от многократной глажки и потертый на манжетах, рубашку, безупречно чистую, но неприлично поношенную, с аккуратной штопкой прямо под высоким жестким воротником, ботинки, так тщательно начищенные, что крошечные трещинки сверху были почти незаметны, – и вдруг в ней проснулось безмерное сострадание. Раньше она никогда не обращала особого внимания на Бреге, разве что размышляла о том, насколько ей нужен этот пожилой джентльмен-холостяк, но теперь она прониклась к нему симпатией, видя его борьбу с унижительной бедностью, все эти жалкие усилия поддерживать достойное существование.

– Кстати, – вдруг сказала она, – если мы заключим эту сделку, то собираемся повисить вам жалованье.

Бреге покраснел до корней своих редких седых волос.

– О нет, мисс Лоример.

– О да, Бреге, – решительно ответила она.

Он по-собачьи посмотрел на нее, затем отвел взгляд и пробормотал:

– Спасибо, мисс Лоример, Большое вам спасибо.

Наступила тишина. Он взглянул на свои часы, тонкие, золотые, с эмалью, марки «Луи-Филипп», – все, что у него осталось от прежнего статуса.

– Пора бы мистеру Брандту прийти.

– Ведь еще нет трех, верно?

– Как раз есть, мисс Лоример.

– Не суетитесь, Бреге. – Она по-доброму улыбнулась ему, как бы прекрасно понимая причину его нервозности. – Считайте, прибавка уже у вас в кармане.

– Я имею в виду другое, – поспешно сказал он. – Я имею в виду вас, мисс Лоример. В конце концов, это довольно важно... – Он замолчал, неловко пожав плечами.

– Брандт купит ее, – убежденно сказала Кэтрин. – Он ведь подтвердил это. Разве мы его не знаем? Он человек слова.

Снова воцарилось молчание, которое оба они заполнили мыслями о своем знаменитом клиенте. Брандт был, как говорила Кэтрин, человеком, который знал, чего хочет, и всегда получал это. Невысокий, темноволосый, коренастый, в очках, но с пронзительным взглядом, он проложил себе путь к баснословному богатству благодаря двойным интересам – транспорту и лесозаготовкам. Его имя стало наглядным примером того, чего можно добиться в этой жизни. История его достижений – от огромной сети лесозаготовительных поселков, которые он построил на северо-западе, до нового биохимического института, который он основал в Сан-Франциско, – стала почти легендой, как и цена его сокровищ, заполнявших его замок в Испании, палатку в Венеции и грандиозный особняк в стиле барокко недалеко от Ки-Уэста и измеряемых миллионами.

Достаточно было уже просто подумать о нем, чтобы он возник в комнате как бы во плоти, настолько яркой была его личность, и Кэтрин вздрогнула, очнувшись и обнаружив, что здесь лишь она и Бреге, чьи неумолимо тикающие часы показывали четверть четвертого.

– Странно, мисс Лоример, не правда ли? – сказал Бреге, прочищая горло. – Может... может, следует позвонить ему домой?

Кэтрин отрицательно покачала головой:

– Не стоит его беспокоить. Он точно приедет, если только что-то его не задержало. В этом случае нам бы позвонили.

– Да, мисс Лоример.

Но неизвестность и все, что за ней могло стоять, оказалась для Бреге непосильной ношей. Не усидев на своем месте, он бочком проскользнул в приемную и застыл в ожидании за узкой стеклянной дверью, откуда можно было наблюдать за тем, что происходило на тротуаре перед витриной.

Кэтрин, подперев щеку ладонью, продолжала ждать стука открываемой двери, но слышала снаружи только гул уличного движения и пронзительные крики мальчика – продавца газет. В конце концов она осознала, что кричит он слишком уж пронзительно и возбужденно. И тут же к ней с газетой в руке бросился Бреге – вид у него был такой растерянный, что она подумала, не случился ли у старика инсульт. Сначала он не мог вымолвить ни слова. Он стоял на пороге, слегка пошатываясь, – дикие глаза, бледное лицо, за исключением ярких пятен румянца на скулах. Наконец он пробормотал:

– Гляньте, мисс Лоример! Гляньте!

Она вскочила, внезапно охваченная страхом:

– Что там?

– Брандт... он... он все-таки не купит миниатюру.

Бреге с трудом выговаривал слова, его лицо исказилось, затем, опустившись на стул, он, не стесняясь, заплакал.

Кэтрин схватила газету, которую он ей протянул, и там черным по белому через всю страницу было крупно напечатано известие о катастрофе самолета, в результате которой Брандт и еще десять человек погибли.

Глава 15

Кэтрин вышла из офиса в стущающуюся тьму с таким видом, как будто ее единственным желанием сейчас было спрятаться от людских глаз. С гордо поднятой головой и мало что различая перед собой, она прошла по Шестьдесят первой улице, пересекла Медисон-сквер и, повинаясь какому-то неясному инстинкту, оказалась в открытом и пустынном оазисе Центрального парка. Походив несколько минут, она села на скамейку у замерзшего озера и инстинктивно попыталась собраться с мыслями.

Сначала она не испытывала ничего, кроме тупого ужаса из-за внезапной кончины Брандта. Ей нравился этот человек. В отношениях с ней он был скрупулезно справедлив, а за его мощной аурой открывалась настолько простая и великодушная натура, что Кэтрин стала считать его не только своим покровителем, но и другом. А теперь его больше нет.

Она сидела в пустом парке – странная одинокая фигура, – и на нее нахлынуло отчаяние. Вокруг нее во мраке, окутывающем город, возвышались минареты и храмы великой цивилизации, наполненные приглушенными голосами многомерной жизни. И все же здесь Кэтрин была одна. На замерзшем пруду до ее прихода несколько ребят катались на коньках, но они давно вернулись домой, оставив только опущенные инеем следы от своих коньков. Несколько водоплавающих птиц, прикрыв озябшими крыльями ноги-ходули, понуро отсиживались в укрытии на маленьком острове. Парковые фонари были похожи на размытые бусины, нанизанные на невидимую цепь, уходящую в никуда. Все прочее представляло собой мрак и глухую тишину.

Постепенно к ней пришло осознание собственного положения. Все было кончено. С трагическим уходом Брандта ее надежды удачно и быстро продать миниатюру стали нереальными – разве что оставалось полагаться на какую-нибудь мизерную случайность. Вскоре она должна была погасить долг банку. Чтобы сделать это и выполнить другие свои обязательства, ей придется продать – если только без нее не продадут – все, чем она владела: имущество, арендованные помещения, даже самую суть ее бизнеса. Если повезет, она сможет избежать позорной процедуры банкротства. Но, с везением или без него, она была повержена, разбита, разорена. Это означало конец ее карьеры, горестное крушение карточного домика, который она построила с таким трудом. Она вспомнила о своих первых проблесках надежды, которая теперь была безжалостно растоптана, о своем сладостном мимолетном успехе, оставившем теперь лишь горечь во рту, и ее пронзила острая боль.

Затем, когда боль поутихла, она подумала о тех, кого коснется ее крах. Об Уолтерсе и мисс Миллс, о Бреге – увы, бедный Бреге! – и, прежде всего, о матери, которую потрясет случившееся. Нэнси, слава богу, теперь в ней не нуждается. Но другие... О, это было слишком мучительно – думать, как они пострадают из-за нее. Конечно, она все еще может работать и благодаря неустанному упорству и добропорядочности – качествам, унаследованным от отца-пуританина, – вполне способна дотянуть до ранней старости. Но сумеет ли она когда-нибудь достичь того благополучия, которое знала раньше? Другие (она подумала о Бертраме) способны с улыбкой проиграть, а затем за год сколотить новое состояние. Но она не такая. Ее звезда движется скорее по выверенной, чем по случайной орбите. Если эта звезда упадет, то на самое дно и больше никогда не взойдет снова. Кроме того, в последнее время Кэтрин чувствует себя до странности незащитной и уязвимой перед стремительным, турбулентным движением жизни. К тому же сейчас она как никогда мучительно сознает свою женскую суть. Она женщина, слабая и беспомощная, нуждающаяся в опоре, в ком-то сильнее себя, кого могла бы со слезами на глазах попросить о защите.

Внезапно Кэтрин охватило чувство такой полной и отчаянной безысходности, что мелькнула мысль положить конец этой катастрофе, быстро расправившись с самой жизнью. Так легко было бы ступить в темную, добрую Лету забвения. И объяснять ничего никому не надо. Один

неверный шаг в поток машин – конечно, это несчастный случай, – и она избавится от страданий, навсегда уснет и вскоре будет забыта.

Но в тот же миг она содрогнулась от отвращения и отбросила эту мысль, как что-то нечистое. Мужество! Вот что было девизом ее жизни. Только мужество. Ничто другое не имело значения, и теперь она должна принять свое поражение с еще большей, чем когда-либо, силой духа. Она резко встала и, плотнее запахнув пальто, твердым шагом направилась домой.

В квартире была Нэнси, уже собиравшаяся на репетицию. Увидев Кэтрин, она подбежала и обняла ее за шею.

– Дорогая Кэтрин, – воскликнула она, видевшая специальный выпуск газет, – мне ужасно жаль. – И торопливо продолжила: – Я надеюсь, что это не будет иметь таких уж страшных последствий. Как тебе жутко не повезло! Лучше бы это случилось потом, а не теперь!

Кэтрин, уже овладевшая собой, тихо произнесла:

– Если подумать, то Брандту не повезло гораздо больше.

– О, конечно, дорогая, – сказала Нэнси и, помолчав, добавила: – Ты как всегда видишь все по-своему. В своем ключе.

Она чуть-чуть задержалась, желая выказать свое внимание Кэтрин, суетясь вокруг нее, умоляя сесть, выпить коктейль, выкурить сигарету, прямо сейчас заказать ужин. Но было очевидно, что ее мало волновало произошедшее с Кэтрин и что в глубине души она была поглощена театром, ходом репетиций и всеми своими насущными делами. И вскоре она ушла, помахав на прощание в знак сочувствия и любви.

Есть Кэтрин не хотелось. Она позвонила, чтобы принесли горячего молока, и запила им две таблетки снотворного. Сон был тем лекарством, в котором она нуждалась, и, сбросив с себя одежду, она сразу же легла в постель.

Под воздействием мощного усыпляющего средства она и в самом деле мгновенно погрузилась в сон, который сомкнул над ней свои крыла. И все же ее мысли просачивались сквозь его стремительное объятие, превращаясь в гротескные, ужасающие видения.

Ее растерзанное и оцепеневшее сознание вернулось к тому дикому видению, которое с недавних пор стало преследовать ее и теперь, казалось, совпало с ее собственными несчастьями. Мадемуазель де Керси, героиня миниатюры, ожила, слилась с ней, горестной и одинокой, воплотилась в нее. Она, Кэтрин Лоример, стала живым портретом кисти Гольбейна, разочарованной в жизни и любви женщиной, трагической фигурой, с вечной бледной улыбкой на губах, с букетом белых гвоздик. Все повороты судьбы благодаря которым миниатюра попала ей в руки в этот период ее жизни, казались чем-то predetermined и неизбежным – напоминанием и предзнаменованием. Она повторила не историю, а судьбу несчастной Люси. И этой судьбы, увиденной сквозь призрачные тени сна, было достаточно, чтобы заплакать в голос.

Она проснулась как от толчка, с пересохшим горлом, вся в поту – и увидела, что уже утро. В ее пульсирующем мозгу, еще не освободившемся от остатков сна, тут же снова вспыхнуло осознание ее положения. Словно пытаясь спастись от этого, она вскочила с постели, приняла душ и быстро оделась. Заглянула в комнату Нэнси – та еще спала.

Кэтрин вышла на улицу. Она понятия не имела, куда идет. Только, конечно, не в офис. Она не могла видеть ни Бреге, ни место, где ее настигла катастрофа. Смутно она осознавала, что ее действия иррациональны, ее разум все еще наполовину одурманен таблетками или даже полностью оглушен. Она оказалась на Сорок второй улице, направляясь к Таймс-сквер. На углу зашла в аптекарский магазин и заказала себе чашку кофе и булочку. Снова выйдя на улицу, она продолжила путь через площадь, а затем, подчинившись потоку людей, вливающих в метро, миновала турникеты и спустилась к поездам.

Бежать! Бежать! Так она оказалась в поезде, не зная, куда направляется, – просто сидела в переполненном вагоне, мчащемся сквозь подземную тьму, а внизу стонали и скрежетали колеса. Она хотела только одного – сбежать. Конечная остановка. Она снова на продуваемой

всеми ветрами платформе, с запахом моря в ноздрях и слабым шумом прибоя в ушах. От станции – на унылую главную улицу, полную закрытых магазинов, устричных баров, ресторанов с морепродуктами, тиров, – стены сплошь в пузырях краски и с отслаивающейся побелкой, порванные рекламные щиты и объявления минувшего сезона. Над нею и вокруг – угрюмые гигантские конструкции, безжизненные и нелепые, – зимние скелеты аттракционов из парка развлечений. Сквозь пелену, окутавшую ошеломленное сознание Кэтрин, пробился лучик разума и обнажил в самом насмешливом виде ее положение. Ее губы дрогнули, и она издала резкий болезненный смешок. Местом, где она оказалась, был Кони-Айленд.

Впрочем, какая разница? Над пустынной береговой чертой, где огромная дуга смыкала небо и море и где обширную водную гладь рассекали самые большие в мире лайнеры, воздух был холоден и чист. Кэтрин прошла несколько миль по безлюдному променаду. Она весь день ходила туда и обратно, наклонив голову, глаза неподвижны, будто что-то ищут. Но хотя в голове у нее прояснилось и ее разум снова обрел шаткое равновесие, она не испытывала ничего – абсолютно ничего, кроме усталости и отчаяния. Ранняя декабрьская тьма заставила ее вернуться к огням беспризорной окраины, а оттуда к сверкающему Нью-Йорку, который встретил ее с оглушительной издевкой – неоновыми вывесками, изрыгающими свои цветные вспышки над диким адом запруженных улиц.

Когда, испытывая глубочайшее отчаяние, она вернулась в свой номер, ее взгляд упал на стопку белых листков, на каждом из которых была напечатана привычная фраза: «Для вас в офисе есть сообщение». И в тот же момент у нее зазвонил телефон. Это был оператор телефонной связи отеля.

– О, мисс Лоример, – раздался приятный певучий голос, – мистер Бреге весь день пытался найти вас. Он звонил вам раз пять или шесть и несколько раз заходил лично.

Только Бреге, огорченно подумала Кэтрин, а вслух сказала:

– Все в порядке, спасибо. Я позвоню ему.

Она уже хотела безучастно положить трубку, как снова раздался голос оператора:

– Подождите минутку, пожалуйста, мисс Лоример. Мистер Бреге снова на проводе.

Раздался щелчок, и Бреге сказал:

– Привет! Привет! Это вы, мисс Лоример? Где, господи, вы пропадали?

Устало прижав руку ко лбу, Кэтрин все же заставила себя терпеливо ответить:

– Я взяла выходной, Бреге. Чтобы хоть немного прийти в себя.

– Но, *mon Dieu!*²¹ – воскликнул Бреге. – Вы хоть понимаете, что произошло?

Кэтрин облизнула губы, пораженная странной истеричностью Бреге.

– А что произошло?

– Я весь день пытался вам сообщить, – верещал Бреге в крайнем возбуждении. – О, *mon Dieu!* Я не могу больше сдерживаться, иначе взлечу, как воздушный шар. Мисс Лоример, дорогая мисс Лоример, мы продали миниатюру.

²¹ Боже мой (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.